

Анни М.Г. Шмидт

Плюк из Петтэфлета

С иллюстрациями

Фип

Вестендорп

Анни М.Г. Шмидт

С иллюстрациями

Фип Вестендорп

ПЛЮК
из Петтэфлета

ЗАХАРОВ

Анни М.Г. Шмидт

Плюк
из Петтэфлета

С иллюстрациями
Фип Вестендорп

ЗАХАРОВ
МОСКВА

УДК 821.112.5
ББК 83.34Гол
Ш73

Annie M.G. Schmidt

PLUK VAN DE PETTEFLET
Met illustraties Fiep Westendorp

Amsterdam Antwerpen
Em. Querido's Uitgeverij B.V.

Published in Russia with financial support from
the Dutch Foundation for Literature

Издание осуществлено при поддержке компании
N.V. Nederlandse Gasunie

gasunie

Шмидт А.

Ш73 Плюк из Петтэфлета : рассказы для детей / Анни М.Г. Шмидт ;
[худож. Ф. Вестендорп]; [пер. с нидер. И.Трофимовой]. –
М : «Захаров», 2011. – 232 с. : ил.
ISBN 978-5-8159-1067-6

Книгу про Плюка знают очень много детей из разных стран мира. Про него сняли фильм, и даже есть компьютерная игра. Написала эту книгу Анни М.Г. Шмидт, та же самая писательница, которая раньше рассказывала про Сашу и Машу. Она получила за свои книги главную премию всех детских писателей — имени Ганса Христиана Андерсена. По популярности Плюк запросто может поспорить с самим Карлсоном!

Он рыжий, озорной и не может без приключений. То едет к морю на красном подъемном кране, то борется с вредной госпожой Чистотюлиной, то спасает Голубиный лес. У Плюка много друзей — семья Топутшкиных, Ахонька, голубка Долли, — и он всегда готов им помочь.

Copyright text © 1971 by The Estate of Annie M.G.Schmidt
Copyright illustration © 1971 Fiep Amsterdam bv;
Fiep Westendorp Illustrations, Amsterdam, Em. Querido's Uitgeverij B.V.
© Ирина Трофимова, перевод с нидерландского, 2010
© «Захаров», издание на русском языке, 2011

Оглавление

Как Плюк нашёл себе дом	7	Волк-оборотень	143
Топотушкины	12	Так мало времени	148
Трусишка	18	Ореховая роща	153
Господин Майор		Очень странный	
и его Длинно-конь	26	задворник	158
База	32	Среда	163
Карл с деревянной ногой	37	Ореховая ежевика	168
Чайки	45	Взрослые играют	173
Воздушный мостик	51	Всё не так!	178
Долли в опасности	56	Джем	185
Снова корь, и опять		Ахонька	
каренная картошка	61	возвращается домой	191
Телевизор	65	Кудряист	196
Цепочка обезьянок	71	Хитрый план	201
Вин день порядка	76	Пр-р-р! Та-ли-лу!	207
Поездка на море	82	Вымершая птица	212
Шелтуля	88	Лизавета	217
Лина в беде	94	До свидания!	223
Как выручали чайку	100		
Плюк возвращается	105		
Голубиный лес	110		
Инспектор парка	115		
Баллончик с ядом	121		
Как Долли			
что-то сделала	127		
Паром	133		
Старый рыбак	138		

Как Плюк нашёл себе дом

У Плюка была маленькая красная машина — подъёмный кран. Он ездил на нём по городу и искал подходящий дом, где можно было бы поселиться. Плюк то и дело останавливался и спрашивал прохожих:

— Вы не знаете, где тут можно пожить? Мне нужен дом.

Прохожие задумывались, а потом говорили:

— Нет, не знаем.

Потому что во всех домах уже кто-то жил.

Наконец Плюк приехал в парк. Он поставил машину под деревьями и сел на скамеечку.

— Может, мне сегодня переночевать в парке? — сказал он сам себе. — Посплю в машинке под деревом...

И вдруг где-то высоко над головой он услышал голос.

— Я знаю дом, где можно поселиться, — сказал голос.

Плюк посмотрел вверх. На ветке большого дуба сидела красивая толстая голубка.

— В башенке Петтэфлета никто не живёт, — сказала голубка.

— Спасибо, — поблагодарил Плюк. — А что это за Петтэфлет? И как тебя зовут?

— Я Долли, — сказала голубка. — А Петтэфлет тут недалеко. Так называется вон тот высокий дом, где так много этажей, видишь? Там сверху есть башенка. А в ней маленькая комната. И там никто не живёт. Если поторопишься, то можешь её занять. Но поспеши, а то её запросто займёт кто-то другой.

— Большое спасибо, — сказал Плюк, тут же сел в машину и поехал к высокому дому. Там он поставил подъёмный кран у крыльца, зашёл в стеклянную дверь и сел в лифт. «Шуф-ф-ф», — и лифт стал подниматься вверх.

Когда Плюк вышел, то оказался на самом верхнем этаже, в открытой галерее, где вовсю завывал ветер и было так высоко, что у него даже закружилась голова. Но на перилах уже сидела голубка Долли. Она прилетела наверх быстрее лифта и теперь дожидалась Плюка.

— Пойдём, — позвала она. — Да-да, пошли со мной. Смотри, вон там дверь в башенку, она незаперта, ты можешь войти.

Плюк зашёл в башенку. Там оказалась чудесная комната, совершенно круглая, и со всех сторон в ней были окна. Она находилась на самом верху, и отсюда был виден весь город. В комнате стояли кровать, стул и шкаф, и даже была раковина.

— Думаешь, мне можно просто так взять и поселиться здесь? — спросил Плюк.

— Конечно, — сказала Долли. — Она ведь пустая. Удачи тебе и пока! Я как-нибудь прилечу тебя навестить.

И голубка Долли улетела назад в парк.

Плюк был так счастлив, что у него появился собственный дом. Целый час он любовался на город, переходя от одного окошка к другому, и каждый раз видел что-то новое. А потом он проголодался.

— Пойду за покупками, — решил он. — Здесь внизу полно магазинчиков, я видел их, пока ехал.

Он спустился вниз на лифте. Но на этот раз в лифте он оказался не один. В нём также ехала дама с большим аэрозольным баллоном в руках. Она рассмотрела Плюка от макушки до пяток и спросила:

— Ты здесь живёшь?

— Да, — вежливо кивнул Плюк.

— И где же ты живёшь? — спросила дама. — В какой квартире? На каком этаже?

— Я живу в башенке, — рассказал Плюк.

— В башенке на самом верху? — переспросила дама. — Ах, вот как!

Она снова оглядела Плюка холодным, пронзительным взглядом, и он даже испугался, что она спросит: «А тебе разрешили?» — или даже: «А у тебя есть специальное разрешение, чтобы там проживать?» Но, к счастью, прежде чем она успела ещё что-то спросить, лифт уже приехал вниз. Плюк поскорее выскочил и помчался на улицу. В магазине он купил себе хлеба, молока и пакет яблок.

— По-моему, это всё, что мне нужно, — решил Плюк. — Ой, нет, я же хотел купить ещё книжку с картинками.

Он зашёл в книжный магазин. За прилавком стоял очень приятный пожилой господин. Пока Плюк выбирал себе комиксы, он спросил:

— Ты живёшь здесь, в большом доме Петтэфлете?

— Я живу в башенке, — сказал Плюк. — Только что поселился.

— Тогда тебе повезло, — сказал господин. — Ты уже встречался с соседями?

— Нет, — покачал головой Плюк. — Вот разве что... Ой, да, в лифте со мной ехала дама с баллончиком.

— Боже милостивый! — воскликнул продавец. — С баллончиком? Тогда это, должно быть, госпожа Чистотюлина. Куда она пошла?

— Я не знаю, — признался Плюк. — Она ехала в лифте вниз, и я тоже. Мне даже кажется, что она ехала ещё ниже, чем я. Может быть, в подвал?

— Точно! — воскликнул продавец. — Послушай, мой мальчик. Меня зовут господин Ручка. А тебя?

— Меня зовут Плюк.

— Чудесно. Плюк, не мог бы ты сходить в подвал? Это первая зелёная дверь в вестибюле, а потом надо спуститься вниз по лестнице.

— А что я там должен сделать? — спросил Плюк.

— Слушай внимательно, — сказал господин Ручка. — Эта госпожа Чистотюлина целыми днями ходит и брызгает на всё из своего баллона. В баллончике у неё яд от комаров, моли, ну и так далее, сам понимаешь... Только вот в подвале живёт Заза.

— Кто такая Заза? — удивился Плюк.

— Моя подружка, — рассказал господин Ручка. — Заза — это таракан.

— Тара... — растерянно начал Плюк, но господин Ручка легонько подтолкнул его и крикнул:

— Пожалуйста, скорей! Поторопись! А то она отравит Зазу!

Плюк выбежал из магазинчика, влетел в вестибюль, открыл зелёную дверь и помчался вниз по лестнице в подвал. Там он сразу почувствовал едкий запах. Яд из баллончика!

Плюк оказался в очень большом помещении. Там было душно и жарко: здесь стоял котёл центрального отопления, а в остальном было темно и пусто, и ужасно противно пахло ядом.

Первое, что сделал Плюк, — настезь распахнул окошко. А потом стал искать подружку господина Ручки. Таракана. «Кому придёт в голову дружить с тараканом?» — думал Плюк. Он стал громко звать:

— Заза!

Но никто не отзывался. Шаг за шагом Плюк обошёл весь подвал, внимательно глядя по сторонам, пока наконец не заметил, что в углу кто-то лежит. Кто-то очень маленький. Это и была тараканиха Заза. Она лежала на спинке, подняв кверху лапки. Она умерла.

— Бедная Заза, — расстроился Плюк.

Он поднял Зазу, положил её на подоконник у открытого окошка и поспешил назад к господину Ручке.

— Слишком поздно, — сообщил он. — Её отравили.

Господин Ручка тяжело вздохнул.

— Ведь я не то чтобы так уж сильно люблю тараканов, — признался он. — Но, видишь ли, это была необыкновенная тараканиха. Она была такая милая и очень умная. Так ты говоришь, она умерла? Конечно, отравилась ядом из баллона. Эта госпожа Чистотюлина когда-нибудь насмерть забрызгает всё живое у нас в округе. Она всё время носится с баллончиком, если, конечно, не драит полы или не подметает. Всё у неё должно быть чисто-чисто, понимаешь? И аккуратно-аккуратно. И она никогда не бывает довольна, ей надо, чтобы было ещё чище... Та ещё чистюля! Поэтому и фамилия у неё такая, я думаю. Но спасибо тебе, мой мальчик, заходи, когда будет время.

Плюк с покупками отправился к лифту, но вдруг вспомнил, что оставил в подвале пакет с яблоками. Он заторопился назад, чтобы забрать его. И когда он уже собрался уходить из подвала, то услышал очень тихий, совсем слабый голосок:

— Как мне хочется кусочек яблочной кожуры...

Плюк удивился и стал оглядываться. И тут он увидел у окошка тараканиху Зазу, которая бодро стояла на всех своих лапках.

— Я упала в обморок, — сказала она. — Но сейчас мне уже гораздо лучше. Как вы думаете, она́ больше не вернётся сюда с этим ужасным баллоном?

— Я не знаю, — пожал плечами Плюк. — Но я думаю, тебе лучше пойти со мной в мою башенку. Туда она точно не придёт. И обещаю отдавать тебе всю яблочную кожуру.

Плюк осторожно взял Зазу и посадил в пакет с яблоками.
В тот вечер он засыпал очень счастливый. «У меня есть дом, —
думал он. — И целых два друга. Нет, даже три! Долли, господин
Пучка и Заза».

— Тебе там удобно, Заза? — крикнул он.

Заза лежала в спичечной коробке с ватой.

— Замечательно, — ответила она тоненьким тараканьим голосом.

— Тогда до завтра, — сказал Плюк и тут же заснул.

Топотушкины

На всём свете не было лучше комнаты, чем та, где жил Плюк, на самом верху Петтэфлета.

По утрам, как только он просыпался, то скорее бежал смотреть из окон. Ему были видны весь город, небо и облака, внизу ездили машины, а если он совсем свешивался из окошка, то мог разглядеть и свой маленький подъёмный кран, который всегда оставлял у ступенек.

Когда он собирался завтракать, то первым делом всегда будил тараканиху Зазу. Она и правда оказалась очень вежливым и воспитанным тараканом. Ела только яблочную кожуру, да и то чуть-чуть, так что еда для его гостыи обходилась Плюку совсем недорого.

Прожив в Петтэфлете несколько дней, Плюк уже немного освоился. Он познакомился с доктором и старенькой госпожой Стужей, а ещё с большим рыжим котом, которого все называли Домашний Кот. Но с ним было не очень весело, он всё время следил за птицами, и даже за Долли, которая иногда прилетала посидеть на перилах галереи на верхнем этаже, где жил Плюк. Петтэфлет был очень большой и очень высокий. В нём было больше двадцати этажей, и Плюк иногда просто ездил на лифте с одного этажа на другой, ходил вдоль перил и рассматривал двери, чтобы узнать, кто здесь живёт. Порой он разговаривал с соседями, и все они оказались очень славными.

Однажды утром Плюк увидел, что на холодном полу около лифта сидит маленький мальчик. В руках у него был аптечный пузырёк, и он плакал. Плюк остановился и спросил, что случилось.

Мальчик поднял заплаканное лицо и сказал:

— Вы случайно не знаете, где я живу?

— Ты не помнишь, где ты живёшь?

— Нет. А вы точно не знаете, где я живу?

— Говори мне «ты», — сказал Плюк. — Ну какой из меня «вы»?

Как тебя зовут?

— Я Топотунчик, — ответил мальчик. — Я один из Топотунчиных.

— То есть, твоя фамилия Топотункин?

— Да.

— По-моему... — задумался Плюк.

На одной из дверей в доме он точно видел эту фамилию.

— Пойдём со мной. Мне кажется, тебе надо на двадцатый этаж.

И тебя отведу.

Они вместе сели в лифт, а по дороге Плюк спросил:

— У тебя ведь есть братики, да?

— Да, — кивнул мальчик. —

У нас шестеро. Шесть Топотунчиных и наш папа. У остальных пяти братьев Топотунчиных сейчас корь. А у меня — нет. Вот меня и послали в аптеку за микстурой. — и он показал пузырёк.

Лифт остановился на двадцатом этаже, и как только маленький Топотунчик увидел коридор, то тут же радостно закричал:

— Теперь я вспомнил! Это наш коридор!

— Запомни хорошенько, это двадцатый этаж, — сказал Плюк. — Тогда ты больше не потеряешься.

— Вот здесь я живу, — показал малыш.

Дверь квартиры открылась, и за ней оказался папа Топотункин с огромной ложкой в руках и в фартуке.

— **Наконец-то** вернулся! — закричал он.

— Я заблудился, — завопил маленький Топотунчик.

— **А я** показал ему дорогу, — сказал Плюк.

— **Проходите, проходите!** — закричал папа Топотушкин. — Я уже видел тебя раньше. Ведь это у тебя есть подъёмный кран? И живёшь ты высоко-высоко в башенке? Я как раз жарю картошку. Не обращай внимания на дым. Не обращай внимания на беспорядок. Проходи, и будем вместе обедать.

— Ой, нет, — сказал Плюк. — Это совсем необязательно.

Но папа Топотушкин уже втащил его в квартиру и опять закричал:

— **Не** говори ерунды! Это же самая вкусная жареная картошка во всём городе! Не обращай внимания на беспорядок.

Беспорядок в доме и в самом деле был ужасный. Везде валялись свитера, брюки и книжки с картинками. А на полу лежали матрасы. Пришитые друг к другу матрасы, прямо от стенки до стенки. Ходить по ним было очень мягко, вот только ботинки глубоко проваливались, и Плюк немножко удивился.

— Это от шума, — объяснил папа Топотушкин. — Прямо под нами живёт госпожа Чистотюлина, ты случайно не знаешь её?

— Однажды видел, — сказал Плюк.

— Ну вот, эта госпожа Чистотюлина всё время жаловалась на шум. Потому что мои Топотунчики ужасно топают по полу, сам понимаешь. Вот тогда я это и придумал. Самое замечательное, что нам теперь не нужны стулья. Мы все сидим на полу. Но ~~спать~~, конечно, на кроватях, вот смотри.

Плюк огляделся. Вдоль стены стояли семь кроватей. Одна для мамы и шесть для мальчиков. И на пяти кроватях сейчас лежали пять больных Топотунчиков. Но они вовсе не выглядели больными и немедленно вылезли из постелей. Это оказались весёлые расстреланные мальчишки, и на голове у каждого была целая копна волос.

— Это ты Плюк? — завопили они. — Плюк с подъёмным краном? Плюк с тараканом? Как дела у таракана?

Откуда они всё это знали? Плюк даже покраснел. Он ведь представить себе не мог, что в доме жили люди, которые его знали. И он тогда тоже спросил:

— Кто вам всё это рассказал?

— Подъёмный кран мы видели! — закричали Топотунчики. — А господин Ручка рассказал нам, что ты спас таракана Зазу.

— А ещё у тебя ведь есть голубь? — пропищал самый маленький Топотунчик. — Такой толстый? Толстая Долли?

— Это не мой голубь, — сказал Плюк. — Это сам по себе голубь из парка. То есть голубка. Просто она моя подружка.

И тут появился папа Топотушкин с огромным блюдом жареной картошки. Все уселись прямо на матрасы и стали есть картошку с кетчупом и ещё каким-то вкусным соусом. Матрасы, конечно, тут же перепачкались, но Топотушкиным было всё равно.

— Батюшки мои! — вдруг воскликнул папа Топотушкин. — До чего же мы бестолковые!

— Почему? Что случилось?

— Мы пригласили Плюка в гости. А теперь он тоже может заразиться корью... И мы будем виноваты!

— Нет, — сказал Плюк. — У меня однажды уже была корь. То есть, больше у меня её не будет.

Когда картошка закончилась, папа Топотушкин спросил:

— Ты уже видел Ахоньку?

— Нет, — сказал Плюк. — А кто такая Ахонька?

— Это маленькая девочка в розовом платьице. Она всегда в аккуратном розовом платьице.

— Ой, да, — вспомнил Плюк. — Я видел её в коридоре. Мне показалось, ей было скучно. Я спросил, не хочет ли она со мной поиграть, но она не захотела.

— Ей не разрешают, — сказал папа Топотушкин. — Бедное дитя...

— Не разрешают играть? — удивился Плюк.

— Ей не разрешают пачкаться, — объяснил папа Топотушкин. — Ахонька — дочка госпожи Чистотюлиной. Ей ни в коем случае нельзя даже выйти поиграть на улицу, потому что её мама боится, что она испачкается.

— Но ведь это ужасно! — закричал Плюк.

— Так и есть. И поэтому... если вы ещё раз встретитесь, попробуй взять её с собой на улицу. Чтобы она хоть разок могла поиграть. Может, в парке?

— Я так и сделаю, — пообещал Плюк. — Спасибо вам за картошку! И до свидания. Скажите, Ахонька живёт здесь, этажом ниже?

— Да! — закричали Топотунчики. — Сразу под нами. И если мы шумим, её мама ужасно злится.

Плюк попрощался. Он пообещал скоро опять прийти в гости. И спустился по лестнице на этаж ниже. И там, на девятнадцатом

этаже, увидел её, маленькую девочку Ахоньку. Она перегнулась через перила и смотрела вдаль. Платице у неё было ужасно розовое, ужасно красивое и ужасно чистое. Но личико у Ахоньки было грустное, и Плюк решил с ней поговорить. Сначала он скромно покашлял. Он не знал, как лучше начать разговор, но как раз в этот момент совсем рядом захлопали крылья. К ним прилетела Толстая Долли и уселась на плечо к Плюку.

— Ты должен пойти со мной, Плюк! Нужна твоя помощь. Это срочно! Скорей...

Трусишка

— Что случилось? — спросил Плюк.

— Кое-кто попал в беду! — закричала Толстая Долли.

— Кто?

— Скорее! — снова позвала Долли.

Она была очень встревожена, пролетела над Плюком ещё один круг и быстро крикнула:

— Третий дуб слева... У ручья.

И улетела.

Плюк сразу бросился к лифту. Надо было бежать со всех ног, чтобы как можно скорее добраться до парка. Но, сделав пару шагов, он остановился и обернулся. Там, у перил, всё ещё стояла девочка в розовом платье. Дочка госпожи Чистотюлиной, чистенькая, красивая Ахонька. Ей не разрешали выходить на улицу, чтобы не испачкаться. Плюк подошёл к ней и сказал:

— Послушай, ты не могла бы мне помочь?

Ахонька посмотрела на него очень удивлённо. Всё это время она стояла, перегнувшись через перила, и смотрела вниз, и поэтому не слышала разговора Плюка с Долли.

— Мне нужно скорее ехать в парк на подъёмном кране, — очень быстро сказал Плюк. — Я должен кого-то спасти.

— Спасти? — спросила Ахонька. — Кого же? И как?

— Этого я пока не знаю, — объяснил Плюк. — Но боюсь, что одному мне не справиться. Пожалуйста, поехали со мной.

Ахонька засомневалась. А потом покачала головой.

— Мне нельзя, — сказала она. — В парке я испачкаюсь, так говорит моя мама. Она никогда не разрешает мне туда ходить.

— Но ведь это ради спасения жизни! — возразил Плюк. — Ну что, поедешь? Или нет? Дело срочное, не забывай!

Ахонька покачала головой.

— Мне нельзя, — вздохнула она.

— Ладно, — решил Плюк. — Тогда я поеду один.

И он помчался к лифту. Но когда дверь лифта уже почти закрылась, в него вбежала запыхавшаяся Ахонька.

— Я всё-таки поеду, — сказала она.

И вот они уже летели в парк на маленьком красном подъёмном кране. Плюк ехал так быстро, как только мог, а Ахонька крепко держалась за сиденье, вся дрожала и кричала:

— Я ведь не испачкаюсь? А то моей маме это совсем не понравится! И я тебя даже не знаю! Ты кто?

— Меня зовут Плюк. А ты Ахонька. И перестань хныкать, — строго сказал Плюк. — Вот уже и парк, здесь мы повернём и поедем кружью. А теперь нам нужен третий дуб слева.

— Наверное, вот этот, — показала Ахонька. — Третий дуб слева. А что там случилось?

Плюк остановил машинку. Вместе с Ахонькой они уставились вверх. Но ничего не увидели.

— А что там должно быть? — спросила Ахонька.

— Кто-то оказался в опасности, — ответил Плюк.

— Я не вижу никого в опасности, — сказала Ахонька. — Никого в опасности и никого в безопасности, то есть... Я хотела сказать, вообще никого не вижу. Там только один бельчонок. — Она показала наверх. — Видишь бельчонка? Вон там, на самом верху.

— Вижу, — согласился Плюк. — Но что в этом такого?

Тут рядом с ними зашуршали ветки. Это была Толстая Долли.

— Приехали наконец? — сказала она. — Ты его уже видел, этого бедняжку?

— Бедняжку? — переспросил Плюк. — Мы видим только бельчонка.

— Это он и есть! — закричала Долли. — Это Трусишка. Грустная история. Он боится высоты.

— Боится высоты? — удивился Плюк. — Белка, которая боится высоты?

— Да. Разве это не грустно? С белками такое случается крайне редко. Трусишка боится залезать наверх. Никогда этого не делают. Сами понимаете, как его дразнят за это все его родственники.

Вот он и решил всё-таки попробовать. И сидит теперь на самом верху. А вниз спускаться боится. Помоги ему, Плюк! У тебя же подъёмный кран.

Плюк подъехал к дереву как можно ближе и поднял кран как раз под веткой, на которой сидел несчастный бельчонок. Но кран оказался недостаточно высоким. До ветки ещё оставалось расстояние. Трусишке надо было всего-навсего перепрыгнуть. Но он боялся высоты и не решался.

— Ну давай же, Трусишка! Прыгай! Прыгай на кран.

Ничего не помогало. Бедный зверёк как будто застыл на ветке.

— Я его сниму, — сказала Ахонька.

— Ты сможешь? — удивился Плюк. — А твоё платьице? А твоё маме...

Но Ахонька уже забыла и про платьице, и про маму. Она была уже на полпути и так ловко карабкалась с ветки на ветку, что в один миг оказалась рядом с испуганным бельчонком. Она попыталась достать зверька, но он в страхе стал пятиться назад.

— Сиди смирно, Трусишка! — прикрикнула Ахонька. — Я тебя почти достала.

Она подтянулась к бельчонку, протянула руку... и схватила его!

— Цепляйся за кран! — крикнул Плюк. — Я опущу тебя вниз.

Ахонька так и сделала. И вот они уже были в безопасности, в машинке у Плюка. Ахонька и бельчонок уже на руках.

— И что нам теперь делать с Трусишкой? — спросил Плюк. — Оставить его на земле?

— Нет-нет! — закричала Долли. — Это слишком рискованно. Так его за просто съест кошка или крыса.

— Тогда мы возьмём его с собой, — решил Плюк.

И тут он испуганно посмотрел на Ахоньку. Она выглядела просто ужасно. Платьице у неё было в зелёных и коричневых пятнах, да к тому же оно всё порвалось, когда Ахонька карабкалась по веткам. Она и сама это увидела и очень испугалась.

— Плюк, — тихонько сказала она. — Я боюсь идти домой. Мне нельзя идти вот так.

Плюк задумался.

— Мы пойдём к господину Ручке, — решил он. — Может быть, он нам поможет.

Они поехали назад к Петтэфлету, и Плюк остановился у книжного магазинчика.

— У нас тут бельчонок, который боится высоты... — сказал Плюк, как только они вошли. — А ещё Ахонька вся перепачкалась и порвалась, и боится идти домой.

— Расскажите-ка поподробнее, — попросил господин Ручка.

Плюк подробно описал всё, что с ними случилось.

— Может, мне взять Трусишку к себе в башенку? — спросил он потом.

Господин Ручка покачал головой.

— Белкам, которые боятся высоты, не стоит жить в башенках, — сказал он. — У меня есть идея получше. На складе за магазином бельчонок может поучиться лазить и карабкаться. Пойдёмте со мной.

На складе за магазином в больших шкафах и на полках хранились запасы товаров. Повсюду стояли лесенки, чтобы можно было добраться до самых верхних полок. Господин Ручка посадил бельчонок на нижнюю ступеньку одной стремянки.

— Вот так, — сказал он. — Учись на здоровье, Трусишка. Каждый раз поднимайся на одну ступеньку, вот и научишься.

Они вернулись назад в магазин, господин Ручка посмотрел на чумазую Ахоньку и покачал головой.

— Так-так, — вздохнул он. — Что же нам с тобой делать...

— Я боюсь идти домой, — захныкала девочка.

— Какая чепуха, — сказал господин Ручка.

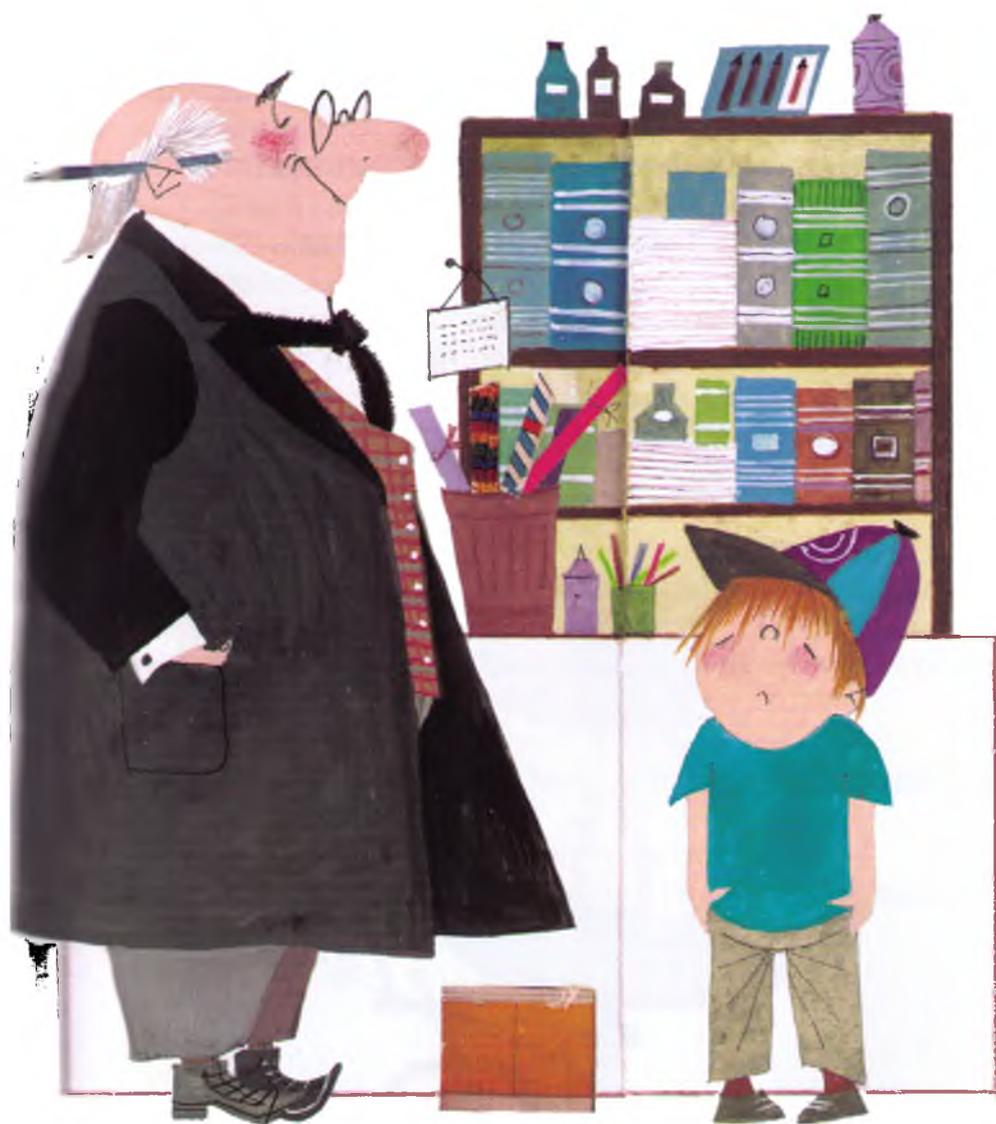
Потом вдруг хлопнул себя по лбу ладошкой и воскликнул:

— Я знаю! Здесь рядом есть химчистка «Прямо в одежках».

— Что это такое? — удивился Плюк.

— Пойдёмте со мной, — сказал господин Ручка. — Это такая химчистка, где не надо снимать с себя одежду. Её чистят прямо на посетителях. Поэтому химчистка так и называется — «Прямо в одежках».

Господин Ручка проводил Плюка и Ахоньку до соседней двери и поговорил с хозяйкой химчистки.

— Для начала мы отправим девочку в комнатку с паром, — сказала хозяйка.

Она открыла дверь какого-то огромного шкафа и подтолкнула туда Ахоньку. А потом нажала на кнопку. Внутри зажужжало, и тоненькие струйки пара стали пронизывать одежду Ахоньки.

— Это не опасно? — испугался Плюк. — Весь этот пар... Она ведь не задохнётся?

— Ну что ты, конечно нет, — успокоила хозяйка химчистки. — Мы всегда так делаем.

И она выпустила Ахоньку из паровой комнаты. Платьице снова стало безупречно розовым. Пятна исчезли все до единого. Но только... дырки на нём так и остались.

Ахонька опять собралась хныкать, что боится идти домой, но хозяйка химчистки взяла её за руку и сказала:

— Ну-ка, вставай на круг с брызгалкой, детка!

Она поставила Ахоньку на круглую платформу, опять нажала на какую-то кнопку, и платформа стала вращаться, а в это время заработал огромный разбрызгиватель. Ахонька вертелась и крутилась, а на неё распылялась розовая краска.

— Это специальный пластик, — объяснил господин Ручка, который тоже стоял и смотрел. — Когда он высохнет, все дырки исчезнут.

Хозяйка химчистки выключила свой аппарат. От того, что она так много вертелась, голова у Ахоньки закружилась, как у Трусишки на ветке, и Плюку пришлось поддержать её.

— Осторожно, — сказала хозяйка. — Она ещё мокрая. Платьце должно просохнуть.

Невероятно! От дырок не осталось и следа. Они все оказались заклеены. Ахонька снова выглядела просто безупречно. Плюк потерял платъце и закричал:

— Она высохла!

— Чудесно, — сказал господин Ручка.

Он расплатился с хозяйкой химчистки и сказал:

— Можешь спокойно идти домой, Ахонька. Всё в порядке!

— А можно нам ещё взглянуть на Трусишку? — попросил Плюк.

— Конечно.

Они вернулись на склад к господину Ручке. Сначала они приоткрыли дверь и стали смотреть в щёлочку. Трусишка сидел уже на седьмой ступеньке. Он смело глядел своими глазками-бусинками и был готов перепрыгнуть на другую лестницу. Все смотрели на него затаив дыхание и боялись произнести хоть слово.

Оп-ля! У него получилось!

— Вот видишь! Ты делаешь успехи, — похвалил господин Ручка.

— Ну что же, до свидания!

Плюк и Ахонька отправились к лифту Петтэфлета.

— Спасибо тебе за помощь, — сказал Плюк. — Пойдёшь как-нибудь со мной поиграть?

— С удовольствием! — согласилась Ахонька.

Господин Майор и его Длинно-конь

Позади Петтэфлета был сквер и широкий канал. Как-то утром Плюк проезжал там на своём подъёмном кране. Вдруг он остановился. В воде было что-то странное. Он увидел над поверхностью воды... что-то коричневое... и с хвостом... батюшки, это был лошадиный зад!

— Лошадь утонула, — пробормотал удивлённый Плюк. — Какой

~~мас~~

Он вылез из машинки и подошёл к берегу. Так и есть, теперь он ~~с~~ следует всё разглядел. Лошадиная попа. А головы нигде ~~с~~ не было.

— Бедняга, — сказал Плюк. — Должно быть, она застряла ~~го~~ловой в тине.

Он посмотрел по сторонам, нет ли рядом кого-нибудь, кто ~~при~~шёл бы на помощь. Но в тот момент в сквере не было ни души. Но ~~тут~~ он увидел, что вдалеке из воды торчит ещё что-то.

Плюк отправился туда и, к своему огромному удивлению, ~~уви~~дел там ещё одну лошадь. На этот раз это оказалась лошадиная ~~го~~лова!

— Две лошади в воде! — воскликнул Плюк.

— Нет, одна, — сказала лошадиная голова.

— Одна? — закричал Плюк. — Неправда! Две! Вон там, дальше, ~~с~~ ~~вид~~ел лошадиный зад!

— Это тоже я, — грустно сказала лошадь. — Это моя попа там.

— Но... разве так бывает... — пролепетал Плюк.

— Я сейчас помашу хвостом, — сказала лошадиная голова, — и ты сам увидишь.

Так и есть, Плюк увидел, как лошадиный хвост стал махать туда-сюда.

— Но ты... тогда ты, наверное, очень длинная лошадь.

— Так и есть. Я Длинно-конь, самый длинный конь на свете.

— А где ты живёшь? И чей ты? Кто твой хозяин? — спросил Плюк.

— Помоги мне лучше выбраться на берег, — попросил Длинно-конь. — Это будет гораздо лучше, чем разглядывать меня и задавать вопросы. У тебя ведь есть подъёмный кран или нет?

— Конечно, — сказал Плюк. — Я тебе помогу. Ты не мог бы подойти поближе к берегу?

Длинно-конь очень медленно подобрался к берегу. Плюк зацепил крючок подъёмного крана за уздечку и сел за руль.

— Осторожней! Вперёд! — крикнул он.

В этот момент из-за угла появились двое военных. Они бежали со всех ног.

— Длинно-конь! — кричали они. — Что стряслось?

— Он был в воде, — объяснил Плюк. — А я пытаюсь его вытащить.

— Ты просто молодец, мой мальчик, — сказал один военный. — Я господин Майор, а Длинно-конь — моя лошадь. А это мой адъютант. Ну-ка потянем!

Плюк завёл свой кран. И конь стал медленно выбираться из воды.

— Ты должен нам помогать! — крикнул ему Плюк.

— Я так и делаю! — крикнул Длинно-конь. — Но у меня подковы увязли в тине.

— Как ты мог поступить так неосторожно? — сердился Майор. — Я ведь тебя предупреждал!

А потом сказал Плюку:

— Ты ведь тот мальчик, который живёт в башенке? Я тебя уже видел. Я тоже живу в Петтэфлете. Тебе там нравится?

— Да! — ответил Плюк. — Очень нравится.

— Вытащите вы меня, в конце-то концов? — заржал Длинно-конь. — Мне тут всё холоднее и холоднее. Не могли бы вы поторопиться?

Но дело продвигалось медленно, и прошло много времени, прежде чем конь весь оказался на суше.

— Благодарю, благодарю, — сказал Плюку Майор. — И если тебе понадобится моя помощь, то я всегда к твоим услугам! Никогда не знаешь, может, я тебе тоже пригожусь! До свидания.

— До свидания, — попрощался Плюк.

Майор сел на своего коня, устроившись сразу за головой. А адъютант уселся сзади, у хвоста.

— Мы всегда так делаем, — объяснил Майор. — Это оттого, что длинно-конь боится, что иначе переломится посередине. Никому не разрешает там садиться.

Длинно-конь поскакал красивым шагом, а Плюк смотрел ему вслед. Хоть на нём и сидело только два всадника, это было похоже на настоящий парад.

Плюку надо было ещё сделать покупки. С тяжёлой сумкой, полной булочек и груш, он поднялся к себе в комнатку.

— Заза! — позвал он. — Заза, где ты? Ты любишь кожуру от груш, Заза?

Но тараканихи нигде не было видно.

Плюк искал везде и уже начал волноваться. Но тут наконец раздался тоненький голосок Зазы:

— Осторожней! Не наступи на меня!

Плюк тут же посмотрел вниз.

— Где же ты?

— Под ковриком, — ответил голосок.

Плюк осторожно поднял коврик. Так и есть, под ним оказалась Заза.

— Почему ты там сидишь? Ты пряталась?

— Та дама опять приходила, — сказала Заза. — Дама с баллончиком.

— Что? Госпожа Чистотюлина? Она сюда заходила? — закричал Плюк. — Но это невозможно, ведь я всегда запираю дверь. А ключ у меня!

— Она сюда не заходила, но она смотрела в окошко, — рассказала Заза. — И она меня видела. Я так испугалась! Я подумала: «Сейчас она обрызгает меня ядом прямо через окошко». И тогда я спряталась.

— Как бы там ни было, сейчас она ушла, — сказал Плюк. — Вылезай, Заза.

Он угостил бедную перепуганную тараканиху кусочком грушевой кожуры. Заза попробовала и сказала:

— Нет, яблочная всё-таки вкусней.

— Ладно, — сказал Плюк. — Я запомню.

В тот же день, когда Плюк собрался выйти на прогулку, в большом коридоре к нему подошёл какой-то господин. В фуражке. Это был швейцар Петтэфлета, и выглядел он очень сердито.

— Ответь-ка мне, мальчик, — сказал он. — Правда ли, что ты живёшь в комнате на самом верху?

— Да, — кивнул Плюк. — Я там живу.

— И как давно ты там живёшь?

— Ну... может, неделю... — пробормотал Плюк.

— А кто выдал тебе на это разрешение? — спросил швейцар.

Плюк замешкался, а потом ответил:

— Никто...

— Я так и думал, — сказал швейцар. — Ты поселился там тайком! Без всякого разрешения! И даже не спросив меня! — Он стал ещё более сердитым. — Почему же ты не спросил меня?

Плюк хотел ответить: «Я даже не знал, что вы существуете». Но потом промолчал, этот ответ показался ему неподходящим.

— Я узнал об этом случайно, — сказал швейцар. — Госпожа Чистотюлина мне сообщила. И правильно сделала. Мальчикам, которые тайком поселяются в доме, здесь не место! Так что собирай свои вещички. И чтобы в башенке тебя не было, понятно?

Пока Плюк слушал швейцара, он ужасно покраснел и почувствовал, что вот-вот заплачет. У него наконец-то появился дом, такой чудесный дом, и вот его выгоняли. Он всхлипнул и вытер с щеки слёзы.

— Что тут происходит?

Рядом с ним стоял Майор. Он как раз отвёл Длинно-коня пасть на луг и теперь шёл к себе домой.

— Что тут происходит? — спросил он ещё раз.

— Этот молодой человек живёт в башенке, — объяснил швейцар. — И у него нет на это разрешения. Он немедленно должен выехать оттуда!

— Что за ерунда! — сердито закричал Майор. — В башне вообще никто не жил. Эта комната стояла пустая много лет. Вы должны радоваться, что теперь там кто-то поселился. Да ещё

такой хороший мальчик, который ездит на подъёмном кране и всем помогает.

— Да, но... — начал швейцар.

— Никаких «да, но»! — рявкнул Майор. — Я разрешаю ему остаться! И больше никаких возражений! Ясно?

— Да, господин Майор, — кивнул швейцар.

— Значит, всё в порядке. До свидания, мой мальчик!

И Майор направился к лифту.

Швейцар вздохнул и сказал:

— Ну ладно, временно мы тебе разрешим.

— Я могу остаться? — спросил Плюк.

— Временно... — повторил швейцар.

Плюк сразу повеселел и вышел на улицу. Но он не заметил, что госпожа Чистотюлина тоже была в коридоре. Она слышала весь разговор швейцара с господином Майором. И как только Плюк ушёл, появилась из-за угла, где пряталась. Она подошла к швейцару и стала что-то шептать ему на ухо.

— Я вас не понимаю... — сказал швейцар. — Не могли бы вы говорить погромче, госпожа...

Госпожа Чистотюлина повторила ещё раз.

И швейцар Петтэфлета вдруг побледнел.

Заза

Через два часа Плюк возвратился домой. Он поднялся наверх на лифте и пошёл к себе в комнату. Но у самой двери он вдруг почувствовал какой-то странный запах. Стиральный порошок? Что же это такое? Может, отбеливатель?

Нет! Плюк остановился как вкопанный. Это был запах баллончика с ядом. Плюк поискал ключ и хотел открыть дверь, но она не поддавалась. Ключ почему-то больше не подходил. И только тогда он увидел у двери табличку:

АТЕЛЬЕ ГОСПОЖИ ЧИСТОТЮЛИНОЙ

Плюк страшно рассердился. Пока его не было дома, госпожа Чистотюлина захватила его комнату! И это притом, что у неё была собственная квартира!

Плюк стал стучать в дверь. Никто не открывал. Он стал стучать ещё сильнее. Тогда дверь наполовину открылась и из неё высунулась голова госпожи Чистотюлиной.

— Это что ещё такое? — спросила она.

— Это мой дом! — закричал Плюк. — Что вы делаете в моём доме?

Госпожа Чистотюлина оглядела его от макушки до пяток, а потом сказала:

— Ну, тогда я всё тебе объясню. Это больше не твой дом. Это моё швейное ателье. Спроси у швейцара Петтэфлета.

— Не может быть! Так нельзя! — завопил Плюк. — Это всегда был мой дом!

— Был, ну да, — засмеялась госпожа Чистотюлина. — Но мальчик, который не поддерживает в комнате чистоту, должен убирать вон! И никак иначе! Швейцар со мной согласен.

— У меня в комнате было чисто! — закричал Плюк.

— Ах, вот как? — спросила госпожа Чистотюлина. — Ты так считаешь? Комната, где запросто разгуливают тараканы, это ты называешь «чисто»?

— Что вы сделали с моим тараканом? — испугался Плюк.

— Сейчас ты узнаешь об этом со всеми подробностями, — сказала госпожа Чистотюлина. — Я увидела, что он сидит в углу, и крошечко побрызгала его ядом из баллона. А потом выкинула в мусорный бак! Вон как раз там, где ты стоишь.

Плюк немедленно сбросил крышку с мусорного бака. Он был пуст.

— Мусорщики только что приезжали, — довольно сообщила госпожа Чистотюлина. — Слышишь, ещё гремят вниз. Но ты можешь даже не искать, это мерзкое насекомое издохло.

И она с шумом захлопнула дверь перед носом у Плюка.

Плюк был не из тех мальчиков, которые сразу плачут. Честно говоря, он вообще никогда не плакал, но тут горло у него как-то странно распухло, и по щекам сами собой покатались слёзы. Его маленькая подружка Заза умерла. И его дом у него отняли.

Совсем рядом захлопали крылья, это прилетела голубка Толстая Долли.

— Курлы... курлы... — сказала она. — Можешь ничего мне не рассказывать, я всё видела... Я была здесь! Я видела, как госпожа Чистотюлина зашла в твою комнату вместе со швейцаром. Она кричалась и кричала, что там полно тараканов! И тогда он велел поменять замок. И дал ей ключ. Перестань же плакать, Плюк! Лучше пойдём скорей к господину Ручке, он всегда знает, что делать. Ты поезжай на лифте, а я полечу вниз, там и увидимся. До скорого! — Долли улетела.

Когда Плюк вышел на улицу, он увидел машину мусорщиков. Все из них вытряхивали в кузов мусорные баки. Они увидели его и закричали:

— Привет, Плюк!

Плюку так и хотелось спросить у них: «Вы случайно не видели мёртвого таракана?» Но он промолчал. Конечно, они не обращают внимания на мёртвых тараканов, да и зачем теперь было спрашивать?

Заза ведь уже умерла, и с этим ничего нельзя было поделать. Плюк поздоровался и пошёл в магазин к господину Ручке.

— Наконец-то ты зашёл, — сказал господин Ручка. — Как дела? Посмотри-ка, какой у меня есть чудесный плакат с космонавтами.

— Красиво... — сказал Плюк тоненьким дрожащим голоском.

— Что такое? Ты плачешь? Что стряслось?

Плюк рассказал всё, что случилось, а потом положил голову на прилавок и захныкал:

— Я так привязался к За-а-а-зе-е...

Господин Ручка отложил свой плакат и стал быстро ходить по магазину туда-сюда.

— Твой дом захватили! — кричал он. — Безобразия! Но мы этого так не оставим! Мы что-нибудь придумаем, дружище, положишься на меня.

Тут кто-то постучал в стеклянную дверь магазина. Это была Долли.

Господин Ручка открыл дверь, и голубка влетела в магазин. В клюве она несла что-то чёрное. И очень осторожно положила его на прилавок.

— Заза! — завопил Плюк. — Ах... бедная Заза. Она умерла... Но теперь мы хоть сможем похоронить её как полагается.

— Хе-хе, — сказал господин Ручка. — Не спеши-ка. Разве она умерла? Мне показалось, она пошевелила лапками.

Заза лежала на спинке. И вправду, если приглядеться как следует, можно было заметить, что лапки у неё едва-едва шевелились.

Господин Ручка стал махать над ней листком бумаги, а потом поставил её на лапки, и Заза не упала. Несколько минут все смотрели на неё, а потом она сказала совсем слабеньким голосом:

— Я ещё жива?

— Живее не бывает, — сказал господин Ручка.

— А тот гадкий голубь улетел? — спросила Заза.

— Нет, вы слышали! — возмутилась Долли. — Вот это да! А я спасла ей жизнь! Вытащила из мусорного бака. Пролетала мимо и заметила её там. А теперь я — гадкий голубь!

— Ч-ш-ш... — сказал господин Ручка. — Она не хотела тебя обижать.

— А я ещё сдерживалась изо всех сил, чтобы её не съесть! — закричала Долли.

Плюк положил Зазу на ладошку и смотрел на неё очень нежно.

— Тебе уже получше? — спросил он.

— Всё в порядке, — сказала Заза.

— Посмотри, что ты наделала! — вдруг закричал господин Ручка.

— И прямо на мой плакат с космонавтами!

— Извините, — сказала Долли. — Это оттого, что я разволновалась. Но вы можете это вытереть. Что тут противного? Это же я сделала, не кто-то другой.

— Фу, — заворчал господин Ручка и попытался вытереть гадкую кучку кусочком бумаги.

Но плакат всё равно был испорчен.

— Я выставлю тебя за дверь, — сказал господин Ручка.

— Чепуха, — сказала Долли. — Если я только что сделала это, мне теперь не скоро захочется.

— Ну, тогда следи за собой. А нам теперь надо поговорить о доме Плюка. В любом случае, Плюк, ты можешь пока пожить здесь. Я поставлю тебе раскладушку на складе. А Зазе дам пустую коробочку, и она сможет там спокойно поспать.

— Сначала мне хотелось бы яблочной кожуры, — попросила Заза.

И конечно, ей сразу дали кожуры.

Карл с деревянной ногой

У Плюка больше не было дома. Теперь он уже не мог жить в круглой комнатке в башне. На её двери висела табличка «Ателье госпожи Чистотюлиной». Каждый день с девяти утра до пяти часов вечера госпожа Чистотюлина сидела там и шила. В двери был новый замок. И ключ был только у неё...

Плюк гостил у господина Ручки. Он спал на раскладушке на складе за магазином. Рядом с ним в пустой коробочке из-под орехов спала Заза, которая, к счастью, уже совсем выздоровела. На складе было очень уютно, но всё равно Плюку хотелось, чтобы у него был собственный дом.

Утром, когда он проснулся, господин Ручка сказал:

— Давай сначала поговорим со швейцаром Петтэфлета. Это ведь он отдал твой дом госпоже Чистотюлиной. Он велел поставить новый замок и сделал новый ключ! Пойдём!

Швейцар Петтэфлета сидел в стеклянной будке внизу, в холле. Он увидел господина Ручку и Плюка и испугался. Лицо у него сразу покраснело, и он сделал вид, что ужасно занят.

— Господин швейцар, — обратился к нему господин Ручка. — Это наш Плюк. Вы очень хорошо его знаете. Он живёт наверняка в комнатке в башне. Вы ведь в курсе? И вы отобрали у него его дом!

Швейцар с важным видом почесал в затылке и сказал:

— Да уж. Ничего не поделаешь! Мне очень жаль.

— Ничего не поделаешь?! — закричал господин Ручка. — Вы должны выселить оттуда госпожу Чистотюлину. У неё ведь есть собственная квартира? И там она может шить, сколько душе угодно!

— Но послушайте, — сказал швейцар. — Ко мне поступали жалобы! Этот мальчик не содержал комнату в чистоте. Там было полным-полно тараканов! Я сам видел!

— Там был только один! — обиженно крикнул Плюк. — Всего один необыкновенно милый, послушный таракан!

— Вот видите, — сказал швейцар. — Он сам признался. Тараканы совершенно недопустимы в Петтэфлете. Это ведь понятно, не так ли? А представьте себе, что все здесь заведут себе тараканов в качестве милых домашних животных... Куда прикажете девать их всем нам? Тогда через год у нас в этом здании будет двадцать тысяч тараканов. Ведь эти мерзкие насекомые только и делают, что размножаются!

— Вы преувеличиваете, — рассердился господин Ручка. — Вы сами прекрасно знаете, что одно насекомое не сможет причинить никому никакого вреда. Я буду жаловаться в ПРАВЛЕНИЕ!

— Дело ваше, — сказал швейцар. — Всё равно вам это не поможет. Правление только подтвердит вам, что тараканы здесь запрещены. Это записано в ПРАВИЛАХ!

— Послушайте... — начал Плюк.

Но тут зазвонил телефон, швейцар быстро схватил трубку и больше не обращал на них внимания.

Они поняли, что продолжать разговор бесполезно, и отправились назад в книжный магазин.

На пороге сидела Толстая Долли.

— И как? Как всё прошло? — спросила она.

— Плохо, — ответил господин Ручка. — Он даже не захотел нас выслушать.

— Если бы я могла вам помочь, — сказала Долли. — Придумай. Каждый раз, когда госпожа Чистотюлина будет выходить из комнаты, я буду делать кое-что ей прямо на голову.

— Что же ты будешь делать? — не понял Плюк.

— Я буду делать ей на голову это! — кричала Долли. — И на платье тоже!

— Как мило ты придумала, — сказал господин Ручка. — Но я боюсь, что это не испугает госпожу Чистотюлину. Она откроет зонтик или сделает что-нибудь ещё... А кроме того, твоя идея ужасно противная, фу.

Господин Ручка пошёл к себе в магазин, потому что ему надо было работать. А Плюк остался на пороге поболтать с Долли.

— У меня ещё одна идея! — воскликнула Долли. — Подожди, я сейчас вернусь.

Плюк стал терпеливо ждать. Минут через семь голубка вернулась.

— Я попросила его нам помочь, — сказала она. — Но он такой ужасный ворчун и всё делает так свысока... Лучше ты сам с ним поговори.

— Про кого это ты? — спросил Плюк.

— Про Карла! Пойдём же! Он сидит на столбе, вон там.

Долли захлопала крыльями, и Плюк поспешил за ней.

Высоко на столбе на дорожном знаке сидела огромная чайка. Как у большинства чаек, у неё были сердитые глаза и недовольное выражение лица.

— Это Плюк, — представила Долли.

Чайка что-то крикнула и слегка подпрыгнула.

— Я тебя знаю, — сказала она. — Ты недавно угостил меня сардинкой.

Тут Плюк заметил, что у чайки деревянная нога.

— Превосходная была сардинка! — сказал Карл (так звали чайку). — Я подумаю, чем тебе помочь. Я слышал, у тебя отобрали твою комнатку в башне! Ну, мы что-нибудь придумаем!

— Очень вас прошу, — сказал Плюк. — У вас уже есть какая-нибудь идея?

— Говори мне «ты»! — крикнул Карл с деревянной ногой. — Вот смотри, у меня есть шесть братьев. Да ещё целая куча племянников. Так что, знаешь... положишься на меня! Правда, нам понадобится целый день, а может, и больше. Сам увидишь!

Он раскинул огромные крылья и поднялся в воздух.

— Поднять якоря! — крикнул он на прощание.

Ведь Карл был настоящей морской чайкой.

Было девять часов утра. Госпожа Чистотюлина села в лифт и отправилась на самый верхний этаж Петтэфлета. Она была в прекрасном настроении, потому что в сумке у неё был замечательный лоскут ткани. Она собиралась сшить себе платье из цветочек. Тихонько напевая, она прошла по открытой галерее в комнату в башне. Прямо у неё над головой с криком пронеслась большая чайка. Но госпожа Чистотюлина не обратила на неё внимания. Она думала о своём новом платье.

Когда она подошла к двери и собиралась отпереть её своим собственным ключом, мимо неё пролетела вторая чайка.

— Чайки, — пробурчала она. — Гадкие птицы...

Она зашла в комнату и заперла дверь. На столе стояла швейная машинка. Госпожа Чистотюлина достала из сумки ткань и нитки и принялась за работу. Со всех сторон в круглой комнате были слышны...

И совсем скоро появились чайки. Они, конечно, не могли влететь в комнату, они только пролетали мимо. Сначала их было две. Потом их стало больше.

С ужасными криками они летели прямо на окна, как будто хотели пробить стекло насквозь, но в самый последний момент поворачивали в сторону. Их крылья били по стёклам, и это было очень неприятно. Чаек вдруг стало так много, что госпожа Чистотюлина видела только белые крылья, на неё смотрели злые чёрные глаза... А от криков просто закладывало уши.

— Убирайтесь! — закричала госпожа Чистотюлина. — Что вам надо? Противные птицы!

Она показывала чайкам язык, ругалась и размахивала руками, чтобы прогнать их. Но ничего не помогало. Их становилось всё больше... Они продолжали кружить вокруг и бросаться на окна. Крылья стучали по стёклам, а крики стали такими угрожающими, что госпожа Чистотюлина испугалась.

— Вы всё равно ничего мне не сделаете! — закричала она. — Я сижу в комнате! А вам сюда не попасть! Пошли вон!

Да, она была права, они не могли попасть в комнату. Но ведь она не вечно собиралась тут сидеть. Сегодня в пять часов госпоже Чистотюлиной надо будет возвращаться к себе в квартиру. И тогда ей придётся открыть дверь... И пройти по длинной галерее... Только представьте, если чайки так и не улетят? Госпожа Чистотюлина испугалась.

Ей уже захотелось шить себе платье в цветочек. Она стала ждать, когда исчезнут чайки. Но они никак не исчезали. И это было только начало...

Чайки

Госпожа Чистотюлина сидела за швейной машинкой в комнатке высоко в башне. Мимо окон со страшными криками проносились чайки. Сколько же их было!

«Их, наверное, не меньше сотни, — думала госпожа Чистотюлина. — Мне страшно отсюда выходить... А ведь всё равно придётся, я забыла дома катушку синих шёлковых ниток. Надо быть смелой! В конце концов, это всего-навсего птицы. Они ничего мне не сделают. Возьму с собой баллончик!»

Госпожа Чистотюлина смело вышла из комнаты и пошла по галерее.

Фр-р-р! Страшно крича, чайки стали пикировать прямо над её головой.

— Помогите! Пошли прочь! Мерзкие птицы! — завопила госпожа Чистотюлина.

Она стала брызгать во все стороны ядом из своего баллончика, но чайки не обращали на это никакого внимания. Она яростно размахивала руками во все стороны и даже уронила сумку. Катушки и коробочки с иглками разлетелись по всему коридору.

— Мерзавцы! — завизжала госпожа Чистотюлина. С трудом она пробиралась вперёд, едва переставляя ноги.

Целая стая чаек преградила ей путь, громко хлопая крыльями. Они не делали ничего плохого, не клевались, только иногда задевали её крыльями, вот и всё. Но кричали они так страшно и смотрели так сердито, садились ей прямо на голову и пролетали перед носом... Госпожа Чистотюлина добралась до лифта совершенно без сил и отправилась домой за катушкой шёлковых ниток

Когда она снова появилась на верхнем этаже, на ней была очень странная боевая экипировка. Дуршлаг на голове, огромный полиэтиленовый плащ и большой флаг, чтобы разгонять им птиц.

Но как только она открыла стеклянную дверь, чтобы выйти на открытую галерею... невероятно... Было такое впечатление, будто небо потемнело, как перед снежной бурей... Они летали прямо перед ней, сидели на полу, хлопали крыльями у неё перед глазами и кричали просто жутко! Госпожа Чистотюлина не смогла сделать ни шагу. Вне себя от злости, она вернулась к лифту и поехала на первый этаж к швейцару.

Швейцар был весьма удивлён, когда увидел перед собой очень странную фигуру с дуршлагом на голове и флагом в руках.

— Что случилось? — спросил он.

— Не могли бы вы пойти со мной... — запыхалась госпожа Чистотюлина. — Меня замучили чайки.

— Чайки? — удивился швейцар. — Что там делают чайки?

— Они на меня нападают! — завопила госпожа Чистотюлина. — Стаями сразу по десять миллионов!

— Я пойду с вами, — согласился швейцар.

Они поднялись на лифте на верхний этаж, прошли по вестибюлю и вышли через стеклянную дверь на открытую галерею.

— И где же чайки? — спросил швейцар.

И в самом деле, ни одной птицы видно не было.

— Пойдёмте дальше, — сказала госпожа Чистотюлина. — Они появятся, как только мы пройдем подальше.

Они прошли по всей галерее, но и тогда ничего не произошло. Там было довольно ветрено, но в остальном тихо и мирно.

— Они улетели! — закричала госпожа Чистотюлина. — Улетели насовсем! Как прекрасно!

— Значит, я могу уйти? — спросил швейцар.

— Да, конечно, и спасибо вам большое! — радостно воскликнула госпожа Чистотюлина.

Но как только швейцар спустился на лифте на первый этаж... ой-ой-ой! Вся стая чаек, словно ураган, налетела на галерею.

— Помогите! Убивают! Пожар! — завизжала госпожа Чистотюлина.

Она сделала три неуверенных шага в сторону своего ателье, но потом сломя голову понеслась назад к безопасному лифту.

По пути вниз, на тринадцатом этаже, в лифт кто-то зашёл. Это был господин Майор.

— Боже! Госпожа Чистотюлина! — сказал он. — Что случилось? Почему вы так выглядите?

Выглядела она и в самом деле ужасно. Дуршлаг съехал на бок, плащ порвался, и флаг тоже превратился в лохмотья.

— О, господин Майор! — сказала она. — Какое счастье, что я вас встретила. Не могли бы вы одолжить мне ваше ружье?

— Моё ружье? Это зачем же? К вам проник враг? — заволновался Майор.

— Не-ет... Да-а... — прорыдала госпожа Чистотюлина. — На меня напали чайки.

— Ерунда, — отчеканил Майор. — Откуда здесь лайки?

— Чайки! — заорала госпожа Чистотюлина. — Они хотят меня убить! Пожалуйста, поднимитесь со мной наверх, и вы сами увидите.

— К вашим услугам! — сказал Майор.

Но когда они поднялись на верхний этаж, все до одной чайки бесследно исчезли.

— Вот видите, вам показалось, — сказал Майор.

— Неправда! Ничего мне не показалось! Они появляются, только когда я одна!

— А зачем вам, собственно, надо здесь быть? — спросил Майор. — Ведь вы живёте гораздо ниже. Вам, по-моему, вовсе незачем тут появляться.

Госпожа Чистотюлина притихла. Она не могла признаться, что захватила комнату Плюка и устроила в ней швейное ателье. Майор вежливо попрощался с ней и отправился вниз. И как только он ушёл... Они немедленно появились снова! Стаи и тучи кричащих, хлопающих огромными крыльями чаек. У самой большой из них была деревянная нога. Птица ударила госпожу Чистотюлину крылом прямо по руке, и та выронила ключ. Ключ от комнаты в башне!

Его тут же подхватила какая-то чайка и быстро скрылась в небе.

— Отдай немедленно ключ! — Госпожа Чистотюлина попыталась прорваться среди крыльев, но их было слишком много. Ей пришлось сдаться.

Плюк сидел на ступеньке перед книжным магазином. Он не знал ничего о том, что происходит, и ему было немножко грустно оттого, что он потерял свой дом, а от чайки Карла не было никаких новостей... А ведь он обещал помочь.

И тут что-то звякнуло прямо у его ног. Это был ключ от его дома.

Плюк поднял голову и увидел, как в небо, размахивая огромными крыльями, улетала чайка.

А чуть позже к швейцару опять пришла госпожа Чистотюлина и сказала:

— Я больше не хочу!

— Чего вы больше не хотите? — спросил швейцар.

— Мне больше не нужна эта ужасная комната, — сказала госпожа Чистотюлина. — Это какая-то пиратская нора! Это ужасное и опасное прибежище убийц! Будьте так любезны немедленно забрать оттуда мою швейную машинку.

— Непременно, госпожа Чистотюлина, — сказал швейцар.

Когда он спустя десять минут поднялся наверх, швейная машинка уже была выставлена в коридор вместе с другими вещичками. В дверях комнаты стоял Плюк, он был немного испуган. Не выгодно ли его швейцар?

— Угу, — сказал швейцар. — Я вижу, ты снова вернулся к себе домой.

— Да, — кивнул Плюк. — Я вернулся в мой собственный дом. А вещи госпожи Чистотюлиной вы можете забрать.

— Но... Я надеюсь, что впредь в твоей комнате всегда будет чисто, — строго сказал швейцар.

— Конечно! Об этом я позабочусь! — пообещал Плюк.

— И запомни, чтобы больше никаких гадких насекомых! — крикнул швейцар. — Ты ведь не принёс с собой гадких насекомых?

— Нет, — сказал Плюк. — Никаких гадких насекомых.

И он не обманывал. Потому что хоть тараканиха Заза и сидела у него в шкафу, но она вовсе не была гадким насекомым. Это была его милая, послушная Заза.

— Тогда всё в порядке, — сказал швейцар.

Он взял машинку и остальные вещи и отправился вниз.

С неба спустилась Толстая Долли и уселась на плечо к Плюку.

— Получилось! — закричала она. — Чайки её прогнали! Поздравляю, Плюк!

— Спасибо, — сказал Плюк.

— Теперь тебе надо поставить на дверь даже не двойной, а тройной замок, — сказала Долли. — А то ведь всякое бывает!

— Я так и сделаю, — пообещал Плюк. — Ты нигде не видела Карла с деревянной ногой? Я хочу его поблагодарить.

— Они улетели, — сказала Долли. — Все чайки отправились в порт, туда только что пришёл корабль с рыбой.

— Мы с ним ещё увидимся, — сказал Плюк и пошёл к себе в комнату.

Он был очень счастлив!

Воздушный мостик

Плюк снова жил в своей комнате в башне. Он вернул себе дом и опять мог смотреть из окон на парк и на весь город. И разговаривать с голубкой Долли, которая любила посидеть у него на подоконнике.

— Скажи, Долли, — спросил как-то Плюк. — Ты в последнее время не видела Ахоньку? Я так давно её не встречал.

— Ахонька? Мне кажется, она вообще не выходит из дома. Сходи навести её!

— Я боюсь, — признался Плюк. — Тогда мне придётся звонить в дверь. А вдруг откроет её мама. Ведь её мама — госпожа Чистотелина! Ой, нет, мне страшно!

— Тогда у меня есть идея получше, — сказала Долли. — Она ведь живёт на девятнадцатом этаже? Полечу, посмотрю, загляну к ней в окно. Сейчас вернусь.

И Долли улетела. А когда через несколько минут она вернулась, то уже издали стала кричать:

— Заболела!

— Ахонька заболела? Рассказывай! Как же так? Она лежит в постели?

Долли снова уселась на подоконник и сказала:

— Значит, так, у неё в спальне есть балкон. Я села там на перила, и мне всё было видно. Она лежит на кровати. Там всё розовое. Подушка у неё розовая, и коврик тоже...

— Ну да, всё розовое! Не тяни! — крикнул Плюк. — Рассказывай дальше!

— У неё был доктор, — сказала Долли. — Он был не розовый. Он сделал ей укол.

— Бедная Ахонька. Если бы я мог её навестить. Но я боюсь... Знаешь что, я напишу ей письмо. Ты отнесёшь его?

— Отнести письмо! — радостно завопила Долли. — Ты мне разрешишь? Ах, как это прекрасно! Я буду настоящим почтовым голубем! Всегда об этом мечтала!

— Ну конечно, ты почтовый голубь, — заверил её Плюк и сел писать письмо.

Вот что он написал:

Дорогая Ахонька!

Как плохо, что ты заболела. Поскорее выздоравливай, и пока!

Плюк.

— Настоящий конверт! — потребовала Долли. — И наклей настоящую марку.

— Нет, марку я клеить не буду, — сказал Плюк. — С почтовыми голубями они не нужны.

Он лизнул конверт, заклеил его и сказал:

— Вот, держи. И будь осторожней! Отдай ей письмо, только если в комнате никого больше не будет.

— Само собой, — сказала Долли. — Не переживай, я очень внимательная!

Она забрала конверт и улетела. Плюку показалось, что прошло ужасно много времени, пока она не вернулась. Он ждал и волновался. Ну где же она?

Уф... Наконец-то! Долли вернулась. С конвертом в клюве! С розовым конвертом.

— Она написала ответ? — закричал Плюк. — Давай скорей сюда.

Он открыл конверт и прочитал:

Дорогой Плюк!

У меня корь, и ещё мне очень хочется леденец с лакрицей, но мама не разрешает есть конфеты в постели, ведь я могу испачкаться. Пока.

Ахонька.

— Ей хочется леденец, — сказал Плюк. — Может, у тебя получится отнести ей несколько штук? У меня есть целый пакет.

Взять в клюв так много леденцов сразу Долли не удалось, хотя она и старалась.

— Подожди, я придумал, — сказал Плюк.

Он нашел маленькую корзинку, в которой когда-то лежали пасхальные яички. Он положил в неё несколько леденцов и несколько кусочков со жвачкой внутри.

— Сможешь нести? Попробуй, Долли.

— Даже запросто, — сказала голубка.

Она взяла корзинку и улетела. Балконная дверь у Ахоньки всегда была открыта, и Долли смогла влететь к ней в спальню. Но сначала она села на перила и осторожно заглянула в комнату. Ахонька была одна. Она очень обрадовалась конфетам и отдала Долли пустую корзинку.

Так между Плюком и Ахонькой образовался воздушный мостик. Они писали друг другу записки, и каждый день Ахонька получала корзинку с лакомствами.

Три дня всё шло хорошо. Но на четвёртый день Ахонька заснула с леденцом во рту. И когда госпожа Чистотюлина пришла на неё взглянуть, вся наволочка оказалась перепачканной.

— Конфета! — завопила она. — Откуда у тебя конфета? Гадкий ребёнок! Я запрещаю конфеты! Чтобы больше их не было!

— Да-да, мамочка, — сказала Ахонька.

Но в тот же день Долли прилетела к ней снова.

Рядом с комнатой Ахоньки была спальня её мамы. А рядом с балконом Ахоньки был балкон её мамы. Между этими балконами был ящик с цветами. Когда Долли прилетела, госпожа Чистотюлина как раз стояла на своём балконе, спрятавшись за цветочным ящиком. Она увидела, как Долли влетела прямо в комнату к Ахоньке.

— Теперь я знаю, откуда у ребёнка эти гадкие конфеты, — подумала она. — Их приносит эта мерзкая чайка». (С тех пор, как чайки трогали госпожу Чистотюлину из комнаты Плюка, все птицы стали казаться ей чайками.)

— Ну, я вам устрою, — пробурчала она.

— Послушай, Долли, — шёпотом сказала Ахонька. — Мне так хочется мороженого. Можно?

— Посмотрим... — сказала Долли и передала просьбу Плюку.

На следующее утро голубка несла в корзинке замечательное ледяное мороженое.

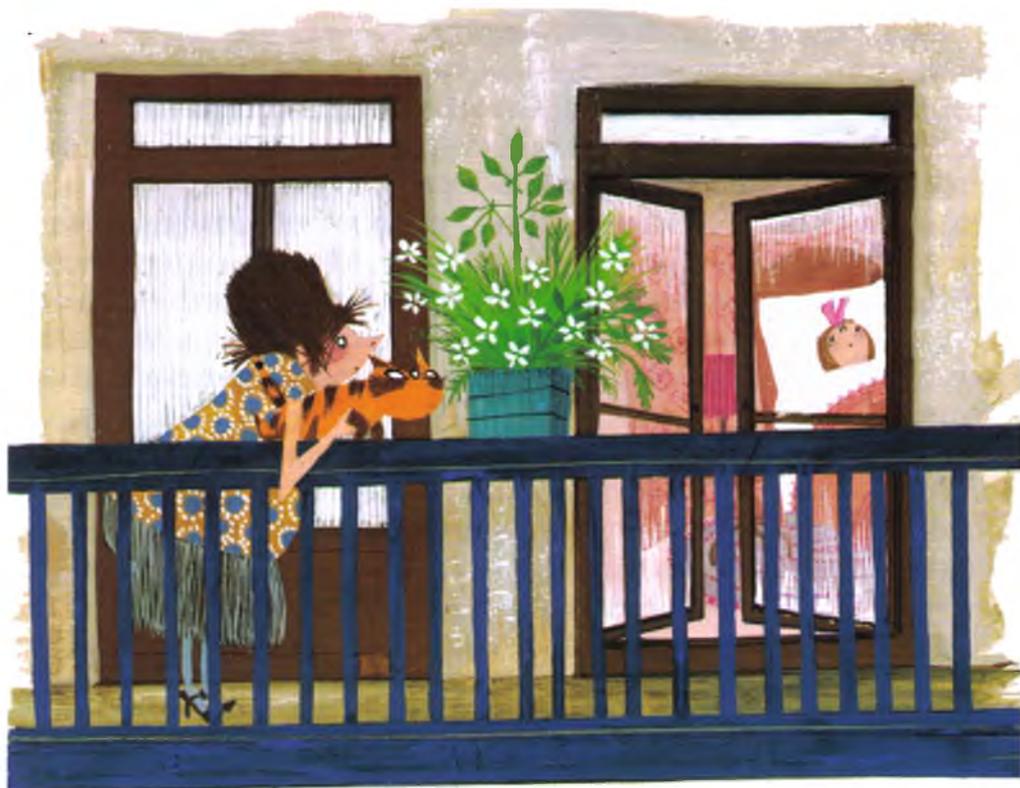
Но вот только корзинка оказалась довольно тяжёлой. Поэтому Долли летела ниже, чем обычно, и медленнее. Она очень старалась прилететь поскорее, потому что мороженое уже начало подтаивать. И поэтому Долли была не такой внимательной, как всегда... Бедняга Долли!

Она не знала, что госпожа Чистотюлина притаилась на соседнем балконе. И не увидела, что за ней следит страшный зверь...

Госпожа Чистотюлина принесла к себе Домашнего Кота. Это был огромный толстый рыжий кот, который жил внизу, в вестибюле у швейцара. Она притащила его наверх и теперь держала под мышкой. Как только голубь с тяжёлой корзинкой опустился на балкон, госпожа Чистотюлина просунула кота сквозь цветы и вытолкнула его на балкон к Ахоньке.

Долли страшно перепугалась. Она тут же хотела взлететь, но мороженое было слишком тяжёлое... А кот уже приготовился к прыжку...

И Долли выпустила корзинку.

Шлёп! Мороженое угодило прямо на голову Домашнему Коту.

И вот на балконе сидел кот в шапке из розового мороженого. Это стало капать ему прямо в глаза, кот ничего не видел и начал жалобно и протяжно мяукать.

Всё это произошло на глазах у госпожи Чистотюлиной.

— Глупый кот! — закричала она. — Болван! И чайка улетела!

Госпожа Чистотюлина так рассердилась, что не заметила, как Долли пролетела в комнату к Ахоньке. Она не знала, что сейчас Чайка как раз кружит по комнате.

— Кот на балконе! — испуганно кричала Долли.

Ахонька выпрыгнула из постели. Она закрыла балконную дверь и сказала:

— Скорей! Я тебя спрячу. В моём шкафу, в ящике!

Долли в опасности

Ахонька лежала в своей розовой постельке. Дверь на балкон была закрыта, а с той стороны сидел Домашний Кот и пытался слизать с головы мороженое. Тем временем в ящичке розового шкафчика Ахоньки сидела голубка Долли.

Дверь в комнату открылась, и на пороге появилась госпожа Чистотюлина с чашкой супа на подносе.

— Я видела, что к тебе в комнату пробирается чайка с гадкими конфетами, — сказала она. — Поэтому я принесла к нам Домашнего Кота, чтобы её прогнать. Надеюсь, больше такого не повторится.

— Не повторится, мамочка, — пообещала Ахонька.

— Вот твой суп, — сказала госпожа Чистотюлина. — Это гораздо полезней, чем отвратительные сладости. А Домашний Кот пусть пока посидит на балконе. Чтобы эта чайка больше не вздумала тут появиться. Вот, ешь суп. А я достану из ящичка твой слюнявчик.

— Нет! — закричала Ахонька.

Она в ужасе вспомнила, что слюнявчик лежал как раз в том ящичке, где сидела Долли.

— Это что ещё такое? — удивилась госпожа Чистотюлина. — Тебе ведь нужно повязать слюнявчик!

— Я хотела сказать... у меня нет ложки... — пролепетала Ахонька. — Как же мне есть суп без ложки?

— Я ведь положила тебе ложку. Хотя да, ты права. Сейчас принесу.

Госпожа Чистотюлина пошла на кухню за ложкой. Ахонька тут же вскочила с постели и быстро открыла ящик.

— Выпусти меня, — попросила Долли.

— Нет! Кот сидит на балконе, — прошептала Ахонька. — Быстрее, под кровать!

Долли едва успела спрятаться у Ахоньки под кроватью, как в комнате опять появилась госпожа Чистотюлина с ложкой. И со шваброй.

— Так-так, — сказала она. — А я пока хорошенько протру пыль у тебя под кроватью.

— Нет! — снова закричала Ахонька.

— Да что на тебя нашло? — рассердилась её мама. — Ведь мне нужно прибраться!

— Тогда пыль попадёт мне в суп! — сказала Ахонька.

— Ну что ты! Быть такого не может. Я открою балконную дверь.

— Нет! Не открывай! Сюда же зайдёт кот!

— Ты ведь не боишься котов?

— Конечно, боюсь, ведь он весь перепачкан мороженым, — сказала Ахонька. — А если мороженое попадёт здесь на коврик... и тогда...

— Ну ладно, тогда я буду прибираться с закрытой дверью, — решила госпожа Чистотюлина.

Ахонька даже дышать перестала. Она не знала, что ей ещё придумать... Её мама схватила швабру, и тут — дзи-иннь! Раздался дверной звонок.

— Кто-то звонит! — закричала Ахонька.

— Иду-иду, — отозвалась госпожа Чистотюлина.

Она поставила швабру в угол и пошла в прихожую.

— Куда же мне деваться? — спросила из-под кровати Долли.

— В шкаф с моей одеждой, — сказала Ахонька. — Подожди, я открою дверцу.

Но было уже поздно. В комнату вошёл доктор, и Долли снова забралась под кровать. А Ахонька быстро юркнула в постель.

— А вот и мы! — воскликнул доктор. — Как дела у нашей принцессы? Я вижу, что получше! Ты уже ешь суп! А сейчас повернись-ка на животик, я сделаю укольчик!

Ахонька послушно повернулась на живот. Она не боялась уколов, это было совсем не больно. Но она очень боялась, что Долли найдут. Как только доктор уйдёт, мама снова возьмётся за швабру и найдёт голубку...

— Ну вот, — сказал доктор, когда сделал укол. — Теперь приедем пластырь. Ты смелая девочка. И очень скоро поправишься. Завтра можешь ненадолго встать с постели.

— Может, вы тоже хотите супа? — предложила госпожа Чистотюлина. — Или лучше чашечку кофе?

— Нет-нет! — воскликнул доктор. — Нет, я ужасно спешу. Мне нужно бежать.

— Я вас провожу, — сказала госпожа Чистотюлина.

— Не нужно, не нужно меня провожать. Да, я хотел сказать вам, госпожа Чистотюлина. Когда она поправится, её нужно повезти на море. Это будет очень полезно для здоровья, если девочка хорошенько отдохнёт на море! Всего доброго!

Доктор взял свою шляпу и ушёл.

— На море... — сказала госпожа Чистотюлина. — То есть мне придётся ехать вместе с тобой на море? И думать об этом не хочу. Я не люблю море. Все эти чайки! Б-р-р! Так, чем же я собиралась заняться? Ах да, протереть пол!

— Только не у меня под кроватью! — закричала Ахонька.

— Да что случилось? — спросила её мама. — Почему это не под кроватью? Ты ведь ничего не спрятала у себя под кроватью, непослушная девочка?

Она опустила на коленки и заглянула под кровать. Ахонька тихонько застонала и спрятала голову под розовую подушку.

— Ничего не вижу, — сказала госпожа Чистотюлина. — Я уж было подумала, что ты припрятала под кроватью целый запас этих сладких леденцов. Но там ничего нет.

И она стала яростно возить под кроватью шваброй.

Ахонька вылезла из-под подушки. Она очень удивилась. Там не было Долли? Нигде на полу голубки видно не было. Как же так? Может, она вылетела в прихожую, когда вошёл доктор? И никто её не заметил? Или, когда доктор уходил, она вылетела в коридор? Спряталась среди курток на вешалке? Вылетела через входную дверь? Сплошные загадки...

— Я всё-таки открою балконную дверь, — сказала госпожа Чистотюлина. — Надо проветрить. А котика я унесу.

Она схватила Домашнего Кота за шкуру. Он всё ещё был весь липкий и мокрый от мороженого, упавшего ему на голову. Госпожа Чистотюлина пронесла его через комнату Ахоньки, вынесла из квартиры и вышвырнула в коридор.

— Вот так, — сказала она. — И если та мерзкая чайка снова появится, я её проучу. У тебя больше нигде не спрятаны конфеты?

— Нет, мамочка, — сказала Ахонька.

— Вот и хорошо. Тогда доедай суп. Что такое? У тебя две ложки? Вот видишь, я ведь сразу принесла тебе ложку!

— Да, — кивнула Ахонька. — Но она упала... Между одеялами.

Она ела остывший суп и думала: «Где же Долли?»

А в это время кто-то ещё думал: «Ну где же Долли?»

Это был Плюк, который сидел в своей комнате у окна и ждал. Он ждал и ждал... Но Долли всё не возвращалась.

Снова корь, и опять жареная картошка

Плюк не выдержал. Он запер дверь своей комнаты и спустился на девятнадцатый этаж, где жила Ахонька. У её квартиры он оставился. Он протянул руку к кнопке звонка, но потом испуганно её отдернул. Ой, нет!

Конечно, дверь откроет госпожа Чистотюлина, ведь Ахонька лежит в кровати. А госпожа Чистотюлина отругает его и захлопнет дверь перед носом, в этом он был точно уверен.

И тут он услышал, что у него за спиной кто-то мяукает. Плюк обернулся. У перил балюстрады сидел Домашний Кот. Он мылся. Снова и снова он облизывал лапу и хорошенько тёр ею голову. Плюк был знаком с ним и поздоровался:

— Привет!

— Привет, — сказал Домашний Кот.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Плюк. — Ты ведь живёшь везу, у швейцара?

— Правильно, — сказал Домашний Кот. — Но сейчас я сижу здесь. Это ведь не запрещается?

— Конечно нет, — сказал Плюк. — Я просто хотел спросить, что ты здесь делаешь.

— Моюсь, — сказал Домашний Кот. — После такого чудесного леда мне нужно как следует помыться! Мама дорогая, как я пре-асно покушал!

— Понятно, — сказал Плюк. — Повезло тебе.

И уже хотел уходить. Но потом вдруг остановился. В голове промелькнула страшная мысль. Кот! У двери госпожи Чистотюлиной! И Долли не вернулась!

— А что ты ел? — строго спросил Плюк.

— Тебя не касается, — сказал Домашний Кот. — Могу только сказать тебе, что это была очень большая удача. Мне разрешили войти туда, — он показал лапой на дверь госпожи Чистотюлиной, — и то, что мне там перепало... м-м-м-м... чудесно... и ведь нужно было только протянуть лапу и хватать!

— Прекрати! Замолчи! Заткнись! Противный кот! — завопил Плюк, он ужасно разозлился.

— Ты же сам спросил, что я ел, — снова начал кот.

— Уходи отсюда! — закричал Плюк. — Убирайся! А не то я тебя поколочу!

Кот осторожно обошёл Плюка и бросился к лестнице.

Плюку стало немного стыдно за то, что он накричал на кота, но ведь он так расстроился. Долли была съедена, в этом он уже не сомневался.

Госпожа Чистотюлина заманила Домашнего Кота к себе в квартиру как раз в тот момент, когда Долли туда влетела. И всё могло случиться прямо на глазах у Ахоньки. Но она лежала в постели и ничем не смогла помочь.

Если бы он только мог поговорить с Ахонькой.

Грустный, он пошёл по коридору.

Но знал ли он это наверняка? На самом ли деле кот слопал его милую голубку? Может, кто-нибудь в Петтэфлете видел, что случилось? Плюк вспомнил про семью Топотушкиных, которая жила как раз этажом выше, и поспешил к ним по большой лестнице.

Скоро он уже стоял, запыхавшись, в гостиной у Топотушкиных, где, как всегда, был жуткий беспорядок. Плюку показалось, что он и не уходил отсюда. В доме снова пахло жареной картошкой, а вокруг носились в пижамах пять маленьких Топотунчиков.

— Вы снова заболели? — спросил Плюк.

— Мы бодем ещё с тех пор, — закричали они. — У нас же корь.

— И она длится так долго? Ведь я был у вас... несколько месяцев назад.

— Милый Плюк, — сказал папа Топотушкин. — Ты был здесь неделю назад. Или, может, чуть больше. Ты забыл? Давай-ка садись на матрас, а я принесу тебе тарелку картошки с соусом.

Всего неделю назад? Разве это так? Но когда Плюк хорошенько задумался, он вспомнил, что так это и было. Просто за неделю произошло ужасно много всего. Ахонька, Трусишка, да ещё госпожа Чистотюлина и чайки. А потом он пару дней провёл у господина Ручки, когда не мог жить в своей комнатке в башне.

— Мы тебя выглядывали, — сказал папа Топотушкин. — Иногда видели в окошко, как ты проезжал на своём красном подъёмном кране.

— А один раз мы видели твоего голубя, — сказал самый маленький Топотунчик. — Мы видели Долли, она пролетала прямо перед нашими окнами. У неё в клюве была корзинка. А что было в ней?

Плюк тяжело вздохнул.

— Неужели случилось что-то плохое? Ведь нет? Ну, рассказывай же!

Плюк рассказал о больной Ахоньке и воздушном мостике. Все Топотунчики были под большим впечатлением. Они даже перестали жевать, молчали почти полминуты, а потом завопили все сразу:

— Не может быть! Голубь очень быстрый, ни один кот не успел бы его схватить! Нет, ни за что! Запросто! Неправда! Конечно, быстрый, но ведь в этот раз в клюве была тяжёлая корзинка! И всё давно!

— Тишина! — закричал папа Топотушкин. — Не вопите все сразу! В любом случае, ты ведь не знаешь точно, Плюк. А Домашний Кот просто хвастун. Как знать, может, Долли сейчас возьмёт и прилетит к нам. А может, она ждёт тебя на подоконнике в твоей комнате.

Плюк покачал головой.

— Я в это не верю, — сказал он. — Долли не может исчезнуть так надолго. Она прилетала ко мне каждый день рассказать, как дела, и приносила письма от Ахоньки. Если бы я только мог поговорить с Ахонькой, но я боюсь звонить к ним в дверь. Может, кто-нибудь из вас... — И он оглядел всех вокруг.

— Мы? — воскликнул папа Топотушкин. — Позвонить к госпоже Чистотюлиной?

— Вы боитесь?

— Эх, не то что боимся... Но, понимаешь, она нас не пустит. Она захлопнет дверь перед носом. Так уже было. Мне кажется, она считает, что мы грязные.

— Значит, мне нужно дождаться, пока Ахонька не выздоровеет и не выйдет из дома, — сказал Плюк. — А до тех пор я так и не узнаю, что случилось с Долли.

— Ешьте, а то картошка остынет, — сказал папа Топотушкин.

Чтобы его не обидеть, Плюк наколол на вилку сразу несколько картошек. Было очень вкусно, но есть ему совсем не хотелось.

Телевизор

— Почему ты не возьмёшь ещё картошки? — спросил у Плюка папа Топотушкин.

— Мне не хочется, — ответил Плюк. — И уже пора домой.

— Ты уже уходишь? — расстроились Топотунчики. — Ты не остаешься немножко посмотреть телевизор?

— Не нужно его уговаривать, — сказал папа Топотушкин. — Вы же видите, Плюк расстроен! Его голубку слопал зловредный Домашний Кот. Конечно, ему не хочется ни картошки, ни телевизора. Да к тому же вам пора в постель. Вы же болеете!

— Я не болею! — закричал самый младший Топотунчик. — Мне же пора в постель!

— И тебе тоже пора! — сказал папа Топотушкин. — Как странно, что к нам сегодня не зашёл доктор. Ведь он обещал зайти... Ну ладно, немедленно все в кровать! И в кровати можете посмотреть телевизор. Я его уже включил. Ты точно не хочешь остаться, Плюк?

— Точно, — сказал Плюк. — Спасибо вам и до свидания!

Но когда Плюк уже шёл по коридору, его догнал запыхавшийся младший Топотунчик и сказал:

— Вернись, пожалуйста, к нам. Наш телевизор не работает.

— А почему я должен вернуться? — спросил Плюк.

— Мы подумали... ты ведь такой умный... — сказал Топотунчик. — Может, ты его починишь?

— Я? Но я ничего не понимаю в телевизорах, — признался Плюк. — Совсем ничего.

— Ну пожалуйста... — попросил Топотунчик. — Ты только взгляни.

Плюк вздохнул и пошёл назад к Топотушкиным.

Папа Топотушкин и все его Топотунчики столпились вокруг телевизора.

— Вот и Плюк! Плюк его починит! — завопили они.

— Честное слово, я совсем не разбираюсь в телевизорах, — сказал Плюк. — Вы лучше пригласите мастера, а для простого мальчика это очень трудно, потому что...

И тут он увидел, что шнур от телевизора валяется на полу. Вилка не была включена в розетку. Плюк воткнул её, и тут же появился звук. А за ним и изображение.

— Вот видишь! — завопили Топотунчики. — Плюк починил телевизор!

А папа Топотушкин пожал ему руку и сказал:

— Большое тебе спасибо, приятель!

— Не за что, — сказал Плюк и хотел было во второй раз уйти, но тут один из Топотунчиков закричал:

— Доктор! Там наш доктор!

Плюк обернулся и сначала не увидел никакого доктора, но Топотунчик показал на экран.

— Так и есть! Это наш доктор! — крикнул папа Топотушкин. — Вот почему он не зашёл сегодня, он должен был выступать по телевидению. Что он будет делать? Тихо, мальчики, помолчите!

Плюк остановился, чтобы немножко послушать. Он был знаком с доктором, который всегда навещал заболевших жильцов Петтэфлета. Судя по всему, он собирался рассказать о кори.

— Дорогие родители, — начал доктор. — Как вам известно, корь относится к детским болезням. Она не опасна, так что вам не стоит беспокоиться. Корь непременно пройдёт. А сейчас я покажу вам таблетки, которые всегда даю детям от кори.

Доктор поставил на столик перед собой свою большую сумку. Он раскрыл её, достал оттуда целую кучу бинтов, и тут из сумки вылетел большой голубь.

Все Топотунчики завизжали от восторга и стали кричать:

— Он фокусник! Доктор будет показывать фокусы!

А Плюк на минуту застыл, а потом завопил громче всех Топотунчиков:

— Долли! Это Долли!

Он повалился на матрасный пол, стал болтать ногами, смеяться, визжать и плакать одновременно.

— Чш-ш-ш... Тише вы! — крикнул папа Топотушкин. — Давайте посмотрим дальше!

Доктор, судя по всему, сам ужасно удивился. Некоторое время он смотрел по сторонам и не произносил ни слова. Потом голубь исчез с экрана, и доктор снова заговорил.

— Прошу меня извинить, дорогие родители, — сказал он. — Я не знаю, каким образом этот голубь забрался ко мне в сумку. Птицу уже выпустили на улицу, и я могу продолжить мою лекцию о кори.

— Я пойду, — сказал Плюк.

— Подожди! — сказал папа Топотушкин. — Не надо так торопиться! Ведь ей ещё придётся лететь сюда из другого города, где находится телестудия.

— Да, — кивнул Плюк. — Но я должен быть дома, когда она прилетит.

Он быстро помахал Топотунчикам на прощание и помчался к себе в башенку.

Когда он бежал вверх по лестнице, то увидел Домашнего Кота. Тот сразу испуганно сжался, как только заметил Плюка.

— Не бойся, — сказал ему Плюк. — Я тебя не обижу. Но ведь ты сам нагло меня обманул!

— Я тебя обманул? — переспросил кот. — И что же я сказал?

— Ты сказал, что ты... — Плюк замолчал.

Ведь кот ни слова не говорил о том, что съел голубку. Всё это Плюк придумал сам.

— Да ладно... — сказал он.

У двери в свою комнату Плюк остановился. Он облокотился о перила и стал вглядываться в небо.

Наступил вечер, стало смеркаться, а Плюк всё ждал и ждал.

И только когда уже стало так темно, что он ничего не мог разобрать, вдалеке захлопали крылья, и рядом с ним опустилась Долли, ужасно усталая и чуть-чуть помятая.

— Дай мне попить... — тихо попросила она.

Плюк быстро принёс воды в блюдечке и несколько зёрнышек кукурузы, и Долли сразу стало лучше.

— Я так долго сидела в этой сумке, что чуть не задохнулась, — сказала она.

— Как же ты там оказалась? — стал расспрашивать Плюк. — Расскажи скорей!

— У Ахоньки... К Ахоньке пришёл доктор, а я сидела под кроватью. И мне нужно было где-то спрятаться... А сумка как раз была открыта. Я и забралась в неё. Я подумала, он ведь пойдёт к следующему пациенту и откроет там сумку. Но нет, он поехал куда-то ужасно далеко на машине, и это длилось так долго... А когда сумка раскрылась,

очутилась в зале, где горели огромные яркие лампы, и там было столько людей... До сих пор так и не поняла, что это было!

— Это была телестудия, — сказал Плюк. — И тебя показали по телевизору. Я тебя видел.

— Меня? По телевизору? Ты меня видел?

— Я видел, как ты вылетела из сумки.

Долли тут же позабыла все свои приключения и усталость. Она прямо раздулась от гордости.

— Я голубь — телезвезда! — сказала она. — Я теперь знаменитая, да, Плюк?

— Я думаю, да, — сказал Плюк. — По крайней мере сегодня. Но самое замечательное, что ты вернулась и ты в безопасности!

Цепочка обезьянок

— Мне бы так хотелось узнать, как дела у Ахоньки, — сказал Плюк. — И я думаю, она о нас тоже беспокоится.

— Я могу полететь к ней на балкон, — смело предложила Долли.

— Нет-нет! — воскликнул Плюк. — Пожалуйста, не надо! Я думаю, мне лучше сходить к семейству Топотушкиных.

Топотушкины ужасно обрадовались Плюку. Папа Топотушкин снова был в фартуке и готовил на кухне еду. На этот раз он не жарил картошку, а варил фасолевый суп.

— Присаживайся, Плюк! Садись прямо на пол! И не обращай внимания на беспорядок. Когда папа один и у него такая куча детей... беспорядок получается сам собой. Хочешь тарелочку фасолевого супа?

— С удовольствием, — сказал Плюк. — Вы уже выздоровели? Корь прошла?

— Мы выздоровели и поедem на море. Доктор сказал, что нам всем надо съездить на море.

— Как здорово, — сказал Плюк.

И пока он ел фасолевый суп с фрикадельками, он рассказал про Ахоньку. Которая до сих пор болела и жила этажом ниже. Как раз под Топотушкиными.

— Ведь должен быть способ пробраться к ней на балкон? — спросил он. — Может, у меня получится перебраться на него с вашего балкона?

— Нет-нет, ни в коем случае! — закричал папа Топотушкин. — Это слишком высоко. И там даже не за что ухватиться. Кругом один гладкий бетон, сам посмотри!

И он повёл Плюка на балкон.

— Смотри, — сказал он. — Вон там внизу маленький кусочек балкона Ахоньки. Видишь, как тут высоко?

Плюк посмотрел вниз, и ему стало немножко страшно. Это был двадцатый этаж, и карабкаться по балконам, конечно, было нельзя.

Тут к ним прибежал самый маленький Топотунчик и сказал:

— Папа, а почему бы нам не сделать обезьянью цепочку?

— Что? Ох, нет... Это невозможно, мальчик может испугаться, — сказал папа Топотушкин.

Но тут сбежались все остальные братья, они стали прыгать, скакать и кричать:

— Да! Да! Он сможет! Обезьянью цепочку!

— Что такое обезьянья цепочка? — спросил Плюк.

— Ох, нет, — снова сказал папа Топотушкин. — Давайте забудем про это...

— Не забудем! Мы это сделаем! Он не испугается! Ты ведь сможешь, да, Плюк?

— Но что же это такое? — спрашивал Плюк. — Что это за обезьянья цепочка?

— Ну ладно, — сказал папа Топотушкин. — Однажды мы уронили с балкона мячик. И он упал как раз на балкон под нами. Но мы испугались идти к госпоже Чистотюлиной, понимаешь... мы её немножко боимся.

— Ага, — кивнул Плюк. — Я понимаю.

— Ну вот, и мы сделали обезьянью цепочку. Как мы это делали, мальчики?

— Мы тебе покажем, Плюк! Иди сюда, у нас получится!

А в квартире этажом ниже Ахонька всё ещё лежала в постели. Ей разрешали вставать на несколько часов каждый день. Но выходить на улицу ей до сих пор было нельзя.

Так что она лежала прямо напротив открытой двери на балкон и смотрела на голубое небо. Когда она видела пролетающую мимо птицу, то сразу приподнималась, в надежде, что это Долли. Но каждый раз ошибалась.

Ей так хотелось узнать, что же случилось с Долли. Куда подевалась голубка? Жива ли она? И как дела у Плюка? Не забыл ли он про неё? Или, может, он слишком занят...

Так она волновалась и ломала себе голову, и ужасно грустила. «Лучше я снова посплю», — подумала она и закрыла глаза.

— Эй! Ахонька! — прошептал голос где-то совсем рядом с ней. Ахонька испуганно села в кровати.

Прямо перед открытой балконной дверью висела голова. Вверх тормашками! Голова была ужасно красная.

— Плюк! — закричала Ахонька.

— Привет, — с трудом произнесла голова. — Как у тебя дела?

— Хорошо, — сказала Ахонька. — Скорей, скорей расскажи мне, как Долли?

— У неё всё в порядке, — ответил Плюк. — Она вернулась. Она забралась в сумку к доктору.

— Ах, она была там! — воскликнула Ахонька. — А на чём ты висишь?

— Я болтаюсь на конце обезьяньей цепочки, — сказал Плюк. — Я вижу на трёх Топотунчиках. Но я так долго не выдержу! Ты скоро выздоровеешь?

— Да, — пообещала Ахонька. — Доктор сказал, что мне нужно на море. Но моя мама на море не хочет. Она боится чаек.

— Понятно... Послушай, я чувствую, меня тянут наверх, пока!

— Быстрее! — сказала Ахонька. — Я слышу мамины шаги.

Голова исчезла как раз вовремя.

— С кем ты говорила? — спросила госпожа Чистотюлина, входя в комнату.

— Я только напевала песенку, — сказала Ахонька. — От радости, что я выздоравливаю.

А Плюк уже снова стоял на балконе у Топотушкиных.

— Теперь ты знаешь, что такое обезьянья цепочка, — говорили Топотунчики. — Разве не классно было висеть? Ты с ней поговорил?

— Да, — сказал Плюк, всё ещё красный от напряжения. — Она почти выздоровела. И доктор сказал, что хорошо бы ей съездить на море.

— Прямо как нам, — сказал самый маленький Топотунчик. — Нам доктор тоже велел побыть на море.

— Может, вы тогда возьмёте её с собой? — спросил Плюк.

— Конечно, — сказал папа Топотушкин. — Мы с удовольствием. Но отпустит ли её мама?

— Да уж... А вы не могли бы спросить госпожу Чистотюлину?

— Что? Я? Чтобы я о чём-то спросил госпожу Чистотюлину? — испуганно воскликнул папа Топотушкин. — О нет, на такое я не осмелюсь! Лучше ты спроси.

— Я? — испугался Плюк. — Я вообще никогда больше не решусь говорить с её мамой.

— Давай подумаем, — сказал папа Топотушкин. — Кто у нас в Петэфлете сможет спросить её разрешения?

— Может, доктор? — предложил самый маленький Топотунчик.

— Конечно! Доктор! Тебе нужно записаться на приём к доктору, Плюк. И всё с ним обсудить. Но сначала съешь ещё тарелочку супа.

— С удовольствием! — сказал Плюк, который ужасно проголодался после висения на обезьяньей цепочке.

— И когда мы поедem на море, — добавил папа Топотушкин, — мы Ахонька, то ты ведь тоже поедешь с нами? У нас есть свой домик в дюнах. Мы поедem на нашей машине.

— Тогда я приеду погостить на пару дней, — согласился Плюк. — На подъёмном кране!

Один день порядка

На втором этаже Петтэфлета жил доктор. У его двери в коридоре стоял целый ряд стульев. На них сидели люди, которые ждали приёма у доктора. Один за другим они заходили в кабинет. Самым последним в тот день был один мальчик.

— Так-так, — сказал доктор. — Ну, рассказывай, что у тебя болит.

— Ничего, — ответил мальчик.

— Ничего? Тогда зачем же ты пришёл?

— Я хотел вас попросить...

— Хотел меня о чём-то попросить? Только давай поскорее, а то я очень занят. Пстой-ка, а ты случайно не Плюк?

— Да, — кивнул Плюк.

— Я тебя знаю, — сказал доктор. — Я видел, как ты едешь на маленьком подъёмном кране. Так в чём же дело?

— Дело в Ахоньке Чистотюлиной, — начал Плюк.

— В Ахоньке? Она моя пациентка. У неё недавно была корь, и я считаю, ей нужно съездить отдохнуть на море. Вот только её мама и слышать об этом не хочет.

— В этом всё и дело, доктор, — сказал Плюк. — Сейчас как раз собралась на море семья Топотушкиных. И они хотят взять с собой Ахоньку.

— Топотушкины? Да-да, точно. У них тоже была корь. Ну, вот видишь, лучше и не придумать. Значит, Ахонька поедет с семьёй Топотушкиных.

— Нам всем очень этого хочется, — сказал Плюк. — Но никто не решается спросить разрешения.

— Не решается спросить разрешения? У кого?

— Никто не решается попросить госпожу Чистотюлину, чтобы она отпустила Ахоньку, — объяснил Плюк.

— Разве? — воскликнул доктор. — Как глупо! Хотя... вообще-то я могу это понять. Она весьма непростая дама. Но знаешь что... Сейчас же этим займусь. Я спрошу у неё. А потом дам тебе знать.

Когда доктор пришёл к госпоже Чистотюлиной, она как раз намылила полы. Она стояла на коленках, а рядом с ней было большое ведро с мыльной водой. Свою дочку Ахоньку она на это время посадила на шкаф.

— Не могли бы вы встать на эту тряпку, доктор, — сказала она. — Видите ли, тут затеяла уборку.

— Вижу, — сказал доктор. — Ну что же, давно пора.

Госпожа Чистотюлина испуганно вздрогнула и даже выпустила из рук щётку.

— Правда? Вы так считаете? — спросила она. — Разве здесь грязно?

— Ну... — задумчиво сказал доктор. — Не могу сказать, что так уж грязно, но... — Он провёл пальцем по стулу и наморщил нос. — Было бы совсем неплохо провести в доме генеральную уборку.

— Но я её уже устраивала, доктор! — закричала госпожа Чистотюлина. — Весной! У меня была большая весенняя уборка!

— И как быстро всё опять запачкалось, — вздохнул доктор. — Как обидно!

— Но вы ведь понимаете... когда в доме ребёнок, грязь появляется гораздо быстрее... — сказала госпожа Чистотюлина.

— Это точно, — согласился доктор. — Как было бы чудесно, если бы Ахонька на пару недель уехала, тогда у вас были бы все условия, чтобы как следует прибраться во всём доме. А для Ахоньки будет очень полезно поправить здоровье на море.

— Но я же не могу отправить её на море одну! — сказала госпожа Чистотюлина.

— Не можете, — согласился доктор. — Но совершенно случайно я знаю одну семью, которая могла бы взять её с собой. Это очень приличная семья.

— О да?

— Да-да, и только представьте себе, вы сможете целых четыре недели заниматься уборкой. Вымыть как следует весь дом. Проветрить все шкафы и даже простираты все занавески.

У госпожи Чистотюлиной заблестели глаза.

— Я об этом только и мечтаю, — призналась она. — А кто эти люди, которые хотели взять с собой Ахоньку?

— Ваши соседи сверху, семья Топотушкиных, — сказал доктор.

— Эти? — возмутилась госпожа Чистотюлина. — О нет! Ни за что!

— Почему же? Вы с ними знакомы?

— Я с ними незнакома, но я слышала, что они ужасно неаккуратные. В доме у них страшный беспорядок, а у всех детей не стриженные волосы! Так говорят.

— Вот как, — сказал доктор. — Вообще-то я несколько раз заходил к ним не так давно. У всех мальчиков была корь. За исключением одного. Но я никогда не замечал, что они неаккуратные. Я бы обратил на это внимание.

— Правда? — удивилась госпожа Чистотюлина. — Так, может быть, это всё-таки неплохая идея? Знаете что, доктор. Я к ним зайду. Я должна собственными глазами увидеть, что у них там порядок.

— Я думаю, это прекрасная мысль, — сказал доктор. — Я скажу им, что вы зайдёте на чай сегодня после обеда. До свидания, госпожа Чистотюлина! Пока, Ахонька!

Доктор вышел из квартиры и нашёл в коридоре Плюка.

— Получилось? — спросил Плюк.

— Сегодня днём она зайдёт к ним в гости, — рассказал доктор. — Беги скорее к папе Топотушкину и помоги ему навести

— Порядок! Госпожа Чистотюлина хочет проверить, аккуратная ли это семья. Так что постарайтесь! Удачи!

Плюк помчался наверх и обнаружил у Топотушкиных ещё больший беспорядок, чем обычно. Топотунчики устроили настоящую битву подушками, и теперь пух и перья летали по всей комнате. После завтрака на матрасах на полу валялись хлебные корки, да к тому же на них опрокинули большой чайник с чаем.

Когда папа Топотушкин услышал, что к ним в гости зайдёт мама Ахоньки, он в отчаянии всплеснул руками.

— Это невозможно! — закричал он. — Мы ни за что не сможем убрать всё это за пару часов!

— Я знаю, что делать, — сказал Плюк. — Эту комнату мы закроем. А порядок наведём только в прихожей и в одной из боковых комнат. Я вам помогу!

— Мальчики! Тащите садовый шланг! — закричал папа Топотушкин.

Они старались изо всех сил, мыли и поливали из шланга прихожую и маленькую комнату. Они и тёрли, и чистили, и драили всё до блеска.

Все вещи, которые там валялись, просто побросали в большую комнату, которая так и осталась, как была.

И вот когда после обеда к ним пришла госпожа Чистотюлина, её пригласили в сияющую маленькую комнату.

Там сидели папа Топотушкин и все Топотунчики, очень аккуратные, как будто они собирались фотографироваться. Волосы у них были причёсаны и приглажены щёткой, на всех были рубашечки с галстуками, и в присутствии госпожи Чистотюлиной они пили чай, оставив мизинчик.

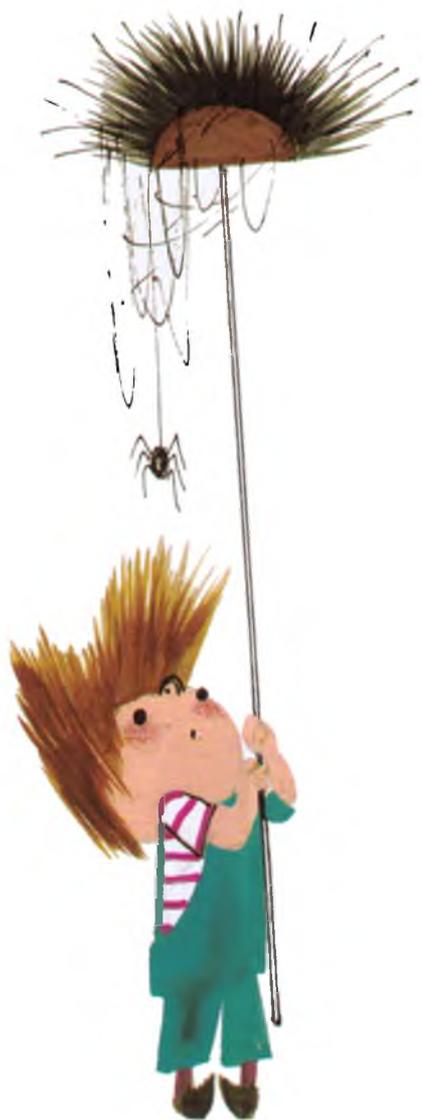
— Как у вас аккуратно, — сказала мама Ахоньки. — Я слышала, у вас есть домик на море в городе Приморске?

— Да-да, госпожа Чистотюлина, — ответил папа Топотушкин. — Очень аккуратный домик.

— И вы поедете туда на машине?

— Да, госпожа Чистотюлина, это очень чистая машина.

— И вы ведь проследите, чтобы Ахонька не испачкалась на пляже?

— Испачкалась? — испуганно воскликнул папа Топотушкин. — А ваша девочка пачкается? О нет, тогда мы никак не можем взять её с собой. Девочки, которые могут испачкаться... О нет! Тогда, к сожалению, всё отменяется.

— Нет-нет-нет! — закричала госпожа Чистотюлина и покраснела. — Я скажу ей, чтобы она оставалась безупречно чистой, всё время!

— Тогда другое дело, — сказал папа Топотушкин. — Мы выезжаем утром во вторник. Пусть приходит к нам пораньше. С чемоданчиком!

— Договорились, — кивнула госпожа Чистотюлина. — А теперь мне пора. Спасибо за чай. И у вас очень чисто!

Госпожа Чистотюлина ушла. Как хорошо, что она так и не увидела большую гостиную...

Поездка на море

Плюк проснулся и в испуге посмотрел на будильник. Семь часов! Он проспал. Топотушкины собирались уехать на своей машине в шесть. С Ахонькой. Плюк пообещал, что поедет вместе с ними. Хоть он и собирался сам ехать на своём подъёмном кране, но они договорились, что он поедет за Топотушкиными. А он опаздывал на целый час.

За три секунды он оделся. Потом взял коробочку из-под скрепок и сказал Зазе:

— Залезай скорей, мы уезжаем!

— Ты не очень расстроись, если я останусь дома? — спросила Заза. — Морской воздух очень вреден для тараканов.

— Но тебе ведь придётся так долго быть совсем одной, — сказал Плюк. — Может быть, целую неделю.

— Ничего страшного, — сказала Заза. — Только оставь мне немного яблочной кожуры. И запри хорошенько дверь, чтобы сюда никто не зашёл. Пока-а-а-а!

— Ты уверена? — спросил Плюк.

— Абсолютно, — сонно прошептала Заза. — Я лучше побуду одна дома, чем на море.

Плюк попрощался с Зазой, взял свой чемоданчик и вышел из комнаты. Он трижды повернул в замке ключ и со всех ног поспешил к лифту. Но когда он выбежал на улицу, Топотушкиных и след простыл. Они уехали.

«Я поеду очень быстро, — решил Плюк. — Может, у меня ещё получится их догнать».

Он быстро вскочил за руль подъёмного крана. В такое время на улице ещё совсем не было машин, Плюк проехал вдоль

Петтэфлета и, разгоняясь всё сильнее, свернул направо, завернул за угол и чуть не врезался в машину Топотушкиных.

Плюк тут же остановился.

Это был ужасно старый автомобиль, битком набитый Топотунчиками.

В нём сидели шестеро мальчишек и Ахонька. Сверху были привязаны чемоданы, сумки и ещё целая куча вещей, которые не поместились внутрь. Перед машиной стоял папа Топотушкин и крутил здоровенную металлическую ручку. Его автомобиль был настолько старый, что заводить его приходилось вручную.

— У нас авария! — пожаловался папа Топотушкин. — Мы уже сломались! И десяти метров не отъехали от дома. Машина не хочет ехать. Мотор заглох. И я никак не могу его завести. Можешь себе представить? Пятьдесят восемь лет подряд она так прекрасно ездил. Это ведь машина ещё моего дедушки. А теперь вдруг ни с того ни с сего сломалась! Как это могло случиться?

— Я придумал, — сказал Плюк. — У меня в машине есть трос. Я потащу вас на буксире.

Но когда они привязали трос и Плюк попытался тронуться с места... ничего не произошло. Всё осталось на своих местах, ведь машинка Плюка была слишком маленькая, чтобы тащить такой тяжёлый автомобиль.

— А мы все не можем поехать на твоей машине? — спросили Топотунчики.

— Конечно нет, — сказал Плюк. — И уж тем более со всеми этими чемоданами.

— Может, у нас получится толкать машину? — предложила Ахонька. — Я буду помогать толкать.

— Толкать? До самого моря? Тогда мы и за две недели туда не доберёмся, — заворчал папа Топотушкин. — Нет, ребятки, нам надо придумать что-то другое. Давайте-ка присядем на ступеньки и хорошенько подумаем.

Все расселись на ступеньках. Папа Топотушкин, шесть маленьких Топотунчиков, Ахонька и Плюк, все сидели в ряд. Они повесили головы и всё думали, думали, думали, пока их не напугал чей-то громкий голос:

— Что всё это значит?

Это оказался Майор. Он вместе со своим адъютантом сидел на ужасно длинной лошади. Это был Длинно-конь, Плюк хорошо его запомнил.

— Что тут произошло? — спросил Майор. — В вашей старой развалине что-нибудь сломалось?

— Это не старая развалина, — возмутился папа Топотушкин. — Это прекрасный автомобиль, который отлично проездил почти шестьдесят лет. Но вот теперь вдруг сломался, а нам нужно на море.

— Так-так, — сказал Майор. — Ну что же, думаю, я смогу вас подвезти. На моей лошади. Все малыши как раз уместятся на моём коне. И я довезу вас до моря!

Но тут вдруг начал ворчать сам Длинно-конь.

— Нет! — закричал он. — Это уж чересчур, я не смогу, я сломаюсь пополам!

— Что за вздор, мой конь! — сказал Майор. — У нас ведь есть колёсики! Адъютант! Немедленно принесите колёсики!

Плюку стало ужасно интересно, что это будут за колёсики и куда их поставят, но, когда адъютант вернулся, всё стало понятно. Это было очень практичное приспособление с колёсиками, которое можно было установить посередине под животом у Длинно-коня.

— Вот так, — сказал Майор. — Чемоданы грузите в подъёмный кран, и папа Топотушкин пусть садится туда же. А все остальные забирайтесь на моего коня!

— Ой-ой, я уже начинаю гнуться, — запричитал Длинно-конь, когда к нему на спину взобрались шесть Топотунчиков и одна Ахонька, но Майор строго сказал:

— Прекрати жаловаться! Твой живот поедет на колёсиках, чего ещё можно пожелать! А если ты устанешь, то сможешь поджать ноги и катиться на них сам по себе. Разве ты не можешь хоть раз помочь Плюку? Ведь он спас тебя, когда ты чуть не утонул!

— Ой, да, — сказал Длинно-конь, которому стало очень стыдно, и он бодро пошёл вперёд.

Зрелище, надо сказать, было странное.

Впереди на своём подъёмном кране вместе с папой Топотушкиным ехал Плюк. Кран был весь загружен чемоданами и коробками.

За ними шёл Длинно-конь с Майором, шестью Топотунчиками и Ахонькой. Бедняге адъютанту пришлось остаться, и теперь он стоял на ступеньках и отдавал честь.

Погода, к счастью, стояла прекрасная. Но всё-таки прошёл почти целый день, пока они наконец добрались до моря, потому что Длинно-конь оказался не только медленным конём, но и большим любителем пожаловаться, и ему очень часто надо было останавливаться, чтобы передохнуть. Когда же они наконец увидели море,

эсе Топотунчики завопили как ненормальные, а Ахонька немедленно захотела искупаться, но папа Топотушкин закричал им:

— Сначала к нам в домик!

Он показывал дорогу к маленькому деревянному домику у подножия дюн, совсем рядом с пляжем и большим маяком.

— Вы останетесь переночевать, господин Майор? Вы можете остаться, у нас есть десять спальных мест.

— Благодарю вас, — сказал Майор. — Я вернусь в Петтэфлет. Поехали, мой конь, направо!

Все поблагодарили Майора и помахали ему вслед. А потом пошли в домик.

Плюк никогда раньше не видел такого чудесного домика. В нём была только одна комната и маленькая кухня. И в комнате висели десять гамаков.

— Всем по гамаку, — сказал папа Топотушкин. — И один лишний на случай, если приедут гости. Никогда ведь не знаешь.

Когда они распаковали вещи, было уже восемь часов вечера и солнышко начало садиться за горизонт.

— Мы ещё можем быстро окунуться в море, — сказал папа Топотушкин. — Только очень быстро и сразу на берег.

Так они и сделали. Семеро Топотушкиных, Ахонька и Плюк, взявшись за руки, побежали прямо в высокие волны. Вода была очень холодная, но очень приятная, и все порозовели в лучах вечернего солнца.

Когда они вылезли из воды и вытерлись полотенцами, Плюк заметил что-то на песке. Что-то розовое. Большую красивую раковину. Плюк положил её в карман рубашки. А уже через полчаса все лежали в своих гамаках и сладко спали. И снились им высокие бурные волны.

Шептуля

Уже три дня они жили в домике Топотушкиных на море. Три волшебных тёплых солнечных дня, когда можно было целыми днями играть в море и на пляже.

Сам домик был маленький, но очень уютный. В нём была только одна комната и кухня, а спали все в гамаках. У каждого из шести Топотунчиков был свой собственный гамачок. Ещё в одном гамаке спал папа Топотушкин, а в двух других — Плюк и Ахонька. Один гамак оставался пустым. Он был на всякий случай. Если вдруг кто-нибудь приедет в гости.

На утро четвёртого дня все проснулись от крика папы Топотушкина.

— Ребята! На море шторм! — кричал он. — Посмотрите же!

Все повыпрыгивали из своих гамаков и стали смотреть в окна.

На улице бушевала буря, солнышка не было, а ветер швырял в окна песок. Было даже немножко страшно.

— А у нас в доме совсем нет еды! — кричал папа Топотушкин. — Что же нам есть на завтрак? В такую погоду невозможно пойти за покупками.

— Я съезжу в городок, — решил Плюк. — На подъёмном кране.

— В такой ураган? — испугался папа Топотушкин. — Ты не боишься?

— Это даже здорово! — сказал Плюк.

Он взял список продуктов и большую сумку, сел за руль и поехал в Приморск.

Ветер был ужасно сильный, так что Плюку приходилось держать кепку руками, а песок летел прямо в глаза и не давал видеть дорогу. Но Плюк был храбрым мальчиком и ехал вперёд.

В магазине он купил всё, что было в списке. Хлеб, масло, сыр, джем и ещё много всего.

Сумка была набита до краёв, а сверху лежали девять эскимо. Всем по одному.

И Плюк отправился в обратный путь.

«Мне надо поторапливаться, — подумал он. — А то мороженое растает. Вот что, поеду-ка я напрямик через дюны по этой узкой тропинке, так получится намного короче».

И он свернул на дорожку в дюнах.

Маленький подъёмный кран смело ехал сквозь песок. Но ураган был такой сильный, а песчаная буря поднималась так высоко, что уже через пять минут Плюк потерял тропинку, и тут... бум! Подъёмный кран остановился.

Он застрял в куче песка.

Плюк вышел из машины, стал толкать и тянуть, но у него никак не получалось освободить кран.

«Придётся возвращаться пешком, ничего не поделаешь...»

Он взял тяжёлую сумку и стал пробираться вперёд. Вдруг ветер сорвал у него с головы кепку. Плюк погнался за ней и почти догнал, но тут ветер бросил ему прямо в глаза горсть песка.

Пришлось поставить сумку, а когда он протёр глаза и снова смог видеть, кепка уже улетела. И что было ещё хуже: он не знал, куда ему идти. Он даже не знал, в какой стороне было море. Куда ни глянь, везде только высокие дюны.

Ветер гонял по небу густые тёмные тучи, солнышко спряталось, а Плюк заблудился.

С тяжёлой сумкой в руках он поднимался на дюну и снова спускался вниз. Но перед ним оказывались всё новые дюны, и Плюк уже так устал от тяжёлой дороги и от борьбы с ветром, что сел у подножия дюны и сказал:

— Я не знаю, что мне делать. Я заблудился, и меня никогда не найдут. Мне придётся ждать здесь, пока буря не закончится, а это может быть только через неделю. И здесь нет никого, у кого я мог бы спросить дорогу. Даже чайки.

Ему было страшно остаться совсем одному в такой ураган, когда кругом был только песок. Но рядом с ним стояла сумка с продуктами, и это его немного утешило.

«С голоду я не умру, — подумал Плюк. — Еды у меня на целый месяц».

Он стал прислушиваться, вдруг бы ему удалось разобрать шум моря сквозь завывание ветра.

Если бы только узнать, в какой стороне было море.

И тут между двумя порывами ветра он услышал звук. Похожий на «ту-у-у... ту-у-у...». И опять «ту-у-у... ту-у-у». Как будто сигналы точного времени по радио.

«Словно у меня в кармане лежит радио, — подумал Плюк. — Но у меня нет с собой никакого радио».

Он сунул руку в карман. Раковина! Большая красивая розовая морская раковина, которую он подобрал на пляже в самый первый день! Плюк приложил её к уху. Так и есть, это была раковина. Ту-у-у... Ту-у-у... Плюк стал слушать.

Звуки прекратились, и тут из раковины раздался тихий шелестящий голосок:

— Фам фоле... — прошептал он.

Плюк оглянулся по сторонам. Он даже подумал, что забрёл на какое-то поле среди дюн. Но голосок продолжал:

— Фа куштами фоле.

Тут Плюк догадался, что раковина говорила совсем не о поле. За кустами море — вот что она хотела сказать.

Она немножко шепелявила и вместо звука «З» и некоторых других у неё получалось «Ф». Плюк подхватил сумку и пошёл за кусты. Раковину он по-прежнему прижимал к уху.

— Ифи пфямо, фам бефег, — сказала раковина.

— Спасибо, — сказал Плюк.

Он даже заглянул в раковину, не прячется ли там какой-нибудь зверёк. Но нет, там было пусто. В раковине ничего не было.

— Вшё фремя пфямо, — сказала раковина, — и фам buffet пляф.

Плюк шёл всё время прямо, по вершине дюн, и наконец увидел пляж. Он увидел маяк и длинный пирс, у которого они плавали. Теперь он мог найти и домик Топотушкиных! Он очень обрадовался и сказал:

— Большое спасибо! Ты всегда знаешь дорогу? И никогда не ошибаешься?

— Не ошибаюфь, — сказала раковина. — Я Шептуля.

— Шептуля? Какое замечательное имя! Я всегда буду носить тебя с собой и никогда больше не заблужусь. Скажи, а как у тебя получается всегда знать дорогу?

Но Шептуля только повторила дважды:

— Ту-у-у... Ту-у-у...

А потом замолчала.

С трудом переставляя ноги по мокрому песку, Плюк побрёл по пляжу к домику.

Вся семья Топотушкиных и Ахонька стояли у окон и высматривали его. С криками они втащили Плюка в дом.

— Плюк без кепки! — кричали они.

— Плюк без подъёмного крана! Что случилось?

— Ну, хоть покупки у него остались, — сказал папа Топотушкин. — Рассказывай!

Плюк рассказал, как застрял его подъёмный кран. И как он заблудился. Но ничего не сказал про Шептулю. Это был только его секрет.

Теперь у него была морская раковина, которая всегда будет указывать ему дорогу. Это было очень приятное чувство.

— Как только эта буря закончится, мы вытащим из песка твою машину, — сказал папа Топотушкин. — И найдём твою кепку. Но сейчас мы будем завтракать, потому что мы ужасно проголодались, да, ребята? Послушай, Плюк, а что это за девять палочек лежат сверху в сумке?

— Это... это было эскимо, — сказал Плюк. — До чего обидно! Оно растаяло!

Лина в беде

На морском побережье было прекрасное тёплое солнечное утро. Все Топотунчики играли на пляже. Плюк и Ахонька только что искупались в море и сели в подъёмный кран, чтобы съездить в булочную за свежим хлебом.

Только они собрались ехать, как услышали тревожные крики.

Плюк посмотрел по сторонам, но никого не увидел.

— Это где-то над нами, — сказала Ахонька.

Плюк поднял голову. Над ними парила огромная белая чайка. Карл! Это был Карл с деревянной ногой.

— Морской привет! — крикнул он.

— Морской привет! — ответил Плюк.

— Поехали скорей! — закричал Карл. — На помощь! На помощь!

— Что такое? Что случилось? Спустись вниз, я тебя не слышу.

Карл сел на подъёмный кран и сказал:

— Лина попала в беду.

— Кто такая Лина? — спросил Плюк.

— Моя сестра. Она испачкалась в нефти.

— Где? Что ещё за нефть?

— В море, — сказал Карл. — Там, чуть дальше, у каменного пирса, знаешь, где он? Там моя несчастная сестрица. Она хотела искупаться в море и попала прямо в нефтяное пятно. А теперь не может из него выбраться. Застряла в водорослях, в мусоре, и там ещё эта мерзкая нефть. Поехали! Может, у тебя получится вытащить её подъёмным краном?

— Лети вперёд, — сказал Плюк. — И показывай мне дорогу.

Он развернул подъёмный кран, и они с Ахонькой поехали вдоль пляжа. Карл летел впереди и привёл их к большому каменному пирсу, который уходил далеко в море.

— Она у самого конца пирса, — крикнул Карл. — Поезжай прямо туда.

— Еду, — сказал Плюк.

Но проехать по огромным камням оказалось совсем непросто.

Им то и дело приходилось выходить из машины, чтобы подтолкнуть её или вытащить из камней, пока Карл летал у них над головами и взволнованно кричал:

— Быстрее! Поторопитесь!

Наконец они добрались до конца пирса. Там они посмотрели в воду, — так и есть! Они сразу увидели несчастную Лину. Чайка сидела в нефтяном пятне на воде. Было сразу понятно, что она застряла и не могла двинуться с места. И кричала ещё пронзительней, чем её брат Карл.

— Вы что-нибудь сделаете? — закричала она.

— Мы постараемся, — крикнул ей Плюк.

Он опустил кран вниз. Большой крюк медленно погрузился в воду и стал поднимать Лину вместе с огромным пучком залитых нефтью водорослей, в которых запутался мусор. С шумом Плюк опустил

всё это в кузов. Их с Ахонькой забрызгало грязью и нефтью, но это было нестрашно, они ведь были раздеты.

— А теперь мне скорей надо в моё гнездо! — закричала Лина. — Немедленно!

— Ладно, — сказал Плюк. — А где твоё гнездо?

— Там в дюнах, за большой горой, там моё гнездо. А в нём яйца!

— Подожди, Лина, — сказал её брат Карл. — Тебе нельзя в гнездо в таком виде. Сначала тебя надо хорошенько отмыть. Мы отвезём тебя в домик.

— И речи быть не может! — завизжала Лина. — У меня же там яйца! Мне немедленно нужно к ним!

— Ни за что, — сказал Карл. — Вперёд, Плюк, вези её к вам в домик.

— Но что же мне делать? — сказал Плюк. — Если вы будете ссориться, то я не пойму, как мне быть!

Но тут впервые заговорила Ахонька.

— Я думаю, что Карл прав, — сказала она. — Лина не сможет высидеть яйца, ведь она вся перепачкана. Пусть папа Топотушкин как следует её отмоет.

Плюк поехал к домику, пока Лина вопила и ругалась.

— Если яйца в моём гнезде остынут, вы будете виноваты! — кричала она. — Негодяи!

— Значит, отложишь другие, — сказал Карл.

— Вот ещё! Вы слышали! Разве можно так разговаривать с матерью? — завопила Лина.

— Ты ещё не мать, — сказал Карл. — Когда у тебя появятся маленькие птенчики, ты станешь мамой, а пока у тебя их нет, ты ещё не мама.

Между Карлом и Линой завязалась ужасная ссора из-за того, можно ли считать Лину мамой или нет, но тут они как раз подъехали к домику, и вся семья Топотушкиных выбежала на улицу.

— Что у вас опять стряслось? Что это за грязь? — закричали Топотунчики.

Но папа Топотушкин сразу всё понял и сказал:

— Всё ясно. Опять несчастная птица попала в нефть. Заходите в дом, я вымою бедняжку.

— А как же моё гнездо? — захныкала Лина. — Яйца могут остыть!

— Мы перенесём их сюда, — решил папа Топотушкин. — И ты сможешь высиживать их дальше у нас на террасе. Пойди-ка сюда, — позвал он самого младшего Топотунчика. — Быстренько сбегай в дюны и принеси сюда гнездо с яйцами этой чайки.

— Я покажу ему дорогу, — сказал Карл.

Он сразу полетел вперёд, а маленький Топотунчик помчался за ним со всех ног.

Как только Лине сказали, что её гнездо скоро принесут в дом, она сразу стала поспокойнее и разрешила заняться своими перьями. Её посадили в тазик и тщательно отмывали пёрышко за пёрышком. Длилось это ужасно долго, да и характер у Лины оказался не из простых. Время от времени она начинала сопротивляться и один раз даже клюнула папу Топотушкина прямо в нос.

— Где мои яйца? — вопила она. — Почему так долго? Я уже чистая и сама полечу к ним.

— И речи быть не может, — строго сказал папа Топотушкин. — Да, мы тебя вымыли, но тебе надо остаться здесь на пару дней, чтобы выздороветь.

— Я не болею! — крикнула Лина.

— А твои пёрышки больны. У всех птиц, которые попадают в нефть, пёрышки потом болеют.

Но Лина так разбушевалась, что Плюк с Ахонькой побежали на улицу смотреть, не видно ли ещё Топотунчика с гнездом.

Наконец-то он появился из-за дюн, совершенно запыхавшийся.

Прямо над его головой летел Карл.

— Ты принёс яйца? — спросил Плюк. — Ты их не принёс! Где они?

— Они-они-они... исчезли, — запыхался Топотунчик. — Гнездо было пустое.

— Украли! — вопил Карл. — Их украли мальчишки.

— Что за мальчишки? — спросил Плюк.

— Я видел, как они убегали, — рассказал Карл. — Это те самые мальчишки, которые всегда воруют яйца.

— А что они с ними делают? — спросила Ахонька.

— Продают пекарю.

— Пекарю? Здесь в булочной? А что с ними делает пекарь?

— Печёт сдобное печенье, — сказал Карл. — Теперь нам придётся рассказать Лине, что её детишки стали сдобным печеньем.

— Нет-нет, — сказала Ахонька. — Не говорите ей, не надо! Пойдём, Плюк, мы же всё равно собирались в булочную. Мы вернём её яйца.

— Ладно, только скорее, — сказал Плюк, и они с Ахонькой быстро сели в машину.

Карл пошёл в дом.

— Где они? Где мои яйца? — закричала Лина.

— Их сейчас принесут, — сказал Карл. — Они уже близко. Подожди ещё чуть-чуть.

— Ну-ка посмотри мне в глаза, — велела Лина. — Ты меня не обманываешь?

Но Карл не решился посмотреть ей в глаза.

— Конечно нет... — сказал он совсем тихо.

И тут, разумеется, всей семье Топотушкиных пришлось крепко держать Лину, чтобы она не набросилась на своего брата.

Как выручали чайку

Чайка Лина не знала, что и делать, когда ей рассказали, что яйца исчезли из гнезда. Она так разволновалась и разозлилась, что папе Топотушкину пришлось запереть её в платяном шкафу.

А куда же подевались чайкины яйца? Их украли мальчишки. И скорей всего продали пекарю, который мог испечь из них сдобные печенья.

Плюк с Ахонькой поехали на подъёмном кране в Приморск. Плюк ехал ужасно быстро, даже чересчур быстро, но ведь он очень торопился, ему хотелось как можно скорее доехать до булочной. Может, они ещё успеют вовремя. К счастью, дорога через дюны была совсем пустой, и они добрались за пять минут.

Плюк с Ахонькой зашли в булочную. За прилавком стояла жена пекаря.

— Один белый и два чёрных, — попросил Плюк.

— Пожалуйста, — сказала жена пекаря. — Ещё что-нибудь?

— Нет, спасибо, — сказал Плюк. — Хотя... да, ещё кое-что. У вас случайно нет яиц чайки?

— Яиц чайки? — переспросила жена пекаря. — Конечно нет. Разве в магазинах продаются такие яйца? За ними надо идти в дюны, мальчик.

— Да, — сказал Плюк. — Но вдруг они у вас случайно есть. Я бы с удовольствием их у вас купил.

— Зачем бы мне держать их в булочной? — удивилась жена пекаря. — Вы что, решили, что мы готовим из них булочки? Или сдобное печенье? Вы так думаете?

Плюк хотел было сказать: «Да, я так и думал». Но жена пекаря так сердито посмотрела на него, что он испугался и промолчал.

— Желаете ещё что-нибудь? — спросила жена пекаря снова.

— Да, — сказала Ахонька. — Десять свежих булочек, пожалуйста. Жена пекаря открыла дверь у себя за спиной и прошла в пекарню за магазином. Когда она открыла дверь, Плюка и Ахоньку накрыло тёплой душистой волной от большой пекарской печи.

В пекарне пекарь месил тесто в огромных кастрюлях. Там чудесно пахло тёплым хлебом, но жена пекаря очень быстро вернулась с булочками и закрыла за собой дверь.

Плюк и Ахонька расплатились и вышли на улицу.

— Я их видела! — воскликнула Ахонька, как только они оказались за дверью.

— Что? Яйца Лины?

— Я увидела там миску с яйцами, — объяснила Ахонька. — Рядом с печкой. Ты не заметил?

— Нет, — сказал Плюк. — А это правда были яйца чайки?

— Наверняка, — решила Ахонька. — Они были слишком маленькие для куриных яиц. Ах, Плюк, что нам делать? Как нам их оттуда достать? У тебя не получится незаметно вынести миску? Там есть дверь, она ведёт сразу в пекарню. Сможешь?

— Но ведь пекарь всё время стоит у печи, — сказал Плюк. — Я же не могу стащить яйца прямо у него из-под носа?

И тут они услышали целый хор взволнованных голосов, которые кричали:

— Плюк! Ахонька! Ау!

Это были Топотунчики и их папа. Они решили пойти в городок на случай, если понадобится их помощь.

— У вас получилось? — спросил папа Топотушкин.

— Нет, — мрачно ответил Плюк.

— Но яйца там! — закричала Ахонька. — Я сама видела! В пекарне!

— Ты уверена? — спросил папа Топотушкин.

— Нет, — ответила Ахонька. — Я не уверена. Но я почти уверена.

— Значит, нам надо что-то придумать, — сказал папа Топотушкин. — Давайте сядем тут на ступеньке и подумаем.

Думали они очень долго, но так ничего и не придумали.

— Смотрите, там Карл! Он сидит на летней эстраде! — крикнул Плюк.

— Да, он летел вместе с нами, — сказал папа Топотушкин.

— Я знаю! — воскликнул старший Топотунчик. — Мы устроим концерт там, на сцене. Тогда все придут нас послушать. И пекарь с женой тоже!

— Превосходно! — закричал папа Топотушкин. — А Плюк с Ахонькой смогут незаметно пробраться в пекарню! Но только у нас с собой всего лишь одна труба. Как можно давать концерт с одной-единственной трубой?

— Будем петь! — сказал старший Топотунчик. — Все песенки, которые мы знаем.

И семейство Топотушкиных отправилось на сцену.

Топотунчик, у которого с собой оказалась труба, начал трубить. Получилось очень громко и очень весело. Несколько прохожих сразу остановились послушать.

Тут все остальные Топотунчики запели. Пели они просто здорово. Они пели песенку про трёх весёлых карапузов. А труба им подыгрывала.

По всей улице стали открываться двери, и люди выходили на улицу. Мясник оставил свою лавку. И бакалейщик тоже.

Когда песенка закончилась, Топотунчики запели новую. Когда они пели третью песенку, на улицу наконец-то вышли пекарь и его жена.

Концерт продолжался. Зрителям очень нравилось. В субботу утром вдруг такой концерт на летней эстраде. Вот так сюрприз!

А Плюк и Ахонька тем временем очень осторожно пробрались через чёрный ход в пекарню. Так и есть! В миске лежали шесть маленьких яиц. Ой, нет, их было пять! Шестым было необычное красивое яичко оранжевого цвета.

Они очень осторожно взяли миску и по узеньким переулкам незаметно вернулись к подъёмному крану Плюка. Ахонька держала миску на коленках.

Пока Топотушкины пели и играли для довольных зрителей, Плюк на огромной скорости мчался обратно в домик на пляже.

Ахонька поставила миску с яйцами на пол, и они с Плюком открыли дверцу шкафа.

Вопя от ярости, оттуда вылетела Лина. Но тут она увидела яйца!

— Мои детки! — закричала она. — Мои милые яички! Они ещё живы? Они не остыли?

— Они всё это время лежали у печки, — сказала Ахонька. — Так что они ещё тёплые.

Лина немедленно уселась на миску с яйцами, но сначала ловко откатила клювом оранжевое яичко.

— Почему ты его выбрасываешь? — возмутилась Ахонька. — Ну-ка, немедленно начинай его высиживать!

— Это не моё, — сказала Лина. — Это же яйцо кукушки. Морской кукушки! Я не сумасшедшая! Чтобы я высиживала птенца морской кукушки!

Тут как раз вернулись Топотушкины. Они сразу стали кричать от радости, когда увидели, что Лина сидит на миске.

— Ура! Получилось! Получилось! — кричали они. — А нам дали большой пакет конфет! За то, что мы так хорошо пели.

Карл с деревянной ногой, который тоже летал в городок и сейчас вернулся назад, пришёл взглянуть на Лину и пообещал ей:

— Я поймаю для тебя вкусную рыбку, сестрица!

А про оранжевое яйцо все забыли. Кроме Ахоньки. Она подняла его и осторожно завернула в шерстяной платок. А потом положила на кухне в тёплое местечко у газовой плиты. «Может, птенчик ещё вылупится... — подумала она. — Я никогда не видела морскую кукушку. Как интересно».

— Ребята, — сказал папа Топотушкин. — Ещё кое-что. Я считаю, что пекарю надо вернуть его миску. И положить в неё шесть обычных куриных яичек. В конце концов, он же должен испечь сдобные печенья.

— Он получит свою миску через три недели! — завопила Лина. — А пока я с места не сдвинусь! Никуда!

— Мы дадим тебе другую миску, — пообещал папа Топотушкин. — Намного красивее.

— Я не хочу никакой другой! Я с неё не сдвинусь! — кричала Лина.

— Оставьте Лину, пусть сидит, — сказал Плюк. — Она ещё не пришла в себя. Завтра мы смастерим для неё красивое гнёздышко. На террасе, на улице.

— Нет! — закричала Лина. — Я не хочу на улицу!

— Ладно-ладно, Лина, — кинулись все успокаивать её. — Сиди себе на здоровье. И не волнуйся! Никто тебя не прогонит.

Плюк возвращается

Чайка Лина высидывала птенцов на террасе. Ей устроили гнездо в большой сковороде с песком. Она терпеливо сидела там и выглядела очень довольной. Время от времени её прилетал навестить Карл, её брат.

— Как дела? — спрашивал Карл. — Удобно тебе сидеть?

— Всё прекрасно, — отвечала Лина. — И сидеть тут просто замечательно.

— Ты ведь сначала высидывала в какой-то миске, — удивился Карл. — В такой большой. Почему ты теперь в сковороде?

— Миску пришлось вернуть пекарю, — сказала Лина. — И её из-под меня вытащили. Я не хотела, но они сказали, так надо. Зато я могла сама выбрать, где мне устроить гнездо. Вот я и выбрала эту сковороду.

— Да-да, — подтвердил папа Топотушкин, который как раз вышел к ним на террасу. — Теперь мы не можем поджарить мясо. Но ничего страшного. А миску мы вернули пекарю и положили в неё шесть куриных яиц. Незаметно поставили у него в магазине.

— А где Плюк? — спросил Карл. — Мне надо кое-что ему передать.

— Он пошёл купаться в море, — сказал папа Топотуншкин. — Вместе с шестью моими Топотунчиками и Ахонькой. Но мне кажется, я уже слышу их голоса. Точно, вон они идут.

Загорелые и проголодавшиеся дети прибежали в дом.

— Привет, Плюк, — сказал Карл. — Я сегодня летал в город. И у Петтэфлета встретил Толстую Долли. Она передавала тебе привет.

— Спасибо, — сказал Плюк. — У неё всё хорошо?

— М-м-м-м... — ответил Карл.

— Что значит «м-м-м-м»? У Долли что-то не так?

— Она спросила, скоро ли ты вернёшься домой. Сказала, там какие-то трудности.

— Что за трудности? Почему?

— Не знаю, — ответил Карл. — Она сказала: «Ему не обязательно срочно ехать домой, но было бы неплохо, если бы он уже потихоньку возвращался».

— Ого, — сказал Плюк. — Тогда я думаю, что поеду прямо сейчас. Все Топотунчики и Ахонька стали кричать:

— Нет! Нет! Останься с нами!

И даже Лина в своей сковородке закричала:

— Не уезжай!

Но Плюк сразу начал собирать вещи.

— Я и так пробыл здесь целую неделю, — сказал он. — Мне хочется домой и посмотреть, как там Заза.

Плюк сел за руль подъёмного крана. Когда он попрощался со всеми и уже собрался уехать, из дома выскочила Ахонька. В руках у неё было что-то, завернутое в шерстяной платок.

— Ты не мог бы взять это с собой? Только осторожно, — попросила она.

— А что это? — спросил Плюк.

— Яйцо морской кукушки. Может, у тебя получится найти кого-нибудь, кто согласится его высидеть.

— Давай, — согласился Плюк. — Я буду очень осторожен.

— И ещё кое-что, — сказала Ахонька. — Письмо для моей мамы. Не мог бы ты его передать?

— А можно, я положу его в почтовый ящик? — спросил Плюк. — Твоя мама не очень меня любит, ты же знаешь. И я её немножко боюсь.

— Тогда положи в почтовый ящик, — согласилась Ахонька.

Потом все Топотунчики и Ахонька долго махали руками и кричали вслед Плюку, который всё-таки поехал домой. Он ехал по зелёным полям и точно знал дорогу. По крайней мере он думал, что знает дорогу. Но через час он подъехал к пересечению трёх дорог. На перекрёстке стоял указатель. И на всех трёх табличках было написано: «Приморск».

— Ой, мамочки, — вздохнул Плюк. — И по какой же дороге мне ехать? Ведь все они ведут назад к морю. Значит, я ехал не в ту сторону. Какую же дорогу выбрать? Хотя какая разница... Они все ведут не туда.

И тут откуда-то слева тихонько раздалось:

— Ту-у-у... Ту-у-у...

Ух ты! Конечно! Ведь в левом кармане у него лежала морская раковина. Шептуля.

Он достал её и прижал к уху.

Сначала был слышен только тихий шум. А потом тоненький голосок Шептули произнёс:

— Фифо тефлифы по тфафе.

Плюк осмотрелся. Справа от него стояли стеклянные теплицы. Значит, Шептуля хотела сказать: «Мимо теплицы по траве».

Плюк осторожно проехал мимо теплиц и поехал дальше по траве. Его машинку ужасно трясло на кочках, и он ехал очень медленно, но уже через полчаса оказался на знакомой дороге.

— Спасибо, Шептуля, — поблагодарил он.

Теперь уже всё было просто. Плюк напрямую добрался до города.

Он поднялся с чемоданчиком в свою комнату в башенке и нашёл Зазу в уголке у шкафа.

— Привет! — сказал Плюк. — Я вернулся. Как дела?

— Привет, — ответила Заза. — Всё в порядке. Но я рада, что ты снова дома.

— Я слышал, у вас тут трудности? — спросил Плюк. — Толстушка Долли просила меня позвать.

— Трудности? — удивилась Заза. — Я ничего не знаю. У меня, по крайней мере, нет никаких трудностей. Разве что яблочная кожура немного подсохла и сморщилась. Это точно.

— У меня в кармане есть яблоко, — сказал Плюк. — Я отдам тебе кожуру. А мне нужно разыскать Долли.

Но как Плюк ни искал, ни звал и ни свистел, Долли нигде не было.

馬

— А я так хотел спросить у неё, не знает ли она кого-нибудь, кто захочет высидеть птенчика из этого яйца. Ведь Долли знает так много птиц.

И тут он вспомнил про госпожу Стужу. Она жила на восьмом этаже Петтэфлета. С господином Стужей. И у них были птицы. Самые разные птички в клетках.

Плюк осторожно взял оранжевое яичко и позвонил в дверь госпожи Стужи.

— Нет ли у вас случайно птицы, которая согласится высидывать чужое яйцо? — спросил он.

Госпожа Стужа взглянула на яйцо и сказала:

— Я боюсь, что на это не согласится ни одна птица.

— Подожди-ка, — сказал господин Стужа. — У меня идея. А что, если мы сами это сделаем?

— Ты собрался три недели сидеть на яйце? — удивилась госпожа Стужа.

— Нет, но ведь у нас на кровати лежит электрическое одеяло! Оно всегда такое тёплое. Если мы положим под него яйцо, а сами пока поспим с краешку?

— Было бы замечательно! — подхватил Плюк. — А я зайду недели через четыре посмотреть, вылупился ли кто-нибудь из яичка. Спасибо вам большое и до свидания!

— Постой, — сказал господин Стужа. — А ты не знаешь ли, чьё это яичко?

— Это яйцо морской кукушки, — сказал Плюк.

— Морской кукушки? — переспросил господин Стужа. — Ерунда. Морских кукушек не бывает.

— Мне так сказали, — растерялся Плюк.

— Ну, ничего страшного, — сказала госпожа Стужа. — В любом случае из него вылупится птичка. Очень интересно! Пока, Плюк!

И Плюк отправился искать Долли. Но её нигде не было.

Голубиный лес

Плюк вернулся с моря. Он снова жил в своей комнате в башенке Петтэфлета. Вот только ему было грустно, что он до сих пор не мог найти Толстушку Долли. А ведь именно голубка просила его вернуться.

— Ты везде искал? — спросила Заза.

— Везде, — сказал Плюк. — На крыше. На улице. И в парке. Я был под дубом, на котором живёт Долли, я звал её и свистел, но всё напрасно, представляешь!

— А ты был в магазине у господина Ручки?

— Конечно. Господин Ручка тоже не знает, куда она подевалась. Он даже заволновался немножко, ведь раньше она почти каждый день пролетала перед его окнами.

— Может, она где-то гостит? — сказала Заза. — У родственников, например.

— У неё нет никаких родственников, — ответил Плюк. — Хотя подожди. Ты подсказала мне идею. Голубиный лес!

Плюк вскочил, взял свою кепку и побежал к двери.

— Эй, ты куда? — спросила Заза. — И что это за Голубиный лес?

— Ты о нём знаешь, — сказал Плюк. — За парком есть небольшой лес. Дикий заброшенный лес.

— Нет, я про него не слышала, — сказала Заза. — Я не хожу по лесам. Тараканы — не лесные животные. Тараканы домашние.

— Ладно, — сказал Плюк. — Я тебе расскажу. Раньше там был сад, очень большой сад с высокими деревьями. Но потом он совсем зарос, кусты стали расти где ни попадя, а пруд превратился в болото с лягушками. На деревьях там живёт много-много

горлиц. Взрослые люди никогда туда не ходят, а дети из Петтэфлета любят играть там в разбойников. Мне там всегда очень нравилось.

— И эти горлицы — родственники Долли? — спросила Заза.

— Верно. Они все её племянницы и племянники. Вот я и пойду посмотреть, нет ли её там. Пока, до скорого!

— А ты не заберёшь то письмо, которое лежит на столе? — спросила Заза.

— Письмо? Ах да, это же письмо от Ахоньки! Для её мамы.

— Значит, ты должен был отнести его гораздо раньше, — заметила Заза.

— Да, — согласился Плюк. — Но знаешь... Я немножко боюсь госпожу Чистотюлину. Так что лучше я положу письмо ей в почтовый ящик.

Плюк стоял у двери госпожи Чистотюлиной и искал, где же у неё почтовый ящик, но тут открылось окошко в двери, и из него высунулась голова госпожи Чистотюлиной.

— Ты кто такой? — спросила она.

— Я Плюк. Я принёс письмо от вашей дочери Ахоньки. Из города Приморск.

— Спасибо. Давай его сюда.

Она взяла письмо, и Плюк уже собрался уходить, но госпожа Чистотюлина вдруг сказала:

— Значит, ты тоже был в домике семьи Топотушкиных?

— Да, — кивнул Плюк. — Там очень хорошо.

— Прекрасно, — сказала госпожа Чистотюлина. — Я прочла, что Ахоньке там очень нравится. И что она останется ещё на пару недель. Это просто прекрасно, потому что я занимаюсь уборкой. Я надеюсь, она не пачкается на море?

— Нет-нет, — ответил Плюк. — Разве можно на море испачкаться?

— Разумеется, можно, — сказала госпожа Чистотюлина. — Там этот грязный песок и эта грязная морская вода. Скажи, а ты уже видел, что творится в парке?

— В парке? Нет, я ничего не видел, — сказал Плюк. — А что там творится?

— Голубиный лес скоро вырубят, — радостно сообщила госпожа Чистотюлина.

— Вырубят?

— Да, все деревья до единого. Выкорчуют все кусты, повыве́ривают сорняки, да и вообще все растения. И положат там чудесную тротуарную плитку. И Голубиный лес теперь будет называться «Площадь с плиточками». А в середине аккуратная клумба.

Плюк ужасно испугался. Голубино́го леса больше не будет... И прекрасных деревьев!

— Ты видел сарай у входа в парк? — спросила госпожа Чистотюлина.

— Я видел там какой-то деревянный домик, — сказал Плюк.

— Это сарайчик Инспектора парка. Он и занимается тем, чтобы всё безобразие убрали. Чтобы этот дикий лес исчез. Сходи сам посмотри. И спасибо за письмо.

Плюк сразу побежал в парк. У входа стоял деревянный домик, и Плюк заглянул туда через приоткрытую дверь.

За столом, заваленным бумагами, сидел Инспектор парка и разговаривал по телефону. Значит, это здесь он строил планы уничтожения такого красивого леса.

Грустный Плюк пошёл дальше в парк. За огромным дубом началась извилистая тропинка, почти вся заросшая высокой травой и сорняками и заваленная ветками. Она вела в Голубиный лес.

Плюк пробирался через кусты и размышлял: «Теперь я понимаю, почему Долли просила меня позвать. Она, конечно, тоже услышала эту новость. Надеюсь, я найду её здесь».

Он оказался на полянке между деревьями. Листья в Голубином лесу шелестели от ветра. Здесь росли мох и папоротники. Здесь жили сверчки и пчёлы, над головой у Плюка пели птички, но Долли видно не было.

Тут было так тихо и красиво. И это всё исчезнет! Только представить себе, что здесь будут плитка и гравий...

Плюк хотел присесть на траву, но тут услышал внизу испуганный голосок:

— Эй, осторожней!

Плюк тут же подскочил и посмотрел вниз. Перед ним стояла мышка. Лесная мышка с глазами-бусинками и дрожащими усами.

— Ты чуть не сел на моё семейство, — сердито сказала она.

— Простите, — извинился Плюк. — Я, честное слово, вас не видел. А где ваше семейство?

— Здесь, — сказала мышь. — Рядом с корнем дерева.

Плюк нагнулся и присмотрелся. Среди опавших листьев в траве было гнездо с мышиним семейством. Там сидели семь маленьких голых мышат и мышка-мама.

— Какие милые, — сказал Плюк.

— Конечно, милые, — сказал мышка-папа. — А ты чуть на них не уселся!

— Теперь я буду осторожнее, — пообещал Плюк.

— Ладно, — кивнула мышка. — Но раз уж ты пришёл, то расскажи нам, правда ли, что лес хотят вырубить. Пожалуйста, скажи, что это неправда!

— Я очень боюсь, что это правда, — вздохнул Плюк.

— И куда же нам деваться? — спросил мышка-папа. — Где мне теперь жить, когда у меня жена и семеро детей? Они же ещё совсем лысые!

— Я не знаю, — вздохнул Плюк. — Если понадобится, я могу помочь вам с переездом.

— С переездом? — завопила мышь. — Куда?

Но в этот момент с неба захлопали крылья, и на траву спустилось что-то белое. Это была голубка Долли.

— Ты уже слышал? — закричала она. — Мы должны что-то придумать! Этого нельзя допустить!

Инспектор парка

В Голубином лесу состоялось собрание. В середине сидел Плюк, а вокруг него расселись голубка Долли, мышка-папа и три лесных голубя, племянники Долли. Кроме них, пришли ещё один ёжик и ужасно перепуганный заяц.

— Рассказывай скорей, — торопила Долли. — Когда они хотят начать? Когда вырубят лес?

— Я, честное слово, не знаю, — сказал Плюк. — Я только слышал от госпожи Чистотюлиной, что Голубиный лес хотят вырубить. А ещё я знаю, что Инспектор парка сидит в деревянном домике у входа в парк. У него там целая куча разных бумаг, планы и чертежи. В них, наверное, всё и написано.

— Ой, — воскликнул испуганный заяц. — Я что-то слышу!

Все звери тоже испугались и стали озираться по сторонам. Плюк вскочил и оглянулся. Но ничего не увидел. Слышно было только сверчков.

— Что ты услышал? — спросила Долли.

— Ничего... наверное... — сказал испуганный заяц. — Я просто ужасно нервничаю. И мне всё время кажется, что я что-то слышу.

— Не надо нас пугать ещё больше, мы и так боимся, — заворчал

мышка-папа. — Пока что мы ещё в безопасности. А ты не мог бы поговорить с Инспектором, Плюк?

— Вот-вот, — подхватил ёжик. — И постарайся не пустить его сюда, в Голубиный лес.

— Но как мне это сделать? — спросил Плюк. — Я не знаю.

— Ты ведь такой большой и сильный, — сказал ёжик.

— Да-да! — подхватили все остальные. — Плюк большой и сильный. Он сможет помешать Инспектору.

— Чепуха! — сказал Плюк. — Инспектор гораздо больше и намного сильнее меня. Нет, мы должны что-нибудь придумать. Только я не знаю, что.

— Давайте все вместе подумаем, — предложил один из лесных голубей.

Все сидевшие в кругу замолчали и стали думать. Вдруг заяц завопил:

— Помогите!

И в воздух взлетела напуганная утка.

— Что такое? Что случилось? — разволновались все и опять стали озираться по сторонам, но ничего не увидели.

— Мне показалось, я что-то увидел, — пробормотал заяц.

Но ему действительно показалось.

— Прекрати немедленно! — закричал Плюк, который испугался больше всех.

Он встал и начал взволнованно ходить туда-сюда, чтобы лучше думалось.

— Осторожней! Осторожней! Ты наступишь в болото! — воскликнула Долли.

Плюк вовремя отступил назад. Болотом оказалась зелёная, совершенно заросшая тиной лужа, и если не обратить внимания, можно было и не заметить, что там вода.

— Знаете что, — сказал Плюк. — Я схожу к Инспектору парка. И попрошу его оставить Голубиный лес в покое.

— Правильно! Так и надо! Ура! — закричали все.

И вот уже через десять минут Плюк заходил в домик Инспектора.

Инспектор парка как раз чертил чернилами большой план. Это был план Голубиногo леса. Инспектор рисовал, как всё там будет выглядеть.

Когда Плюк зашёл, он спросил:

— Ты что, не мог постучаться?

— Дверь была открыта, — объяснил Плюк.

— Всё равно надо было сначала постучаться, — сказал Инспектор. — Ну, рассказывай, чего тебе надо.

— Я слышал, что Голубиный лес хотят вырубить, — сказал Плюк.

— Так и есть, — кивнул Инспектор и потёр руки. — Это будет великолепно. Взгляни на этот рисунок. Подойди сюда, я тебе покажу.

Плюк подошёл к столу, и Инспектор стал показывать пальцем на плане.

— Смотри, — сказал он. — Вот это ужасное болото полностью зальют бетоном. А вокруг него везде положат плитку. Все деревья срубят, и получится большая площадь, аккуратненько выложенная плиткой. Вот здесь, — он показал большим пальцем, — будет парковка для машин, тоже выложенная плиткой. А вот тут будет дорожка из гравия. А здесь две бетонные скамейки, чтобы можно было на них посидеть. Ну, а здесь — вот видишь этот кружок? — здесь будет цветник, а вокруг него железная ограда.

— Какой ужас! — закричал Плюк.

Инспектор парка даже раскрыл рот.

— Что ты сказал? — спросил он.

— Я имел в виду... — стал запинаться Плюк. — Я имел в виду, что это просто ужасно, что такие прекрасные деревья исчезнут. И вся зелень. Там так чудесно и так тихо.

— Ну, ведь там и дальше будет тихо, — сказал Инспектор. — Мы повесим большие таблички с надписью: «ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ШУМИТЕ». И каждый, кто захочет, сможет посидеть и подремать на бетонной скамейке. А один раз в год, на второй день Пасхи, всем детям разрешат покататься на роликах. Разве не замечательно? Ну, что скажешь?

Плюк собрал всё своё мужество и сказал:

— Господин Инспектор парка, на самом деле я пришёл попросить вас оставить этот лес в покое. То есть таким, какой он сейчас. Вы знаете, ведь там живёт очень много зверей.

— Зверей? — переспросил Инспектор. — Я никогда не видел там зверей. Что за звери?

— Птицы, — сказал Плюк. — А ещё сверчки и лягушки.

Инспектор посмотрел на него очень удивлённо.

— Ну? И что? — спросил он.

— А ещё там, к примеру, живёт семейство мышек, — сказал Плюк. — Мышка-папа, мышка-мама и семеро маленьких мышат.

И тут Инспектор парка стал так громко хохотать, что деревянный домик даже затрясся.

— Ха-ха-ха! — гремел он. — Мышки! И что же, мне теперь порвать мой чудесный план? Потому что там живут мышки? Ха-ха-ха!

Плюк разозлился.

— Это вовсе не смешно, — сердито сказал он. — Кроме мышей, там есть ещё ёжики с ежатами. И зайцы. И целая стая лесных голубей. И ещё много других животных. Вы хотя бы видели, как там красиво?

— Красиво? — сказал Инспектор. — Там всё ужасно запущено. Нет, мой мальчик, мне очень жаль, но поделать ничего нельзя.

Послезавтра приедет бульдозер. И принесут электрическую пилу, чтобы спилить деревья. Обидно за твоих мышек.

После этих слов Инспектор снова расхохотался.

— Значит... всё начнётся послезавтра? — спросил Плюк.

— Да, дружок. И ты сам убедишься, какая там будет красота. А я попозже схожу в Голубиный лес. Я должен проверить, правильно ли я всё нарисовал. И мне ещё нужно кое-что измерить. Так что до свидания!

Очень расстроенный, Плюк вышел из деревянного домика.

Когда он вернулся в Голубиный лес, все ждали его у болотца.

— Ну как? Как всё прошло?

— Очень плохо, — признался Плюк. — Послезавтра всё начнётся.

— А ты рассказал ему, что здесь живёт очень много разных зверей? И их детёныши?

— Я всё ему сказал, но он только смеялся.

— Какой гадкий человек!

— Какой подлый тип! — закричал мышка-папа.

— Скоро он придёт сюда сам, — сказал Плюк. — Он сказал, ему ещё надо что-то измерить.

Баллончик с ядом

Инспектор поставил свою машину у ручья в парке. Он закрыл дверь и пошёл по извилистой тропинке в Голубиный лес. В одной руке он нёс большой лист бумаги, в другой — линейку. Согнувшись и пыхтя от напряжения, он пробирался сквозь спутанные ветки кустарника. Идти быстро у него никак не получалось, потому что вся дорожка заросла колючками. А Инспектор парка был толстый.

И вот наконец он добрался до полянки у лягушачьего болота посередине Голубинового леса.

Стояла мёртвая тишина. Ни одна птичка не пела, сверчки молчали, и даже лягушата не издавали ни звука. Как будто все звери убежали отсюда, но это было не так. Они просто спрятались.

За густым кустом прятались Плюк и Долли. С ними сидели ещё три лесных голубя, племянники Долли, мышка-папа и перепуганный заяц, который всё время подскакивал так, что листья начинали шелестеть.

— Ну-ка, сиди тихо! — зашептала Долли. — И ты, Плюк, перестань ёрзать.

— А зачем нам сидеть так тихо? — спросил Плюк. — И почему спрятались все звери?

— Чш-ш-ш... — зашипела Долли.

— Он ведь пришёл только посмотреть, — продолжал Плюк. — Он ничего не сделает.

— Чш-ш-ш... Смотри, — велела Долли. — Сейчас что-то будет.

— Что?

— Сам увидишь.

Инспектор парка стоял и довольно осматривался по сторонам. Весь этот лес исчезнет. Деревья и кусты — ничего больше не

будет. На их месте появится аккуратная площадь, вся выложенная тротуарными плитками. Он стал внимательно смотреть на лист бумаги. Это был его чертёж, тот самый план, на котором всё было обозначено кружочками и стрелками. Вот здесь будет дорожка из гравия, а там бетонные скамейки, всё совпадало, но нужно было ещё кое-что измерить.

— Ничего не происходит, — прошептал Плюк.

— Подожди, — сказала Долли. — Пусть он только подойдёт к кусту бузины.

— И что тогда?

Долли промолчала. Но тут заговорил мышка-папа.

— Пчёлы... — сказал он. — За тем кустом пчелиный улей, помнишь?

— Мы договорились с пчёлами, что они нападут... — сказал один из лесных голубей.

И тут Инспектор как раз прошёл мимо бузины.

Сначала появились только две сердитые пчелы и пронеслись у него над головой. Инспектор стал отмахиваться планом, но вдруг вокруг него оказалось уже сто огромных, свирепо жужжащих коричневых пчёл.

Инспектор остановился. Он стал отбиваться от пчёл линейкой, размахивать планом и тихонько ругаться, пока его не ужалили прямо в нос. Тогда он громко завопил и помчался из леса по извилистой тропинке. Ему приходилось закрываться от веток и одновременно отмахиваться от целого роя. Пчёл стало уже гораздо больше сотни, они угрожающе преследовали его и жужжали, пока он не добрался до своей машины, совсем запыхавшись, плюхнулся за руль и закрыл все окошки.

В Голубином лесу уже не было тихо. Птицы распевали изо всех сил, горлицы ворковали, сверчки стрекотали, а лягушки в болоте подняли страшный шум.

— Получилось! — кричала Долли, хлопая крыльями. — Он ушёл!

— Ушёл навсегда! — ликовал мышка-папа. — Он больше не осмелится сюда вернуться.

Единственным, кто не радовался, был Плюк.

— Почему ты встал? Куда ты собрался? — спросила Долли.

— Я пойду посоветоваться с господином Ручкой, — сказал Плюк. — Мне совсем не кажется, что ваша затея помогла. Пчёлы не могли прогнать его навсегда. Он вернётся с рабочими на бульдозере, вот посмотрите!

И пока весь Голубиный лес праздновал победу, Плюк на своём подъёмном кране отправился в парк к Инспектору.

Он был уже на половине пути, когда заметил на обочине какую-то даму. Это оказалась госпожа Чистотюлина, и она вдруг остановила его.

— Не мог бы ты меня подвезти? — попросила она. — Я ужасно спешу домой.

— Конечно, — сказал Плюк. — Садитесь, пожалуйста.

Он высадил её у самого входа в Петтэфлет, и, выходя из машины, госпожа Чистотюлина сказала:

— Дело в том, что мне как можно скорее нужен мой баллончик с ядом. Инспектора парка в Голубином лесу покусали пчёлы. Я их проучу!

Плюк не успел ничего ответить, как она уже скрылась за дверь.

— Какой кошмар, — пробормотал Плюк и на огромной скорости помчался назад в Голубиный лес предупредить своих друзей. И самое главное — предупредить об опасности всех насекомых!

К счастью, госпожа Чистотюлина появилась ещё не скоро.

Сначала она забрала из дома свой баллончик, потом ей пришлось с трудом продираться через кусты, и когда она наконец добралась до полянки у болота, там снова было тихо и не было видно ни души. Бабочки, сверчки и жуки, все, кто умел летать, осы, пчёлы и божьи коровки, все улетели далеко-далеко. А муравьи, червяки и пауки спрятались в норки глубоко под землёй.

Никого не осталось.

Но нет! Высоко над лягушачьим болотом в воздухе танцевала одна большая пчела.

— Негодяйка! — завопила госпожа Чистотюлина. — Ну, подожди, я тебе!

Она сделала три больших шага, но тут — плямс! — свалилась прямо в болото! Из-за ряски и травы болото казалось просто безобидной лужайкой, неудивительно, что она не заметила его.

Госпожа Чистотюлина повалилась прямо вниз лицом, грязные брызги полетели во все стороны, лягушата, громко квакая, поскакали прочь. Тяжело дыша и отплёвываясь, госпожа Чистотюлина выбралась на твёрдую землю.

Баллончик с ядом остался в болоте.

Плюк с Долли и остальные звери прятались за кустами и деревьями. Они видели, что случилось, и только Плюк пожалел бедную госпожу Чистотюлину.

— Может, мне поехать за ней? — сказал он. — Подвезти её домой?

— Не надо, — сказала Долли. — Она наверняка придёт в ярость, как только тебя увидит.

А госпожа Чистотюлина тем временем направлялась к Петтэфлету. Она пронеслась через парк, мокрая и зелёная. На шляпе у неё повис букетик кувшинок, и вся она была похожа на большую зелёную мокрую жабу.

Через вестибюль Петтэфлета она прошла, оставляя за собой на красивом мраморном полу большие зелёные следы. Швейцар, разумеется, немедленно её задержал. Он, конечно, не узнал госпожу Чистотюлину и сердито крикнул:

— Это что ещё такое?

— Пропустите меня! — завопила госпожа Чистотюлина. — Мне надо в лифт.

— Наш лифт не для лягушек, — собирался сказать швейцар, но тут госпожа Чистотюлина стёрла с лица зелёную тину, и он её узнал.

— Боже милостивый! Простите меня, госпожа Чистотюлина! Что с вами произошло? — испуганно закричал швейцар.

Но она уже не слышала его и зашла в лифт.

В лифте стояли три дамы и один господин, и когда к ним зашла госпожа Чистотюлина, они немедленно забились в угол, чтобы она их не испачкала.

Молча они поднялись на лифте наверх. И когда госпожа Чистотюлина вышла на своём этаже, три дамы одновременно спросили у господина:

— Это ведь была госпожа Чистотюлина?

— Совершенно верно, — кивнул он.

— Как же это возможно? — удивились дамы. — Она всегда такая аккуратная! Только посмотрите, на полу теперь настоящее болото...

Как Долли кое-что сделала

В книжном магазинчике Плюк и Долли разговаривали с господином Ручкой. Все трое были очень расстроены. И в этом не было ничего удивительного.

— Значит, в парк уже приехал бульдозер? — спросил господин Ручка.

— Огромный бульдозер, — кивнул Плюк.

— И машина с лесопилкой, — добавила Долли.

— И привезли целую кучу плитки... — мрачно сказал Плюк. — И гору гравия. И всё это лежит прямо у тропинки в Голубиный лес.

— Ты не знаешь, когда они собираются начать? — спросил господин Ручка.

— Понятия не имею, — ответил Плюк.

— Они уже что-нибудь делали?

— Нет, мы не видели рабочих. Только эти громадные машины.

— А мы так радовались, — пожаловалась голубка Долли. — Мы думали, что Инспектора прогнали пчёлы и он никогда теперь не вернётся. Во всём лесу был праздник. Мы думали, план Инспектора провалился. Но он всё равно делает по-своему.

— Я знал, что это не поможет, — сказал Плюк. — Люди сильнее пчёл и птиц. Вы не можете что-нибудь придумать, господин Ручка?

— Я уже несколько дней думаю, — сказал господин Ручка. — А вчера я разговаривал с Инспектором парка у него в конторе.

— И это, конечно, тоже не помогло? — спросил Плюк.

— Нет. Я сказал, что мне очень жалко эти прекрасные деревья. И разве можно уничтожать часть живой природы! Но он возразил, что плитка красивее сорняков.

— А вы не сказали ему, что в лесу живёт очень много зверей? — закричала Долли. — Что там живёт мышинное семейство с маленькими детьми? Что лесные голуби потеряют свои гнёзда, а лягушки останутся бездомными без своего болота?

— Эх... — вздохнул Плюк. — Об этом я ему уже говорил. Но он только смеялся. Ему смешно, что можно беспокоиться о судьбе мышей.

— Его интересует только его «прекрасный план», — добавил господин Ручка. — Он сидит в своей конторе в деревянном домике и рисует кружочки и чёрточки на чертеже. На чертеже Голубинога леса, который превратится в площадь, выложенную тротуарными плитками.

— Откройте дверь, мне нужно на улицу, — вдруг попросила Долли.

Плюк открыл ей дверь.

— Что ты собралась делать? — спросил она, но голубка уже улетела.

Господин Ручка сидел и думал, обхватив руками голову.

— Я придумал! — воскликнул он, и глаза его снова повеселели.

— Что же? Ну что? — спросил Плюк.

— Да нет, всё-таки нет, — сказал господин Ручка. — Уже слишком поздно. У нас нет времени.

— Но что вы придумали?

— Эх, нет, — вздохнул господин Ручка. — Там уже стоит бульдозер и всё остальное. Они, конечно, начнут завтра утром.

— А что вы хотели сделать? — спросил Плюк.

— У меня есть один друг, — рассказал господин Ручка. — Очень хороший друг, который точно согласился бы нам помочь.

— Вы можете ему позвонить?

— Нет, у него нет телефона.

— А я не могу к нему съездить? — спросил Плюк. — У меня же есть машина.

— Это слишком далеко, — объяснил господин Ручка. — В другом городе.

— Но я ведь могу доехать и до другого города, — сказал Плюк.

— Это целый день пути, — мрачно сказал господин Ручка. — А потом ещё целый следующий день на обратную дорогу. Это как минимум, ведь твоя машинка не очень быстро ездит. Слишком поздно!

— Но я могу хотя бы попытаться! — закричал Плюк. — Может быть, мы ещё успеем.

Он замолчал. Тут дверь магазина открылась, и на пороге появился Инспектор, который размахивал какой-то бумагой. Он был вне себя. Он был просто в ярости.

— Мне срочно нужен большой лист бумаги в клетку! — закричал он.

— Конечно, к вашим услугам, — вежливо сказал господин Ручка. — Присядьте, пожалуйста, я покажу вам, какая бумага у нас есть.

— Это безобразие! — бушевал сердитый Инспектор.

— У вас что-то случилось? — спросил Плюк.

— Случилось ли у меня что-то? Это уж точно! Вы только посмотрите! Только посмотрите на мой план, над которым я работал несколько месяцев. Чертёж нового Голубиново лес. Он совершенно испорчен!

И положил чертёж на прилавок. Он действительно был очень грязным. Ужасно грязным и противным! И пахло от него отвратительно.

— Ох, — поморщился господин Ручка. — Как же это случилось?

— Голубы! — завопил Инспектор. — Вы когда-нибудь такое слышали? Сажу я себе спокойно в конторе. В деревянном домике у входа в парк, вы ведь знаете. Так вот, я старательно и сосредоточенно работаю над моим планом, и что вы думаете? Вдруг прямо в домик влетает голубы! Ну, представьте себе!

— Да что вы, — сказал господин Ручка и удивлённо покачал головой.

— Эта мерзкая птица летит напрямик к письменному столу, — продолжал Инспектор. — И что, вы думаете, она делает? Она... хм... — Тут он вовремя сдержался. — Пардон, — сказал он. — Я чуть не сказал неприличного слова. Но вы, вероятно, меня поняли, господин Ручка.

— Я вас понял, — кивнул господин Ручка. — И к тому же я и сам вижу, что именно сделала эта птица. Так вам теперь придётся начать сначала?

— Ну нет, — сказал Инспектор. — Не настолько всё страшно. Хотя два дня у меня это наверняка займёт. Мы должны были начать завтра утром. Бульдозер уже приехал. И всё остальное готово. Но теперь придётся начать на два дня позже. Так у вас есть бумага или нет? Где она?

— Мне ужасно жаль, — вежливо сказал господин Ручка. — К несчастью, вся бумага в клетку уже продана. Ничего не осталось.

— Этого только не хватало, — пробурчал Инспектор. — Теперь мне придётся ехать в центр города искать подходящую бумагу.

Сердито бормоча, он вышел из магазина.

Господин Ручка и Плюк посмотрели друг на друга.

— Долли отлично придумала, — похвалил господин Ручка.

— Просто здорово, — обрадовался Плюк. — Два дня в запасе! Теперь я могу ехать! К вашему другу! Как его зовут? И какой точный адрес?

— Тебе нужно на другую сторону Туманной реки, — сказал господин Ручка. — Ты должен переплыть её на большом пароме. А потом ехать всё время на восток.

— А как зовут этого господина?

— Он не то чтобы господин... — сказал господин Ручка. — Он задворник.

— Какое странное слово, — сказал Плюк. — Я всегда думал, что надо говорить «затворник», с буквой «т».

— А это задворник, — сказал господин Ручка. — И где точно он живёт, я не знаю. Потому что он всегда скрывается на каких-то задворках.

Тут в магазин влетела Долли.

— Ну, как я всё сделала? — гордо закричала она.

— Превосходно, — похвалил господин Ручка. — Как тебе удалось! И так много!

Паром

Рано-рано утром Плюк отправился в путь на юг, к Туманной реке. Ему надо было попасть на другой берег реки. Именно там жил задворник.

Дорога предстояла очень долгая, и Плюк взял с собой двадцать четыре бутерброда, два пакета молока и большую упаковку с конфетами. Господин Ручка подробно рассказал ему, как нужно ехать.

— Не выезжай на большое шоссе, — сказал он. — Там слишком много машин, и к тому же ты гораздо быстрее доберёшься по просёлочным дорогам. Будь осторожен, смотри на дорогу и не гони слишком!

Плюк не разгонялся слишком быстро, но он всё же очень торопился, времени у него было не так много. Всего лишь два дня. Сегодня вторник, а уже в четверг утром начнут вырубать лес. Рабочие на бульдозере уничтожат Голубиный лес. Они срубят деревья, прогонят птиц, убьют маленьких мышат, и от леса ничего не останется.

— Единственный, кто сможет нам помочь, это задворник, — сказал господин Ручка.

Стояла прекрасная летняя погода, и на просёлочных дорогах почти не было машин. В левом кармане брюк у Плюка лежала раковина, Шептуля. От этого он чувствовал себя намного уверенней, — Шептуля могла показать дорогу, если бы он заблудился. Но пока ему всё было понятно, он знал, как ехать, и даже успел съесть четыре бутерброда с арахисовым маслом.

Но тут начались неприятности. Спустился густой туман. Хотя вначале это были маленькие облачка над полями.

ПАРОМ 2 КМ

А потом туман становился всё гуще и гуще. Плюк не останавливался, но ему пришлось ехать намного медленнее, потому что он мог видеть только маленький кусочек дороги.

«Если так будет продолжаться, то я не доеду и за два дня, — грустно подумал он. — Скоро полдень, а я почти не двигаюсь».

Тут он подъехал к указателю. Туман был такой густой, что Плюку пришлось подъехать совсем близко, чтобы разобрать надпись.

«ПАРОМ 2 км» — было написано на указателе.

Плюк облегчённо вздохнул. Два километра — это недалеко. «Я почти у реки, почти у парома. Будем надеяться, что паром сейчас там и он не отплывёт прямо у меня перед носом».

Плюк разогнался так быстро, как только мог. И уже через несколько минут он увидел прямо перед собой в сером тумане что-то очень большое. Это наверняка был паром.

Но там не было ни других машин, ни велосипедов, ни мотоциклов. Даже ни одного пешехода, который хотел бы ехать на пароме.

Плюк вышел из машины и пошёл к парому. Теперь он разглядел реку, по крайней мере её маленький кусочек. А на реке стояло огромное судно — паром.

Он был совсем пустой. На нём никого не было. Хотя нет, где-то наверху на нём работал какой-то человек.

— Здравствуйте! — закричал Плюк.

Человек посмотрел вниз.

— Когда отправляется паром? — крикнул Плюк.

Человек покачал головой.

— Он не отправится, — сказал он. — Туман.

Паром не ходит из-за тумана... Ну конечно, Плюк мог бы догадаться и раньше. Что же тут непонятного, — паромы не ходят в таком густом тумане.

Но что теперь делать? Как попасть на другой берег? Подождать, пока туман не рассеется? Но так можно потерять целый день.

Плюк посмотрел, как плещется в реке вода, и ему в голову даже пришла мысль переплыть реку. Он ведь очень хорошо умел плавать. Но нет, это, конечно, была глупая мысль. Разве можно переплыть такую широкую реку, ведь тебя тут же утащит течение.

И тут Плюк услышал в левом кармане:

— Ту-у-у... Ту-у-у...

Шептуля!

Он достал из кармана раковину и приложил к уху.

— Повефни нафефо, — сказала раковина. — Мефду дфумя дофиками.

— Между теми двумя домиками?

— Пфафильно.

Плюк сел за руль и проехал между двумя домиками. Дорога была вся в кочках, и Плюку показалось, что он уезжает от реки в сторону.

— Ты точно знаешь, Шептуля? — спросил он. — Я всё дальше и дальше от реки.

— Я нифофда не офибаюшь, — сказала раковина.

Плюку показалось, что этой тропинке с кочками никогда не будет конца, но вдруг он увидел камыши. Высокие камыши. Тропинка снова шла вдоль реки.

— Штоп, — сказала раковина. — Шдефь пефепфава.

— Здесь что? Переправа?

Плюк вышел из машинки и стал пробираться через камыши, чтобы посмотреть, нет ли там лодки. Но там ничего не было.

— Здесь ничего нет, — сказал Плюк, прижимая к уху раковину. — Ни парома, ни паромщика, ни лодочки, никакой переправы.

— Долфна фыть, — сказала раковина.

Плюк решил немного пройти вдоль реки пешком.

Туман всё ещё был таким густым, что видеть можно было не больше, чем на метр вперёд. И вдруг он оказался у большого плавучего дома, который даже не заметил сначала. К двери вёл небольшой мостик. Плюк постучался. Дверь открыла какая-то женщина и спросила, что ему нужно.

— Здесь должен быть паром, — сказал Плюк. — Чтобы перебраться на другой берег. Мне очень надо туда.

— Тогда вам нужно на большой паром, молодой человек, — сказала женщина.

— Он не ходит, — объяснил Плюк. — Из-за тумана. Но я слышал, что тут есть ещё маленький паром. Или паромщик с лодкой.

— Нет, — покачала головой женщина. — Ничего такого нет. Может, раньше кто-то и был, но теперь нет.

И она закрыла дверь.

Расстроенный Плюк вернулся к своей машинке. Он сел за руль и задумался. Что же теперь делать? Никакого парома не было,

и Плюк вдруг ужасно рассердился на Шептулю, которая так его подвела. Она его запутала!

Он вытащил раковину из кармана и с упрёком сказал:

— Ты меня обманула! Здесь никакого парома нет!

Раковина немного пошелестела, а потом тихонько сказала:

— Ифвини...

Плюк убрал её в карман. Что толку в раковине, которая подсказывала дорогу неправильно? А потом говорила «извини», если ошиблась?

— Придётся ждать, пока туман не рассеется, — решил Плюк. — Ничего другого не остаётся.

И он достал новый пакет бутербродов. С колбасой.

Старый рыбак

Плюк сидел в своей машинке в тумане на узкой дорожке у реки. Было уже далеко за полдень, но туман, судя по всему, вовсе не собирался рассеиваться.

— Лучше мне вернуться к большому парому, — сказал Плюк сам себе. — И подождать, пока он снова не начнёт ходить.

Немного повозившись, он развернул подъёмный кран и уже собирался уехать, но тут услышал, что камыш вдоль реки вдруг зашелестел.

Может, чья-то лодка?

Плюк вышел из машины и раздвинул высокие стебли камышей.

У воды рыбачил какой-то человек. Старичок в тумане.

— Вы случайно не знаете, нет ли здесь парома? — спросил Плюк.

— Парома?

— Ну да, который ходит туда-сюда, — объяснил Плюк. — Паром. Переправа. Мне нужно на другой берег.

— Там, дальше, есть большой паром, — показал старый рыбак.

— Я знаю. Но он не ходит в туман. А мне сказали, что здесь где-то есть другой паромщик.

— Кто сказал? — спросил старик.

Плюк замолчал и немного смутился. Он хотел было сказать: «Мне рассказала моя Шептуля». Но кто поверит в историю про раковину, которая умеет показывать дорогу?

Поэтому Плюк пожал плечами и сказал:

— Ну... просто... я слышал, так говорили. Но они, наверное, ошиблись. Благодарю вас.

Он уже хотел вернуться к своей машинке, но старый рыбак поманил его к себе. Когда Плюк подошёл совсем близко, он шепнул ему на ухо:

— Тут есть лодка, которая ходит через реку.

— Здесь?

— Там, — показал старик.

В нескольких метрах от них Плюк увидел мостки. Почти развалившийся старый деревянный настил.

— Но я не вижу там лодки, — сказал Плюк. — Может, она ещё приплывёт?

Старик посмотрел на него немного испуганно.

— Я бы не советовал тебе плыть на этой лодке, — сказал он.

Он говорил шёпотом, как будто боялся, что их могут услышать. Хотя поблизости не было ни души, только они вдвоём в сером тумане у большой реки.

— Почему? Она что, протекает? — спросил Плюк.

— Она не протекает.

— А я помещусь туда с подъёмным краном? На том берегу мне ещё далеко ехать.

— Твоя машина поместится, — сказал рыбак. — Не в этом дело. Но я бы всё равно на ней не поплыл.

— Почему же мне не надо на ней плыть?

У Плюка уже кончалось терпение. Он торопился, и больше всего ему хотелось перебраться через реку. А старик сказал, что это может получиться.

— Может, мне надо позвать паромщика? — спросил Плюк.

— Да, — кивнул старик. — Конечно, ты можешь его позвать.

— Надо просто кричать на тот берег? — спросил Плюк. — Громко кричать?

— Нет, — сказал рыбак. — Нет. Я слышал, что надо свистнуть. Три раза свистнуть вот так в пальцы. Умеешь?

— Конечно, — сказал Плюк и сунул пальцы в рот, но рыбак вдруг испугался.

— Подожди! Пока не надо! Не сейчас! — крикнул он, вскочил и стал собирать вещи и сматывать удочку.

— Подожди немножко, пока я не уйду, — взволнованно сказал он. — Обещай, что подождёшь хотя бы пять минут, пока я не отойду подальше.

Он запихнул все свои вещи в ведро и стал быстро пробираться в деревянных башмаках сквозь камыш.

— Но скажите мне хотя бы, в чём дело, — крикнул Плюк. — Не уходите вот так, не предупредив меня об опасности! Вы же сказали, что лодка не протекает. Может, сам лодочник немножко страшноватый?

— Ты ведь не станешь свистеть, пока я не уйду подальше? — спросил старик дрожащим голосом.

— Обещаю, не буду. Но я должен узнать, почему вы так боитесь.

— Я не хочу иметь с этим никакого... — сказал старик. — Ой, нет, меня это вовсе не касается.

— Но почему? Этому лодочнику нельзя доверять? Вы его когда-нибудь видели?

— Я его никогда не видел, — сказал рыбак. — Но я много слышал от моего отца. Вот он-то его видел.

— И что? — спросил Плюк.

Теперь ему стало ужасно любопытно. И немножко страшно.

Рыбак посмотрел по сторонам, чтобы убедиться, что их никто не подслушивает. А потом сказал:

— Лодочник — не человек.

— А кто же тогда?

Лодочник поманил Плюка поближе и прошептал ему в самое ухо:

— Лодочник — волк-оборотень.

— А что такое — оборотень? — спросил Плюк.

Теперь задумался и сам рыбак. Он, видимо, тоже не знал точно, кто такой оборотень.

— Это такой волк? — спросил Плюк.

— Я никогда его не видел, — сказал старик. — Но я знаю, что это очень опасно. Ой как опасно.

— Он что, ест людей? — спросил Плюк. — Он когда-нибудь кого-нибудь съел?

Рыбак очень надолго задумался. А потом покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Мне о таком неизвестно.

— Понятно, — сказал Плюк.

— Но это потому, что с ним никто никогда не плавает на его лодке, — сказал старик. — Все стараются держаться подальше. Так что я тебя предупредил.

И старый рыбак всё-таки ушёл, а Плюк остался один. Он подождал пять минут, как и обещал. Теперь ему надо было три раза свистнуть, чтобы позвать лодочника. Лодочника, который оказался волком-оборотнем. Плюк даже почувствовал, как у него под свитером застучало сердце. Он забрался на деревянные мостки и тут увидел столбик с маленькой деревянной табличкой. На ней были буквы, почти стёртые непогодой и ветром.

Плюк наклонился и прочитал:

БЫСТРО ОБЕРНУСЬ ТУДА-ОБРАТНО

**Свистните 3 раза
ВОЛК-ОБОРОТЕНЬ**

Может, решиться? Плюк сунул два пальца в рот, но свистеть не стал. Он вспомнил о своей Шептуле. Ведь она всё-таки показала ему правильный путь. Она не ошиблась, здесь и в самом деле оказалась переправа. Хотя и очень странная.

Как же выглядит оборотень?

«Но ведь, — подумал Плюк, — Волк, который может обернуться туда-сюда, вовсе не обязательно должен быть обратнем». И он решил посоветоваться с Шептулей.

— Мне позвать его, Шептуля? — спросил он, приложив к уху раковину.

Шептуля молчала. Она не издавала ни звука. Даже ни шороха. Теперь это была просто пустая раковина.

«Мне кажется, Шептуля обиделась... — подумал Плюк. — И я сам в этом виноват...»

Волк-оборотень

Ещё никогда Плюк не чувствовал себя таким одиноким. Он стоял на деревянных мостках в густом тумане у реки. А кругом не было ни души. И даже Шептуля молчала и не шелестела.

— Сейчас я должен очень хорошо подумать, — сказал Плюк сам себе. — Если я свистну три раза, то приплывёт лодка, которая перевезёт меня на другой берег. Но лодочник — это волк, и даже волк-оборотень. Значит, делать этого мне не надо. Было бы ужасно глупо свистнуть. Лучше я вернусь назад. Проеду вдоль реки к большому парому и подожду, пока туман не рассеется. Но, конечно, это может длиться очень долго... И тогда будет слишком поздно, и всё окажется напрасно... Я должен перебраться через реку!

Ещё сегодня! Но как же страшно свистеть. Эх, был бы кто-нибудь рядом со мной, кто мог бы меня приободрить. А то вся моя смелость испарилась... Возможно, она даже ушла ко мне в пятки...

Плюк посмотрел на свои пятки, но ничего особенного не заметил.

— Вперёд! — сказал он сам себе. — Сейчас я должен выбрать. Или уехать, или свистнуть и позвать волка. Да и нужно ли на самом деле так его бояться? Все звери были ко мне всегда добры. А если уж мне станет совсем страшно, то я всегда смогу прыгнуть в машину и уехать!

Плюк сунул в рот пальцы и свистнул. Звук пронзил тишину. Ещё раз и ещё. Он свистнул трижды.

— Вот так. А теперь нужно просто ждать и ничего не бояться.

Долгое время всё было тихо. Плюк стоял на мостках, колени у него тряслись, а сердце колотилось. Туман был такой густой, что он мог видеть только кусочек серой воды у берега. И вдруг он услышал шум вёсел.

Плюк храбро остался стоять на месте. Из тумана что-то показалось. Совсем близко... Лодка. Большая лодка с плоским дном. На лодке гребла вёслами какая-то размытая фигура. Лодочник.

Это был волк. Огромный волк в зюйдвестке и непромокаемом плаще. Плюк увидел мохнатую морду и чуть было не развернулся, чтобы убежать к машине, но тут волк заговорил, и голос у него оказался вовсе не страшный. Конечно, он был очень низкий и хриплый, но в то же время тихий и немного смущённый.

— Это, конечно, ошибка, да? — спросил волк. — Ты, разумеется, вовсе не собирался свистеть?

— Собирался, — сказал Плюк и показал на деревянную табличку на мостках. — Здесь написано: свистнуть три раза. Вот я и свистнул. Мне нужно на другой берег.

— Не может быть, — сказал волк и покачал мохнатой головой. — Ты шутишь.

Плюк немного рассердился.

— Я вовсе не шучу, — сказал он. — Я спешу, и мне очень надо на другой берег. Я ведь могу взять с собой машину?

— Машину? — удивлённо переспросил волк. — Не может быть... Я тебе не верю...

— Очень даже может, — сказал Плюк. — Я сейчас подъеду поближе. Никуда не уплывайте!

Плюк сел в машинку и осторожно заехал на лодку, которая причалила к мосткам.

— Вот, — сказал он. — А теперь поехали.

Волк хотел что-то сказать, но не смог. Он заплакал. Огромные слёзы настоящими ручьями полились по его мохнатой морде.

— Что случилось? — спросил Плюк. — Почему ты плачешь?

— Это... у-у-у-у... и-и-и-и... — рыдал волк. — Этого уже десять лет...

— Что? Что ты хочешь сказать?

— Этого не было десять лет!

— Чего не было десять лет?

Волк вытер слёзы и глубоко вздохнул.

— Уже десять лет никто не садился ко мне в лодку, — рассказал он. — Десять лет я ждал. Ведь я же хороший лодочник. Время от времени я перевозю через реку зверей. Семейство крыс. А недавно жеребёнка, который искал свою маму. Иногда зайцев, если надо. Но люди не садятся ко мне в лодку. И поэтому я заплакал от радости!

— Давай всё-таки поедем, — попросил Плюк. — Понимаешь, я ужасно спешу.

— Ой, конечно-конечно! — сказал волк. — Уже отправляемся. Поверить не могу, у меня на лодке человек! И даже человек с машиной. С подъёмным краном! Невероятно!

Волк подпрыгивал от радости, так что лодка опасно закачалась.

— Ура! — кричал он. — Как прекрасно! Просто праздник!

— Стоп, — сказал Плюк. — Давай лучше поедем.

— Да-да, будет сделано. Уже едем, — сказал волк.

Он поплевал на лапы и начал с силой грести вёслами.

— Куда ты хочешь? — спросил он. — Я могу отвезти тебя до самого моря, если нужно.

— Нет, мне не надо на море. Мне нужно только на другой берег реки.

— Только на другой берег? Но тогда тебе сразу надо будет и возвращаться?

— Нет, — терпеливо сказал Плюк. — Сразу возвращаться не надо. Только завтра.

— Послушай, — сказал волк. — А давай проедем десять раз туда и обратно. Будет здорово, давай?

Он продолжать грести в тумане.

— Десять лет! — воскликнул он снова. — Ты первый за десять лет!

— Я думаю, что во всём виновата деревянная табличка, — сказал Плюк. — Там написано: «Волк-оборотень», вот люди и боятся. Ведь оборотень — это гораздо страшнее, чем просто волк.

— Правда? — сказал волк. — Ты думаешь, дело в этом? А я думал, всё из-за козы и капусты.

— Что? А что случилось с козой и капустой?

— Я однажды съел капусту, — потупился волк.

— Капусту? Но ведь волки не едят капусту?

— Не едят, так и есть. Но эта капуста была в козе. Была как бы упакована в козу.

— Ага. То есть ты хочешь сказать, что съел козу?

Волк кивнул.

— Очень-очень давно... — тихо сказал он и посмотрел на Плюка пристыженным взглядом.

— Давай не будем об этом, — сказал Плюк. — Честно говоря, я и сам однажды съел курицу. Жареную, конечно.

— Мы приехали, — сказал волк и причалил к берегу.

Они были на другой стороне.

— Может, всё-таки прокатимся ещё пару раз? — попросил волк.

— Завтра я вернусь, — сказал Плюк. — Обещаю. Но сейчас мне нужно торопиться. Ты не знаешь, как мне лучше ехать, чтобы добраться до задворника?

Волк покачал головой.

— Здесь только одна дорога, — сказал он. — Она ведёт в город Затуманск.

— Туда мне и надо, — кивнул Плюк. — Он там живёт.

Он съехал на машинке на берег и спросил:

— Сколько я должен заплатить?

— Нисколько, — сказал волк. — Совсем ничего. Я так тебе благодарен, что ты согласился со мной плыть! Так благодарен! Я подожду тебя здесь. До завтра!

— До завтра, — сказал Плюк.

И поехал дальше.

Так мало времени

Плюк наконец-то оказался на другом берегу реки. Туман уже совсем рассеялся. Но... наступил вечер.

Плюк проехал на своём кране ещё полчаса, и стало совсем-совсем темно...

— Мне нужно к задворнику, — громко сказал Плюк сам себе. — Но где это может быть? Я даже не вижу, где я сейчас нахожусь.

Он ехал по очень тихой дорожке, по обеим сторонам которой росли высокие деревья. Но маленькие фары давали совсем немного света, и Плюк не мог разглядеть, нет ли где поблизости домов или какой-нибудь фермы. Он видел только обочину и деревья, и ехал так до тех пор, пока дорога не разделилась на две.

«Ну вот, здесь нет никакого указателя, ни одной таблички, — подумал Плюк. — Мне направо? Или, может, налево?»

Он остановил машину у обочины и достал из кармана морскую раковину.

— Мне направо или налево? — спросил он.

Шептуля не ответила. Она превратилась в неживую пустую раковину и даже больше не шелестела. Неужели она до сих пор сердилась? Конечно, Плюк плохо поступил с ней вчера. Не поверил, когда Шептуля показала ему дорогу. Может, с Шептулей надо было вести себя очень вежливо и всегда ей верить, а иначе она могла обидеться и перестать указывать путь? «Возьму и прямо спрошу у неё», — решил Плюк.

Он поднёс ракушку ко рту и прошёптал:

— Ты на меня сердисься? Не могла бы ты ещё один-единственный раз показать мне дорогу? Честное слово, мне очень стыдно, что я так вёл себя с тобой. И что я тебе не поверил.

Из ракушки не раздалось ни звука. Плюк вздохнул, но решил не сдаваться и стал говорить дальше:

— Сейчас уже вечер вторника, дорогая Шептуля. А в четверг в Голубином лесу начнут работать бульдозеры. Это ведь уже послезавтра! И они всё уничтожат, весь Голубиный лес, всё, что в нём есть! Они погубят всех зверей и все растения, если помощь не подоспеет вовремя. И единственный, кто сможет нам помочь, это задворник, который живёт где-то здесь поблизости. В городе Затуманске. Но только где он? Подскажи мне, пожалуйста, Шептуля! Пожалуйста!

Никакого ответа не было. Плюк снова убрал раковину в карман. Потом достал одеяло, которое взял с собой, и потеплей укрылся. «Буду спать, — грустно подумал он. — Искать задворника в такой темноте бесполезно».

Он доел свой последний бутерброд. С джемом. У него над головой ветер шелестел макушками деревьев. Как будто ветки говорили: «Ты опоздаешь, Плюк... опоздаешь, Плюк... опоздаешь».

Под шум и шелест усталый Плюк заснул, не успев даже доесть бутерброд.

В Петтэфлете тоже наступила ночь, и все заснули. Парк тоже спал. И в Голубином лесу спали все звери, кроме старой совы, которая дежурила высоко на ветке и время от времени кричала: «Ух!» И только один человек не мог спать, это был господин Ручка из книжного магазинчика. Он лежал в постели в своей новой пижаме в комнатке за магазином. Заснуть он не мог, потому что очень беспокоился за Плюка.

«Я не должен был отпускать мальчика одного, — думал он. — Ведь он, в конце концов, всего лишь маленький мальчик на маленьком подъёмном кране. И весь день был туман. Такой густой! А если он заехал в воду! В реку! Или вообще заблудился!»

Господин Ручка волновался всё сильнее, и как только забрезжил рассвет, он вскочил и вышел на крыльцо прямо в своей красивой пижаме.

Было ещё совсем рано, и на улице не было ни души, но, к счастью, через некоторое время к нему прилетела Долли.

— Угадайте, что я видела? — закричала она, даже не поздоровавшись. Было сразу видно, что она очень взволнована.

— Говори скорей, — велел господин Ручка.

— Сто миллионов тротуарных плиток! — завопила Долли. — Вчера вечером приезжали грузовики, доверху нагруженные плиткой. И теперь эта плитка сложена в парке, у дорожки, которая ведёт в Голубиный лес!

— Ты же не думаешь, что они могут начать уже сегодня? — испуганно спросил господин Ручка.

— Я не знаю, — сказала Долли. '

— Следи очень внимательно, — попросил господин Ручка. — И если бульдозеры вдруг начнут работать, немедленно скажи мне! Тогда мы должны будем постараться спасти как можно больше

зверей. Ох-ох-ох, если бы Плюк был здесь. Он помог бы нам на своём подъёмном кране. Может, он потерялся в тумане? Или заехал в реку... Я так боюсь, что он не нашёл задворника.

— Может, мне его поискать? — предложила Долли. — Если нужно, я летаю очень быстро. И знаю, где Туманная река.

Господин Ручка немного поразмышлял и сказал:

— Это очень мило с твоей стороны, Долли, но ты нужна нам здесь. Сегодня ты должна следить за Голубиным лесом, чтобы там ещё чего-нибудь не случилось.

— Ладно, — сказала Долли.

Честно говоря, она вздохнула с облегчением, потому что на самом деле знала дорогу к Туманной реке вовсе не так хорошо. И тут у них над головами раздалось:

— Эге-гей! Морской привет!

— Это Карл! — обрадовался господин Ручка.

Так и есть, это был Карл с деревянной ногой.

— Ты не мог бы сегодня поискать Плюка? — закричал господин Ручка. — Он на другом берегу Туманной реки. В Затуманске! Он поехал искать задворника!

— Будет сделано! — крикнул Карл. — Я уже в пути! Эге-гей!

— Подожди, не торопись так! — крикнул господин Ручка. — Ты запомнил, что я тебе сказал?

— Ага! — закричал Карл.

— Тогда повтори!

— Мне нужно на другой берег Туманной реки!

— Правильно. А потом?

— Потом надо искать Затуманск! — сказал Карл.

— Нет! — топнул ногой господин Ручка. — Присядь, и спокойно поговорим. Я не могу разговаривать, когда ты летаешь.

Карл сел на маленький столбик, и господин Ручка медленно и подробно рассказал ему, что же случилось. А потом объяснил, где он должен искать.

— Я и сам не знаю точно, где этот Затуманск, — сказал он. — И где живёт задворник — тоже. Но я думаю, что ты без труда отыщешь подъёмный кран Плюка, у тебя ведь такие острые глаза. И помоги ему, пожалуйста, чем можешь. Передай ему, что сегодня вечером он должен быть дома. Потому что завтра утром начнут работать люди на бульдозерах, и ничего тут не поделаешь. Торопись, Карл, давай поскорей и не забудь...

— Понял-понял, можно мне уже лететь или нет? — нетерпеливо крикнул Карл. — Если вы целый день будете со мной разговаривать, я вообще ничего не успею.

— Ну ладно, лети, — сказал господин Ручка.

Карл взлетел в воздух. Широко взмахивая крыльями, он скрылся из вида.

И полетел на юг. К Туманной реке.

Ореховая роща

Солнышко согрело одеяло, под которым спал Плюк, и он проснулся. Он удивлённо посмотрел по сторонам и всё никак не мог понять, где он. Он спал на улице? Прямо в машине? И тут он всё вспомнил.

Он быстро выключил фары, которые до сих пор горели. Вчера вечером он лёг спать, потому что не знал, куда ему ехать. А теперь надо было торопиться изо всех сил, ведь уже наступила среда. На поиски задворника оставался один-единственный день. Завтра в Голубиный лес приедут бульдозеры и всё уничтожат. Ах да, надо было выбрать дорогу направо или налево. Плюк наудачу повернул налево. И тут он вдруг услышал, что из кармана доносится: «Тууу-у-туу-у...» Его звала Шептуля! Плюк остановился, достал ракушку из кармана и сказал:

— Привет!

Тут же тихий голос шепнул ему в ухо:

— Ты едеф непфавильно.

— Мне надо направо? — спросил Плюк. — Тогда я попаду в Затуманск?

— Фафуманшк спфава, — сказала Шептуля.

— Спасибо! Скажи, а почему ты молчала вчера вечером? Ты обиделась?

Сначала ракушка не ответила. А потом сказала:

— Нафэфно, я зашнула.

— Понятно, — сказал Плюк.

Он положил Шептулю на сиденье рядом и тронулся в путь. Дорога оказалась совсем пустой, кругом были только бескрайние поля и ни одного деревца, только вдалеке виднелись фермы.

Вчера вечером Плюк съел только половину бутерброда и теперь доел его. Он проголодался, ему казалось, что эта дорога никогда не закончится. Слева у маленького холма наконец показались несколько деревьев.

— Тууу-у... Тууу-у... — сказала Шептуля. — Штоп!

— Это уже Затуманск? — спросил Плюк.

— Да. А это офехофая фоцца. Видиф офехофые дефевья?

— И задворник живёт здесь?

— Фдешь, — сказала Шептуля.

Плюк вышел из машины и обошёл три больших дерева. Шептуля сказала, что это были ореховые деревья. Они, однако, были не совсем обычные, высокие, толстые, с огромными кронами. Плюк взобрался на какой-то холмик и осмотрелся. Ни одного дома поблизости видно не было.

— Здесь нет домов, — сказал он ракушке.

— Фдешь дом.

— Где же он тогда?

— Фы на фём штоишь.

Плюк глянул вниз. Он увидел только землю у себя под ногами, траву и кустарники. Никакого дома здесь и в помине не было.

Он почти рассердился. И чуть не крикнул: «Посмотри сама, дуфочка!»

Но, к счастью, в самый последний момент он сдержался. Шептулю нельзя было злить.

Плюк вздохнул и ещё раз хорошенько рассмотрел кустарник. И вдруг он увидел телевизионную антенну. Она торчала прямо из холмика.

«Этот холмик и есть его дом», — догадался Плюк. Он подошёл поближе и стал искать дверь. Он обошёл холм кругом, но так ничего и не нашёл, а потом заглянул под ветки низко наклонившегося куста. Так и есть, дверь оказалась там. Настоящая дверь! Плюк постучался. Ничего не произошло. Он толкнул дверь и попробовал подёргать ручку, но дверь была заперта. Только потом Плюк увидел листок бумаги. Большими буквами на нём было написано: «Я в отпуске до 13 ноября».

Это было уже чересчур. Плюк сел на землю рядом с двумя пустыми бутылками из-под молока и заплакал. Всё оказалось напрасным! Весь этот долгий и трудный путь!

Все усилия впустую. Плюк почувствовал себя ужасно одиноко. Да к тому же он так проголодался. Он достал Шептулю и сказал:

— Эх, Шептуля. Его нет дома.

Шептуля тихонько шумела, но ничего не ответила.

Плюк плакал совсем недолго. Он всхлипнул только три раза. И пустил только одну слезинку. А потом он поднялся и пошёл назад к своему подъёмному крану. Ему нужно было как можно скорей вернуться домой, в Петтэфлет. Он был очень нужен там. На своей машине он смог бы вывезти из Голубинового леса многих зверей и спасти их.

Плюк не проехал и двадцати метров, как вдруг услышал над головой:

— Эге-гей!

Чайка Карл с деревянной ногой! Плюк немедленно остановился, он ужасно обрадовался. Наконец-то он мог с кем-то поговорить.

Карл сел с ним рядом и сказал:

— Как же трудно было тебя найти! Я уже давным-давно перелетел через реку. Но тебя нигде не было видно. Тогда я поднялся повыше, а потом опустился совсем низко... И наконец увидел что-то красное во всей этой зелени. Красную точку, твою машину! Расскажи скорей, ты уже был у этого задворника? Ты нашёл его?

— Да, но его не было дома, — рассказал Плюк. — Он в отпуске до ноября.

— Эх, до чего обидно! — сказал Карл.

— Он живёт в этом холмике, — показал Плюк. — Но что мне с того? Я поеду домой. Как там дела? Они ведь ещё не начали разорять Голубиный лес?

— Нет, — сказал Карл. — Пока ничего не произошло. Меня послал за тобой господин Ручка, он волновался. Я тоже полечу назад. Скажу, что ты возвращаешься. Пока!

— Пока! — попрощался Плюк.

Карл улетел, но тут же вернулся.

— Послушай! — закричал он. — Может, задворник оставил дома своих детей? Я сейчас пролетал над деревьями и увидел мыльные пузыри.

— Мыльные пузыри?

— Ну да. Красивые разноцветные мыльные пузыри, прямо над тем деревом посередине.

Плюк развернул машину и поехал обратно.

— Лети к этому дереву, Карл, — сказал он. — И кричи как можно громче. А я крикну тебе, когда буду под ним.

— Эге-гей! — ответил Карл и с громкими криками стал летать над деревом, а Плюк уже стоял под ним и кричал:

— Эй, здесь есть кто-нибудь? Задворник!

Но Карл скоро спустился вниз.

— Хватит, — сказал он. — Там никого нет.

— Откуда ты знаешь? — спросил Плюк.

— Из дерева высунулась рука, — сказал Карл. — Она держала табличку, а там было написано: «Здесь никого нет».

— Но кто же тогда держал табличку? — спросил Плюк.

— Откуда мне знать, — сказал Карл. — Кто-то, у кого есть руки.

— И кто это такой?

— Понятия не имею, — сказал Карл.

В этот момент с дерева что-то свалилось. И упало рядом с Плюком. Это был домашний тапочек.

А чуть позже оттуда опять что-то упало. Баночка с мыльной водой. Она перевернулась, и во все стороны полетели брызги.

— Эй, задворник! — закричал Плюк. — Я вас видел! Вылезайте!

И тут кто-то медленно, очень медленно сполз с дерева на землю. Задом наперёд, то есть вперёд головой. Так иногда делают кошки, когда им надо спуститься с дерева. Сначала появилась голова с бородой. А потом спустился и весь задворник целиком.

Он был очень расстроен и сказал:

— Придётся готовить новый мыльный раствор.

— Господин задворник, — обратился к нему Плюк. — Меня прислал сюда один ваш друг. Господин Ручка. Можно мне на минутку войти к вам в домик?

Задворник немного подумал.

— Тебя прислал господин Ручка? — переспросил он. — Ну, тогда пойдём.

Очень странный задворник

Так Плюк оказался в доме задворника. Сам дом находился внутри маленького холма. В нём была всего одна круглая комната и малюсенькая кухня. И ни одного окошка.

Плюк сидел на единственном стуле. На столе перед ним стояла большая тарелка овсянки, которую он мгновенно слопал, так сильно он проголодался.

Сам задворник лежал на кровати.

— Так-так, — повторял он. — Значит, тебя прислал господин Ручка.

— Да, — ответил Плюк с набитым ртом.

Он только что рассказал, что произошло. Про Голубиный лес, который собирались вырубить. Про всех зверей, которые очень испугались и в отчаянии держались вместе. Про мышиное семейство и новорождённых мышат. И как всё это было грустно. А ещё Плюк рассказал, как сильно он торопится.

Задворник кивнул. Он был воспитанным человеком, но иногда казалось, что он совсем не слушает. Или думает о чём-то своём.

— Господин Ручка сказал, что вы сможете нам помочь, — сказал Плюк.

Тарелка опустела, он вытер губы ладошкой, а ладошку вытер о брючки.

— Ну, сначала мне нужно подумать, — ответил задворник.

Он вытянулся на спине и закрыл глаза.

— А почему у вас на двери записка, что вы в отпуске до тринадцатого ноября? — спросил Плюк.

— Это я написал, — сказал задворник. — Не люблю гостей.

— Но если гости придут тринадцатого ноября? — поинтересовался Плюк, которому стало любопытно.

— За день до этого я поменяю записку, — объяснил задворник. — И напишу, что я в отпуске до тринадцатого марта.

— Понятно, — сказал Плюк. — А перед тринадцатым марта...

— Совершенно верно, — кивнул задворник. — Я снова её перепису. Таким образом, гостей у меня вообще не бывает. Больше всего я люблю быть один. Я ведь задворник.

— А я слышал, что это называется «затворник», — сказал Плюк. — С буквой «т» в середине.

— Между затворником и задворником огромная разница, — сказал отшельник.

— Какая же?

— Ну, мне нужно подумать, — ответил задворник и снова закрыл глаза. Впечатление было, будто он спит.

У Плюка уже заканчивалось терпение. Он торопился. Ему хотелось поскорей уйти. А этот странный человек опять лежал на спине и думал. И снова о чём-то своём.

— Может, вы всё-таки подумаете о том, как нам помочь? — попросил Плюк. — Пожалуйста.

— Помочь? Кому помочь?

Плюк вздохнул. Неужели снова придётся рассказывать всю историю с самого начала?

— В Голубином лесу... — начал он.

— Ах да, точно... — вспомнил задворник.

— Так что? — спросил Плюк. — Вы сможете нам помочь?

— Ужасно жаль, что ты приехал в такое неудачное время, — ответил задворник. — Ореховой ежевики сейчас нет. Ты же сам видел. На ореховых деревьях ни одной ягодки. Ещё слишком рано для них. Вот так-то.

Он снова закрыл глаза и замолчал.

— Ну... — сказал Плюк. — А это нельзя сделать без ореховой ежевики? Я имею в виду — помочь нам?

— Разумеется нет, — сказал задворник. — А как иначе? Ведь это само собой разумеется. Так что приезжай месяца через два. Она как раз поспеет.

— Да какой мне с этого толк! — закричал Плюк. — Тогда уже будет слишком поздно. Вы должны помочь мне сегодня. Можете придумать ещё что-нибудь?

— Попробую, — сказал задворник и снова растянулся на кровати.

Так он лежал очень-очень долго. Плюк огляделся и увидел, что часы в комнате показывали уже двенадцать. Прошло целых полдня! А ему ещё предстоял такой долгий путь домой... И надо было перебираться через реку на пароме...

Тут он услышал тихий храп. Задворник и в самом деле заснул.

Плюк громко покашлял. Задворник сразу вскочил и сел в кровати.

— Пожар? — испуганно вскрикнул он.

— Нет, — сказал Плюк. — Я хотел узнать, придумали вы что-нибудь или нет.

— Придумал? А о чём я должен был думать?

Плюка охватило отчаяние, и он ужасно разозлился.

— Послушайте, — сердито сказал он. — Мне нужно ехать. У меня больше нет времени. И я понял, что вы совсем не хотите нам помочь!

Он поднялся и пошёл к двери.

— Спасибо за овсянку, — добавил он.

А потом вышел на улицу и пошёл к своей машинке, где на стреле подъёмного крана его ждал Карл.

— Получилось? — спросил Карл.

— Нет, — раздражённо буркнул Плюк. — Он ужасно странный, этот задворник, и всё время спит. И ничего не может придумать. Я еду домой, потому что иначе мне никак не успеть к вечеру.

Плюк уже завёл мотор и хотел тронуться в путь, но тут Карл крикнул:

— Подожди! Он тебя догоняет!

Плюк остановил машину. Задворник вышел из дома с огромным цветочным горшком в руках. Он шёл к подъёмному крану Плюка.

— Вот, — сказал он. — Попробуй это.

— И что мне с ним делать? — спросил Плюк.

Он увидел, что в горшке сидит малюсенькое растение. Да ещё с повисшими листиками.

— Посадить... — объяснил задворник. — Просто посадить в землю.

— Где? — спросил Плюк.

— Конечно, там, где мимо него будут проходить, — сказал отшельник.

— Где будут проходить кто?

Задворник закрыл глаза, немного подумал и сказал:

— Ах да, я вспомнил, мне же надо сделать новый мыльный раствор! Чтобы пускать пузыри!

И со всех ног помчался в дом.

— Чахлый росток! — закричал Карл. — Какая нам от него польза?

— Я же тебе говорил, он очень странный, — сказал Плюк.

Он поставил горшок в машину и добавил:

— Лети вперёд, домой, в Петтэфлет и скажи господину Ручке, что я уже еду.

— А ты знаешь дорогу? — спросил Карл. — Лучше всего будет переправиться через реку на большом пароме, так быстрее всего. Отсюда надо ехать всё время прямо.

— Ладно, — кивнул Плюк.

Но тут он подумал о волке. Волке-оборотне и его маленькой лодке. Он ведь обещал, что вернётся на другой берег с ним.

Плюк засомневался... Ведь было уже так поздно... И он так спешил...

— Послушай, Карл, — сказал он. — Не мог бы ты сначала слетать к волку? Скажи ему, что я не приеду сегодня. И передай, что я обязательно приеду в другой раз.

— К волку? — переспросил Карл. — К какому волку?

— Ах да, ты ведь не знаешь, — сказал Плюк. — Через реку ходит ещё один паром. Совсем маленький. А паромщик на нём волк, но очень добрый волк. И он меня ждёт, вот в чём дело.

— А! — крикнул Карл. — Я его видел! Я не разглядел, что это волк, потому что летел очень высоко. Но я видел лодку, очень нарядную.

— Нарядную?

— Ну да, по-моему, она была украшена цветами, — сказал Карл. Плюк вздохнул.

— Тогда ничего не говори, — сказал он. — Если волк украсил ради меня свою лодку... Эх, не могу же я его подвести. Я поеду с ним.

— Морской привет! Пока! — крикнул Карл и улетел. На север, к Петтэфлету.

Среда

Когда Плюк подъехал к Туманной реке, время уже приближалось к вечеру. Это был вечер среды, и сегодня Плюку надо было непременно вернуться домой. Ведь завтра утром всё начнется! Приедут бульдозеры и уничтожат Голубиный лес.

Плюк уже издали увидел лодку волка, — она выглядела просто чудесно. Столько цветов! Венки и гирлянды из маргариток и лютиков. А сам волк стоял на берегу, махал лапами и кричал издали:

— Ура! Ты всё-таки приехал! Я ждал тебя целый день!

Плюк был рад, что не поехал на большом пароме. Волк ужасно расстроился бы, если бы он не появился.

Плюк заехал на лодку, и волк стал грести вёслами.

— У меня для тебя сюрприз, — сказал он.

— Правда? — удивился Плюк. — А что за сюрприз?

— Мы поплывём до самого водопада, — сказал волк. — В Германию.

— Нет-нет! — закричал Плюк. — Пожалуйста, не надо!

Волк опустил вёсла и спросил расстроенно:

— Почему нет? Там так красиво!

— Послушай, волк-оборотень, — сказал Плюк. — У меня совсем нет времени! Я ужасно спешу. Меня очень ждут дома. Мне нужно только переплыть реку. Как можно скорее попасть на другой берег. Давай же греб!

Волк не пошевелился. Он надулся, потом бросил вёсла и так остался сидеть.

— Знаешь что? — сказал Плюк. — Я как-нибудь вернусь! Обещаю, что обязательно приеду и ты отвезёшь меня куда захочешь. Но не сейчас! Греб же!

Но волк всё равно сидел неподвижно, и выглядел он очень сердитым.

— А знаешь, что я ещё сделаю? — сказал Плюк. — Я буду говорить всем, что ты самый лучший паромщик. И что у тебя самая лучшая лодка. Я буду говорить это всем-всем, и у тебя появится очень много пассажиров.

Тут волк немного повеселел.

— Правда? — спросил он. — Ты обещаешь?

— Обещаю! — кивнул Плюк. — А теперь поплыли!

И маленькая лодка, вся в цветах, быстро побежала по воде. Волк грёб прямо к берегу, и уже через несколько минут они причалили.

— До свидания! — закричал Плюк, сидя в машине на берегу. — Можешь на меня положиться! До следующего раза!

Волк очень долго махал ему вслед. Даже когда Плюк давно скрылся из виду.

Господин Ручка стоял на крыльце и ждал, голубка Долли сидела у него на плече. Господин Ручка то и дело смотрел на часы.

— Пять часов, — мрачно говорил он. — Пять часов вечера, среда! А Плюка до сих пор нет! И Карла тоже... Ох, Долли, я так беспокоюсь.

— Ну-ка, тише, — сказала Долли. — Мне кажется, я слышу Карла, вдалеке.

— Морской привет! — раздалось где-то совсем тихо, а потом всё громче и громче. — Морской привет!

Как только Карл сел рядом с ними, господин Ручка сразу же спросил:

— Где Плюк? Ты его нашёл?

— Плюк едет сюда, — ответил Карл. — С ним всё в порядке.

— Какое счастье! — облегчённо вздохнул господин Ручка. — Это самое главное. Он нашёл задворника?

— Да, — ответил Карл. — Но толку от этого никакого.

— Никакого толку?

— Этот задворник ничего не смог придумать, — рассказал Карл. — Только дал какое-то засохшее растение.

— Засохшее растение?

— Да, он дал Плюку какой-то чахлый, засохший цветок в горшке, — рассказал Карл.

— А зачем нам этот цветок? — закричала Толстая Долли. — Я так и знала, что помощи не будет! А завтра уже придут бульдозеры. Мы должны попытаться спасти зверей в Голубином лесу. Пока не стемнело, их всех надо переселить! В какое-нибудь безопасное место в парке.

— Давайте дождёмся Плюка, — сказал господин Ручка.

— Слишком поздно! — завопила Долли. — Когда он приедет, будет уже темно. И все в Голубином лесу заснут.

— Я всё равно хочу подождать Плюка, — сказал господин Ручка. — Ему дали какое-то растение... Как знать... А задворник не сказал, что нужно делать с этим растением?

— Ничего он не сказал! — закричал Карл. — Он ужасно странный, этот человек. Отдал нам большой горшок с малюсеньким ростком, только и всего. И ничего больше!

— Если вы не пойдёте со мной, я полечу одна! — крикнула Долли. — Я предупрежу всех зверей, что им нужно бежать, пока не стемнело.

Господин Ручка только попытался крикнуть:

— Подожди! Не надо так спешить...

Но Долли была уже далеко.

— Я могу быть ещё чем-то полезен? — спросил Карл. — Если нет, то я полечу, поймаю себе рыбку. Я, знаете ли, так ничего и не поел, пока летал туда-сюда.

— Конечно, лети, — сказал господин Ручка. — Мы сейчас ничего не можем сделать. И спасибо тебе за помощь.

Карл улетел, а господин Ручка остался на порошке. Время от времени, когда приходили покупатели, он заходил в магазинчик, чтобы их обслужить, а потом снова выходил ждать на улицу. Пока не наступил вечер. Стало смеркаться, а потом и вовсе стемнело, и тут из-за угла показались маленькие фары.

— Наконец-то! — воскликнул господин Ручка. — Я так волновался. Скорей рассказывай, сможет ли задворник помочь нам?

— Нет, — сказал Плюк. — По крайней мере всё, что он мне дал, это вот...

Он вытащил из машины тяжеленный горшок.

— И что нам с ним делать? — спросил господин Ручка.

— Посадить.

— Где?

— Я не знаю.

— А разве задворник ничего тебе не сказал? Где мы должны его посадить?

Плюк немного подумал, а потом сказал:

— Там, где мимо него будут проходить, он так сказал.

— Где они будут проходить? Кто?

— Это я тоже спросил, — сказал Плюк. — Но он мне не ответил.

— Будут проходить? Кто? — пробормотал господин Ручка. — Мне кажется, я всё-таки что-то понимаю. Он, наверное, хотел сказать, где завтра рано утром будут проходить рабочие по дороге в Голубиный лес. В парке. Скорей! Надо сделать это немедленно. Я только возьму лейку с водой.

Они снова погрузили горшок в машину и поехали в парк.

Кругом была кромешная темнота, когда Плюк и господин Ручка в свете маленьких фар высаживали в землю крохотный росток. Они полили его водой, но господин Ручка грустно вздохнул:

— Он совсем сухой. Не приживётся...

Они уже собрались уезжать, как из Голубинового леса появилась Долли.

— Привет, — сказала она. — Все отказались.

— Кто? — спросил Плюк. — И от чего?

— Они отказались уходить, — объяснила Долли. — Звери и птицы хотят остаться в Голубином лесу. Сказали: мы скорей умрём, чем переждем. Ну и что с ними делать?

— Давайте пойдём спать, — сказал господин Ручка. — Мы сделали всё, что могли. Завтра рано утром мы втроём придём сюда, на это место. И посмотрим, что делать дальше.

Ореховая ежевика

Наступило утро понедельника, и это был день «большой опасности». В парке рядом с мешками цемента и горами плитки уже ждали бульдозеры.

Плюк и господин Ручка вместе с Толстой Долли стояли у крошечного растения, которое они посадили вчера вечером.

— Засохло как сухарь! — закричала Долли.

— Да, оно не выжило, — вздохнул господин Ручка. — Я так и не понял, зачем задворник дал нам это растение. Я думал, оно волшебное. Но какой нам толк от волшебного растения, которое засохло?

— Сейчас нам нужно как можно скорее переправить зверей из Голубинового леса в безопасное место, — сказал Плюк. — У нас есть ещё полчаса. В восемь придут рабочие, и бульдозеры сровняют всё с землёй... За мной!

Они сели в машину и по узкой тропинке поехали в Голубиный лес. Там у лягушачьего болота, испуганно прижавшись друг к другу, сидели все звери.

Птички, мыши и ёжики. Кроты и кролики. Четыре толстые крысы и одна белочка. А кроме них, ещё много всякой мелочи — гусеницы, жуки и сверчки, но они прятались чуть поодаль в высокой траве.

— Это Плюк! — закричали все. — Плюк защитит нас! Он прогонит злодеев, ведь у него такой сильный подъёмный кран!

Плюк грустно покачал головой и сказал:

— Нет, я не смогу их прогнать. Но я могу помочь вам выбраться отсюда. Я всех вас посажу к себе в машину, кроме птиц, они смогут просто улететь.

— Эй-эй! — закричала одна маленькая птичка. — А моё гнездо? У меня здесь гнёздышко!

— Я могу забрать отсюда все гнёзда, — пообещал Плюк.

— А как же мы? — воскликнул мышка-папа. — Как мне быть с моим семейством? С моими бедняжками — лысыми мышатами?

— Мы поедем все вместе, — сказал Плюк. — Я несколько раз съезжу туда и обратно. Но нам нужно торопиться, скоро они начнут. Быстрее!

Тут вперёд вышла маленькая белка и спросила:

— Ты меня помнишь?

— Это же Трусишка! — сказал господин Ручка. — Тот самый бельчонок, который боялся высоты!

— Да, — кивнул Трусишка. — Я живу здесь. И у меня малыши. И я не хочу никуда уходить. Никто из нас не хочет уходить отсюда!

— Да, это так! — подхватили остальные звери. — Мы останемся здесь, что бы ни случилось. Пусть нас лучше переедет бульдозер!

— Вы с ума сошли! — завопила Долли. — Подумайте о ваших детях. Здесь всё уничтожат! Не останется ни одного деревца!

— А я буду очень осторожен с вашими гнёздышками, — добавил Плюк.

Но как они ни уговаривали и ни пугали, ничего не помогло. Лесной народец оказался весьма упрямым. И тут вдали послышался гул тяжёлого грузовика.

— Это они! — закричал Плюк. — Сейчас всё начнётся! Кто-нибудь всё-таки хочет спастись?

Но звери бросились врассыпную и в одно мгновение исчезли в своих норках и гнёздах, чтобы там дрожать и дожидаться катастрофы.

— Пойдём, — позвал господин Ручка и за руку потащил Плюка по дорожке обратно в парк.

Там уже стоял большой грузовик. Из него вышли четверо рабочих, которые теперь спокойно осматривались.

— Давай сядем здесь, — шёпотом сказал господин Ручка. — Под этим кустом.

Они спрятались в листьях и старались даже не дышать. Отсюда было очень хорошо видно всё, что происходит.

Один из рабочих забрался в кабину самого большого бульдозера, а остальные направились к маленькой тропинке в Голубиный лес, но вдруг остановились.

— Что они там делают? — шёпотом спросил господин Ручка.

— Срывают что-то с куста, — тоже шёпотом ответил ему Плюк. — И едят.

Господин Ручка очень старался получше разглядеть всё сквозь листья. А потом сказал:

— Тот куст! Его только что там не было... Плюк! Это же наше растеньице!

Так и есть. Их крошечное увядшее растеньице, как только на него попали солнечные лучи, превратилось в куст. Сплошь усыпанный тёмно-фиолетовыми ягодами.

Тут прямо на Плюка и господина Ручку с угрожающим рёвом двинулся бульдозер. Ещё чуть-чуть! Он вот-вот раздавил бы их. Но вдруг остановился. Рабочий вышел из кабины, и его товарищи дали ему горсть ежевики.

Затаив дыхание, Плюк и господин Ручка ждали, что же будет дальше.

И тут случилось такое, чего они даже не могли себе представить: рабочие бросились в пляс. Они танцевали между сложенной плиткой, гонялись друг за другом, кричали и визжали, как маленькие дети.

— Мне кажется, сейчас они начнут играть в прятки, — удивлённо сказал господин Ручка.

И точно! Рабочие стали играть в прятки. Тут подъехала ещё одна машина, роскошная и очень дорогая. Оттуда вышел Инспектор парка. Его брови поползли вверх от удивления, когда он увидел одного из рабочих, который стоял под деревом и громко считал:

— Раз, два, три, четыре, пять! Я иду искать!

— Я тоже иду! — в ярости закричал Инспектор. — Я уже пришёл! Как вам не стыдно! Играть в прятки в рабочее время? Такие взрослые люди! Фу!

В этот момент его взгляд упал на куст с ежевикой. Ничего не подозревая, он сорвал несколько ягод и сунул их в рот.

— Так вы собираетесь что-нибудь делать? Вы будете работать? — закричал он. — Или, может, мне...

Вдруг он замолчал. Вся злость моментально исчезла у него с лица. Он засмеялся!

— Подождите, я с вами! — закричал он и, визжа, помчался играть с остальными.

— Это ежевика, — догадался господин Ручка. — Всё из-за неё. Видимо, это «игральная» ежевика, как только съешь её, сразу вместо работы начинаешь играть.

Вдруг Инспектор подбежал прямо к ним. Он поискал за кустом, нашёл господина Ручку и Плюка и завизжал от радости.

— Я тебя застукал! — крикнул он господину Ручке, постучал его по плечу и умчался со всех ног.

— Застукал? Меня? — удивился господин Ручка. — Мне что, теперь играть с ними в прятки?

— Сидите, я поиграю, — сказал Плюк и со всех ног помчался играть с весёлыми рабочими.

Они шалили от души. А Долли тем временем разговаривала с господином Ручкой.

— Получилось! — радовалась она. — Можно мне слетать в Голубиный лес и сказать там всем, что они спасены? Что звери теперь в безопасности? Ведь никто не работает! Они теперь будут играть всю оставшуюся жизнь. Можно, я скажу?

— Но я не думаю, что это будет длиться всегда, — задумчиво сказал господин Ручка. — Может, через час это пройдёт... Или продлится подольше...

— Да ладно, — сказала Долли. — Съешьте ежевики!

— Непременно, — согласился господин Ручка. — Выглядит она очень аппетитно.

Весь куст ежевики был сплошь покрыт крупными фиолетовыми ягодами. Как будто на нём всё время вырастали новые. Господин Ручка тоже съел несколько штук.

А в парке тем временем построили замечательную горку. И все катались. И Инспектор, и рабочие, и Плюк.

— Оп-ля-ля! — воскликнул господин Ручка и бросился к горке. Ему тоже захотелось прокатиться.

— Так-так, — сказала Долли и отправилась в Голубиный лес обрадовать зверей, что опасность миновала. И больше не нужно бояться.

— Временно... — добавила она, но звери её уже не слышали. Они ликovali!

Взрослые играют

Кустик в парке рос и рос, и на нём появлялись всё новые ягоды. Никто не мог пройти мимо, чтобы не попробовать их. А каждый, кто пробовал, немедленно начинал играть. Потому что эта ежевика была игровой.

В то, что творилось в парке, было невозможно поверить! Столько взрослых людей играли во всевозможные игры. Пять толстых тётенок ходили по кругу и считали считалочки. Какой-то старичок лепил в песочнице куличики вместе с одной старушкой. Доктор и пастор прыгали в чехарду, кондитер и мясник качались на качелях, отовсюду были слышны смех и восторженный визг.

Никто больше не вспоминал про свою работу. Бульдозеристы позабыли, что собирались уничтожить Голубиный лес.

Когда им надоели прятки и салочки, они принялись играть с бетономешалкой. Они строили разные замечательные скульптуры из плиток, песка и строительных инструментов, а сверху заливали их бетоном. Получалось очень странно.

Конечно, дети тоже были здесь, они носились повсюду, катали тачки, а Плюк играл с Инспектором парка в «Держи воришку». Единственным человеком, который ни во что не играл, была госпожа Чистотюлина.

Она пришла в парк посмотреть, что же всё-таки происходит. И теперь стояла вне себя от злости. Она схватила Инспектора парка за рукав и рявкнула:

— Это что ещё такое! Вам надлежит работать в Голубином лесу! А вы играете, как маленький ребёнок. Фи, как некрасиво, господин Инспектор!

— Ах, не нойте, моя милочка! — воскликнул Инспектор парка и умчался.

А к госпоже Чистотюлиной подошёл Плюк. Он принёс ей полную ладошку сочной ежевики.

— Попробуйте, — предложил он. — Она такая вкусная!

Госпожа Чистотюлина придирчиво посмотрела на тёмно-фиолетовые ягоды и сказала:

— Они, разумеется, немытые. Спасибо, я не ем грязные ягоды.

А потом направилась к одному из рабочих, который как раз строил что-то странное из бетона.

— Если вы немедленно не приступите к работе, я позвоню бургомистру, — пригрозила она.

— Незачем ему звонить, — засмеялся рабочий. — Вот же он! Как раз у вас за спиной.

Госпожа Чистотюлина развернулась. Там и правда был сам бургомистр. Он услышал, что в парке происходит что-то необычное, надел свой лучший костюм и пришёл сюда сам.

— Какое счастье, что вы здесь! — закричала госпожа Чистотюлина. — Все люди в этом городе совершенно посходили с ума! Только посмотрите, что тут творится!

— Да-да... — протянул бургомистр, оглядываясь по сторонам на играющих и хохочущих людей.

— Вы должны что-то предпринять! — сказала госпожа Чистотюлина. — И как можно скорей направить сюда полицейских.

— Полицейских? — переспросил бургомистр и показал пальцем. — Они и так уже здесь.

Чуть подальше несколько полицейских скакали на одной ножке. Они начертили мелом «классики» и хихикали от удовольствия.

— Неслыханно! — завопила госпожа Чистотюлина. — А вы видели эти громадные штуковины, которые они строят из бетона?

Бургомистр наклонил голову и внимательно посмотрел на причудливые фигуры.

— А мне нравится, — сказал он. — Можно сказать, это современное искусство!

— Искусство?! — завопила госпожа Чистотюлина. — Это разгильдяйство! Пустая трата дорогостоящего материала!

Но бургомистр только отодвинул её в сторону, чтобы лучше видеть скульптуры.

— Настоящие произведения искусства, — прошептал он. — Я всегда об этом мечтал. Мне так хотелось, чтобы в нашем парке стояли красивые скульптуры. Но на них никогда не хватало денег. А теперь они появились... Вот так просто. Снимаю шляпу перед художниками!

— Но, господин бургомистр, — захныкала госпожа Чистотюлина. — А как же быть с Голубиным лесом? Этим заросшим диким участком там, за парком. Ведь там собирались сделать аккуратную площадку, выложенную плиткой. А теперь и плитки не осталось!

Бургомистр посмотрел вокруг. И в самом деле. Плиток больше не было. Их все потратили на игры и скульптуры.

Бургомистр пожал плечами.

— Ну что ж, — сказал он. — На новые плитки у нас и в самом деле нет денег.

— То есть Голубиный лес так и останется? — сердито вскрикнула госпожа Чистотюлина.

— Мне никогда не нравилась идея срубить эти деревья, — сказал бургомистр. — Честно говоря, я ужасно рад, что у нас останется кусок настоящего леса. Чтобы там могли поиграть дети. А птицы могли свить гнёзда.

— И вы оставите стоять здесь все эти безобразные фигуры и скульптуры? В нашем собственном городском парке? — спросила госпожа Чистотюлина.

— Да, — кивнул бургомистр и просиял от удовольствия. — Они останутся здесь навсегда.

И он вприпрыжку поскакал из парка, что было очень странно, ведь он даже не попробовал ежевики. Но и такое иногда случается. Некоторым людям вовсе не надо никакой ежевики, чтобы играть и прыгать, у них это получается само собой.

Чуть не плача от злости, госпожа Чистотюлина отправилась домой.

А её разговор с бургомистром кое-кто подслушал. Это была Толстая Долли. Она тут же полетела к Плюку всё рассказать.

— Значит, это навсегда! — закричала она. — Больше в Голубином лесу не будет никаких рабочих, все звери спасены! Пойди расскажи им, Плюк!

Когда Плюк пришёл в Голубиный лес, все звери спрятались. Даже у болотца с лягушками была тишина. Никто не квакал, ни одна птичка не чирикала. Только когда Плюк тихонько посвистел, из норки показался маленький перепуганный зверёк.

Это был папа-мышка. Он так нервничал, что у него даже дрожали усы.

— Те злые люди всё-таки придут сюда? — спросил он. — Они уничтожат наш лес?

— Нет, — сказал Плюк. — Не надо бояться.

— Но мы слышали такой ужасный шум, — сказал мышка-папа. — И грохот, и скрежет. Что же это было?

— Бетономешалка, — объяснил Плюк. — Но они не станут делать ничего плохого. Они только играют. И сюда не придут.

— Значит, я могу сказать моей жене и детишкам, что они могут спокойно ложиться спать? — спросил мышка-папа. — Они ведь не спали целую неделю, представляешь?

— Конечно, скажи, — кивнул Плюк. — И расскажи всем, кто здесь живёт. Опасность миновала. Навсегда!

— Спасибо! — сказал мышка-папа.

А Плюк скорей помчался назад в парк играть дальше.

Всё не так!

Плюк шёл, насвистывая, по коридору на пятнадцатом этаже. Он шёл к лифту, потому что собирался на улицу поиграть со всеми взрослыми.

У одной из дверей стояла древняя старушка. Нога у неё была толсто забинтована, и она что-то искала в мусорном баке. К большому удивлению Плюка, она достала оттуда кусок чёрствого хлеба. И съела его!

— Здравствуйте! — сказал Плюк.

Он очень хорошо знал эту старушку. Это была тётушка Тоша.

— А! Плюк! — воскликнула она. — Какое счастье, что ты здесь! Все остальные ведь играют! В Петтэфлете никого не осталось.

— У вас что-то с ногой? — спросил Плюк.

— В этом всё и дело, — сказала тётушка Тоша. — Я вчера упала, когда прыгала через верёвочку. И подвернула ногу. Теперь я пытаюсь дозвониться доктору, но он играет где-то на улице! Ох, Плюк... Как это неприятно...

Бедная тётушка Тоша расплакалась, и Плюку стало её ужасно жалко.

— А ещё я так проголодалась, — всхлипнула она. — Поэтому я и ищу в помойке хлебушек, ведь пекарь закрыл булочную и тоже где-то играет.

— Подождите немного, — попросил Плюк. — Я приведу доктора. И куплю хлеба.

— И молока, — попросила тётушка Тоша. — А то молочник носится в «салочки» здесь поблизости.

— Будет сделано, — пообещал Плюк и хотел бежать, но тётушка Тоша остановила его и сказала:

— И ещё кое-что... Тут ужасная протечка.

— Где? — спросил Плюк.

Он поднял голову, и в тот же миг прямо ему в лицо плеснуло водой.

— Водопровод прорвало, — сказала тётушка Тоша. — Отовсюду льётся вода. Ты только посмотри!

Тут и Плюк увидел, что вода стекает струйками по стенам и капает с балконов.

— Надо быстро позвать водопроводчика, — сказал он.

— Я ему звонила, — сказала тётушка Тоша. — Но мне никто не ответил. Наверное, играет где-нибудь в «пятнашки».

Плюк спустился на лифте вниз, вышел на улицу и остановился на ступеньке. Как будто в городе была ярмарка. Весь квартал превратился в игровую площадку. Взрослые и дети, всё вертелось, все носились кубарем, кричали и шалили, все во что-то играли. Никто не ходил на работу, ни одного ребёнка не было в школе, потому что и директор, и учительницы тоже играли на улице.

Одна толстая дама стучала мячиком, и Плюк спросил её, не видела ли она доктора.

— Он там, сидит на дереве, — показала она. — Вместе с женой господина нотариуса.

Плюк уставился наверх. Высоко-высоко среди листвы он увидел болтающиеся ноги.

— Доктор! — позвал он.

Между веток просунулась голова доктора.

— Не могли бы вы подойти на минутку! — крикнул он. — У тётушки Тоши болит нога.

— Нет! — крикнул в ответ доктор. — Я играю, и мне ужасно весело!

И его голова снова исчезла.

Плюк решил пойти за хлебом. Но увидел, что все магазины закрыты. Все до одного, и даже книжный магазинчик господина Ручки. А чуть поодаль пекарь играл с молочником. Они играли в кегли молочными бутылками и пластмассовым мячом и даже не стали слушать, когда Плюк спросил, нельзя ли купить где-нибудь хлеба и молока. Тут появился и водопроводчик. Он играл в индейца и ковбоя с пастором.

— Водопроводчик! — завопил Плюк. — Не могли бы вы зайти к нам! В Петтэфлете прорвало трубы!

— Пиф! Паф! — хохоча, крикнул водопроводчик и притворился, как будто стреляет.

Отчаявшись, Плюк сел на ступеньку. Его никто не слушал. Все были слишком заняты игрой, и он уже совсем было собрался возвращаться в Петтэфлет, когда прилетела голубка Долли. Она уселась к нему на плечо и сказала:

— Плюк! Я только что пролетала над городом, тут происходят ужасные вещи!

— Что происходит?

— Загорелся дом! — рассказала Долли. — Люди, которые в нём жили, все стоят на улице. У них всё сгорело!

— Какой кошмар, — расстроился Плюк. — И пожарные не смогли потушить огонь? Или...

И тут он всё понял.

— Ты хочешь сказать, что пожарные тоже играют? — спросил он.

— Да, — кивнула Долли. — Они не захотели никуда ехать. Играют себе в парке. Я только что оттуда. Они разожгли костёр, и господин Ручка вместе с ними.

— Я сейчас же побегу туда, — сказал Плюк и помчался в парк.

Там он сразу увидел костёр, который разжигала пожарная команда. Нельзя было не признать, зрелище было просто потрясающее. Пожарные то и дело подбрасывали в огонь старые коробки и ящики, костёр трещал, и за языками пламени Плюк разглядел, что господин Ручка тоже веселится вместе со всеми. Он срубал топором сухие ветки и бросал их в огонь.

— Господин Ручка! — закричал Плюк.

— Не сейчас, — запыхался тот. — Я же играю!

И тут Плюк ужасно рассердился. Ведь если даже господин Ручка не хотел его слушать, дело было совсем плохо.

Плюк остановился рядом с ежевичным кустом. Тем самым! Он весь был покрыт сочными спелыми ягодами.

— Всё из-за этой гадкой ежевики! — закричал Плюк. — Все, кто её пробует, начинают играть. А ведь они едят и едят. И ягоды всё вырастают и вырастают. Конечно, никто не хочет никому помогать, все только играют.

Плюк в ярости выхватил из рук у господина Ручки топор и стал рубить ежевичный куст.

— Эй-эй! Ты что это делаешь! — завопил господин Ручка. — Ну-ка немедленно прекрати!

Он попытался отобрать у Плюка топор, но Плюк оттолкнул его. Он рубил и рубил, пока куст не стал наклоняться.

— Помогите! — закричал господин Ручка. — Этот мальчик рубит наш куст!

Пожарные оглянулись на минуту, засмеялись и сказали:

— Да ладно, пусть себе рубит, он же просто играет. Как и все.

Плюк замахнулся топором ещё раз, и бам... Куст упал на землю. Плюк протаскил его за собой по дорожке и бросил в костёр.

— Какой ужас! Какая жалость! — застонал господин Ручка. — Что же ты натворил, Плюк!

Но пламя уже взметнулось высоко-высоко и окрасилось странным цветом, стало сине-зелёным. Было очень красиво, и со всех сторон посмотреть на него сбегались люди. В конце концов у костра собрались все горожане. Они перестали играть и смотрели на костёр до тех пор, пока от него не осталась только кучка пепла и несколько чёрных головёшек.

Все люди молчали и выглядели немного смущёнными. Никто больше не визжал и не кричал. И играть все тоже перестали.

Первым заговорил доктор. Ему вдруг стало стыдно, и он сказал:

— Я весь день играл и забыл про моих пациентов. Как ужасно!

— А мне срочно нужно в Петтэфлет! — закричал водопроводчик. — Я чувствую, там прорвало трубу!

— Батюшки мои! — всплеснул руками пекарь. — На целый день все остались без хлеба! Какой же я идиот! Помчался играть, когда у меня столько работы!

И он со всех ног побежал к себе в булочную.

Уже через час всё стало как раньше. Тётушка Тоша лежала в постели с чашечкой чая, и нога у неё была аккуратно забинтована новым бинтом. Водопровод был отремонтирован, а полы чисто вымыты. Магазины снова открылись. Только школы были закрыты, но это потому, что было уже четыре часа. А в такое время школы как раз закрываются.

Господин Ручка стоял за прилавком в своём магазинчике и приговаривал:

— Какой ты молодец, Плюк! Ты правильно поступил! Но об одном я жалею... Нам надо было оставить росточек от того куста. Посадить в цветочный горшок. Потому что теперь вся волшебная ежевика исчезла, а ведь никогда не знаешь, когда она снова может понадобиться.

Джем

После того как Плюк срубил ежевичный куст, всё пошло как обычно. Взрослые каждый день работали и больше не играли. Плюк немного заскучал, ему очень захотелось узнать, не вернулась ли Ахонька.

Плюк позвонил в дверь к госпоже Чистотюлиной на девятнадцатом этаже. Ему было страшновато, потому что он побаивался госпожи Чистотюлиной.

Но она открыла дверь и тут же сказала:

— Заходи, Плюк, ты мне сейчас можешь.

Плюк увидел в прихожей большой старомодный детский манеж.

— Его надо перетащить в гостиную, — сказала госпожа Чистотюлина. — Помоги-ка мне, а то у меня что-то разболелась спина.

Плюк помог ей перетащить манеж и, когда они поставили его в гостиной, спросил госпожу Чистотюлину:

— У вас в доме малыш?

— Малыш? Нет, это для Ахоньки. Она сегодня возвращается домой.

— Для Ахоньки? — воскликнул Плюк. — Вы хотите посадить Ахоньку в манеж? Но ведь она давно не младенец!

— Да, — согласилась госпожа Чистотюлина. — Но посмотри, я ведь вымыла весь дом. Я побелила все стены. А если Ахонька будет просто так тут разгуливать, она опять всё перепачкает. Поэтому она будет сидеть в манеже. Дам ей погремушку, это весело!

Плюк побагровел от злости. Он совершенно позабыл, что боялся госпожу Чистотюлину, и выпалил:

— Это ужасно!

Госпожа Чистотюлина оглядела его своим холодным взглядом.

— А разве тебя это касается? — спросила она. — И отправляйся к себе домой, у меня нет времени тебя слушать, я готовлю джем. Я уже сварила пятьдесят четыре банки ежевичного джема, можешь себе представить, как я занята!

И она вытолкала Плюка за дверь.

Плюк в растерянности отправился вниз, чтобы рассказать обо всём господину Ручке.

— В детский манеж! — закончил он свой рассказ. — Ведь так же нельзя! Сажать в манеж такую большую девочку!

— Возмутительно! — воскликнул господин Ручка. — Но скажи-ка, Ахонька всё это время была на море?

— Да, с семейством Топотушкиных. И там она была свободной как птичка. А теперь её посадят в манеж!

— А что ты только что упомянул про джем? — спросил господин Ручка. — Ты ведь сказал что-то про ежевичный джем?

— Она похвасталась, что сварила ежевичный джем. Пятьдесят четыре банки.

— Так-так... — пробормотал господин Ручка. — А где она взяла ежевику?

— Я не знаю, — сказал Плюк. — Она вытолкала меня за дверь. Не могли бы вы сходить к ней, ну пожалуйста. И сказать, что это подло и гадко, так поступать с Ахонькой.

Плюк даже стал заикаться, так сильно он разозлился.

— Так-так... — сказал господин Ручка. — Я на самом деле тоже немного боюсь госпожу Чистотюлину. Знаешь что, давай сходим вместе. Ты постоишь в коридоре и подождёшь меня!

Они поднялись на лифте наверх, и господин Ручка позвонил в дверь, пока Плюк стоял в сторонке.

Когда госпожа Чистотюлина открыла дверь, господин Ручка смело шагнул через порог и напрямик направился в гостиную. Там стоял манеж.

— Я слышал, ваша дочурка сегодня возвращается домой, — сказал господин Ручка.

— Верно, — сказала госпожа Чистотюлина. — Видите, для неё уже приготовлен манеж. А я сейчас ужасно занята и поэтому никак не могу предложить вам кофе. Я побелила все стены, и у меня страшно болит спина! А ведь я ещё и джем сварила!

Господин Ручка заглянул ей через плечо на кухню. Там длинными рядами выстроились банки.

— Ежевичный? — спросил он.

— Ровно пятьдесят четыре банки ежевичного джема, — гордо произнесла госпожа Чистотюлина и повела господина Ручку на кухню.

— У меня даже банок не хватило, — сказала она. — Осталась ещё целая кастрюля джема.

— А где вы купили ежевику? — поинтересовался господин Ручка.

— Я её не покупала, — ответила госпожа Чистотюлина. — Её можно было просто сорвать. В парке. Там её целый куст. Я ходила туда-сюда с корзинкой.

— А джем не горьковат? — спросил господин Ручка.

— Признаться честно, я его ещё не пробовала, — сказала госпожа Чистотюлина. — Я же была страшно занята.

— Ежевичный джем — прекрасное средство от боли в спине, — сказал господин Ручка. — Вам ведь это известно?

— Правда?

— Конечно! Все доктора его советуют. На вашем месте я бы съел пару ложечек.

Госпожа Чистотюлина засомневалась.

— Ну ладно, — наконец сказала она, зачерпнула большую ложку джема и отправила в рот.

— М-м-м-м... Божественно, — промычала она. — И совсем не горчит. Хотите попробовать?

— Благодарю вас, я только что позавтракал, — ответил господин Ручка.

— Как хотите, — сказала госпожа Чистотюлина. — Ну что ж, вы сами видите, как я занята. Спасибо, что зашли. И до свидания!

Она открыла дверь, и господин Ручка не успел ничего сообщить, как уже оказался на лестнице.

Плюк всё это время ждал его.

— Ну что? — спросил он. — Вы как следует с ней поговорили?

— Нет, — растерянно сказал господин Ручка. — Нет, у меня ничего не вышло. Она выставила меня за дверь.

— Давайте позвоним ещё раз, — предложил Плюк. — И вместе всё скажем.

— Мне страшно, — сказал господин Ручка. — Это ужасно странно, но я так её боюсь!

— Я тоже, — сказал Плюк. — Но если я очень сильно злюсь, то забываю, что мне страшно.

И нажал на кнопку звонка. Дверь никто не открыл.

Они позвонили ещё раз. Ничего не произошло. Они ждали очень-очень долго. Потом снова нажали на звонок. И ещё раз.

— Она ведь не могла заболеть... так неожиданно? — встревоженно спросил господин Ручка.

— Дверь незаперта, — сказал Плюк. — Мы можем просто открыть её и войти.

— Это, конечно, наглость, — сказал господин Ручка. — Но давай! Они вошли в квартиру. И прошли в гостиную. А там они остановились. И онемели от удивления.

Госпожа Чистотюлина сидела в детском манеже. И играла с погремушкой. И верещала как младенец.

— Вам нехорошо? — забеспокоился господин Ручка.

— Та-та-та! — радостно закричала госпожа Чистотюлина и выкинула из манежа плюшевого зайца.

— Батюшки мои! — прошептал господин Ручка. — Она съела слишком много джема!

Он потащил Плюка за собой на кухню. Все банки были на месте, но кастрюля опустела.

— Целая кастрюля ежевичного джема... — произнёс господин Ручка. — А от этой ежевики начинают играть, ты сам знаешь. Но она слопала почти килограмм! Это же слишком много... И теперь она играет в манежике. Как младенец!

— Да-да-да! — заверещала госпожа Чистотюлина.

— Какой кошмар! — сказал господин Ручка. — И что нам теперь делать? Сегодня домой вернётся Ахонька! И обнаружит свою маму в манеже! Нет, Плюк, и доктор здесь не поможет. Думаю, джем должен перевариться. Пойдём на улицу, нам надо спокойно поразмышлять.

Когда они вышли от госпожи Чистотюлиной на открытую галерею, к ним прилетела Долли.

— Я её видела! — закричала она.

— Кого ты видела?

— Ахоньку! И всё семейство Топотушкиных. Папу Топотушкина и шестерых маленьких Топотунчиков! Они едут сюда на автобусе! И через десять минут будут дома.

Господин Ручка помчался к лифту и потащил за собой Плюка.

— Скорей, скорей! — кричал он. — Мы должны задержать Ахоньку! Ей нельзя сейчас к маме... Она может сильно напугаться!

Ахонька возвращается домой

Плюк и господин Ручка стояли на крыльце Петтэфлета. Они ждали автобуса из Приморска, на котором должны были приехать Топотушкины и Ахонька.

— Не забудь, Плюк, — повторял господин Ручка. — Ахоньку ни в коем случае нельзя пускать к маме. Нам надо её задержать. Только представь себе, если она зайдёт домой... И обнаружит свою маму в детском манеже. С погремушкой.

— Но как нам задержать Ахоньку? — спросил Плюк. — Она наверняка захочет домой. И что мы ей скажем?

Господин Ручка не успел ничего ответить. Послышался громкий гудок, и подъехал автобус. Он остановился прямо у входа в Петтэфлет, и двери открылись. Оттуда с визгом и весёлыми криками высыпались шестеро Топотунчиков. За ними вышли папа Топотушкин и Ахонька. Все они выглядели отдохнувшими и прекрасно загорели. Ахонька поправилась и весело смеялась.

— Привет! — завопили Топотунчики. — Мы вернулись.

— Как же долго вас не было! — закричал Плюк.

— Шесть недель, — сказал папа Топотушкин. — И всё это время у нас на море стояла прекрасная погода! Но всё равно мы рады, что вернулись.

— Я тоже рада, — сказала Ахонька. — Сейчас же побегу к моей маме.

— погоди, Ахонька, — сказал господин Ручка. — Не надо так торопиться, подожди немного...

Ахонька посмотрела на него немного удивлённо и спросила:

— А почему я должна ждать?

— Тебе нельзя к маме, — сказал господин Ручка очень взволнованно.

— Почему? — спросила Ахонька. — Что-нибудь случилось? Она заболела?

— Скорей всего, — сказал господин Ручка. — Да, я думаю, так и есть.

Тут в разговор вмешались Топотушкины.

— Бедная девочка! — закричал папа Топотушкин. — Если твоя мама больна, ты можешь пожить у нас.

— Пойдём к нам домой! — завопили маленькие Топотунчики. — Будет так весело!

Но Ахонька не стала никого слушать. Она проскользнула мимо Плюка и помчалась в Петтэфлет.

— Держите её! — крикнул господин Ручка.

Плюк кинулся догонять Ахоньку, но не успел, она уже забежала в лифт. Прямо перед носом Плюка двери закрылись, и лифт стал подниматься наверх.

— Ну вот, пожалуйста! — запричитал господин Ручка. — Теперь она увидит свою маму в манеже для малышей.

— Что? О чём вы говорите? — удивился папа Топотушкин.

— Нужно её догнать! Я не буду ждать лифта! Побегу по лестнице! — крикнул Плюк и побежал наверх, а вслед за ним помчались все Топотунчики.

Им нужно было подняться на девятнадцатый этаж — а это значит, пробежать тридцать восемь лестниц! И когда они наконец добрались туда, то столкнулись нос к носу с господином Ручкой и папой Топотушкиным, которые дождались лифта.

По дороге господин Ручка рассказал, что же произошло, но папа Топотушкин всё равно не мог ничего понять.

— Съела слишком много джема? Но ведь от этого не становятся младенцами?

— Я потом вам всё объясню, — пообещал господин Ручка. — Но сначала давайте поможем Ахоньке и успокоим её. Бедная крошка!

Все собрались у двери Ахоньки. Им пришлось позвонить, потому что дверь была заперта. Прошло очень много времени. Никто не открывал.

Господин Ручка тихонько постанывал и причитал:

— Ах, бедная детка! Боюсь, она окаменела от страха!

Но тут дверь открылась. На пороге стояла Ахонька, весёлая и сияющая.

— Заходите, — пригласила она. — Вы все поможете нам рисовать!

Все зашли в квартиру. Господин Ручка, Плюк и семейство Топотушкиных.

За Ахонькой они прошли в гостиную. Там госпожа Чистотюлина рисовала прямо на только что побелённой стене!

— Привет! — закричала она. — Заходите все, берите фломастеры и давайте с нами!

Маленькие Топотунчики набросились на коробку с фломастерами. Они выбрали самые красивые цвета и стали рисовать смешных человечков. Плюк тоже присоединился к ним, а папа Топотушкин сказал господину Ручке:

— Она непохожа на младенца! Скорее на школьницу!

— Да-да, — шепнул господин Ручка. — За один час она подросла. То есть, я имею в виду, она выросла из младенца в школьницу. Вот это да! До чего странно!

Когда все стены были покрыты самыми невероятными рисунками, госпожа Чистотюлина рассмеялась, села и сказала:

— Ребята, как же я устала! Как насчёт вкусных бутербродов? У меня есть потрясающий ежевичный джем!

— Ура! — закричали Топотунчики и Ахонька.

Они все кинулись было на кухню, но господин Ручка закричал:

— Стоп! Остановитесь!

Все испуганно замолчали.

— Дорогая госпожа Чистотюлина, — очень вежливо сказал господин Ручка. — Я должен вам кое-что объяснить. Джем, который вы приготовили, это ежевичный джем. А ежевика замечательная ягода, но она может быть опасной, если её съесть слишком много.

— Да ладно вам! — весело воскликнула госпожа Чистотюлина. — Я съела почти килограмм и никогда ещё не чувствовала себя так прекрасно!

— Так и есть! — сказал господин Ручка. — Но расскажите нам, госпожа Чистотюлина, что вы стали делать, когда съели весь тот джем? Расскажите нам подробно, чем вы занимались?

Госпожа Чистотюлина задумалась и покачала головой.

— Я этого не помню, — сказала она. — Помню только, что увидела цветной мелок и стала рисовать.

— Не могли бы вы вспомнить, когда вы ели джем? — спросил господин Ручка. — Это было вчера? Или сегодня утром? Или час назад?

Госпожа Чистотюлина потёрла лоб и ответила немного растерянно:

— Не знаю... Как странно! Я забыла. Такое впечатление, что я некоторое время была без сознания.

— Вот об этом я и говорю, — сказал господин Ручка. — И хочу дать вам один совет. Ешьте каждый день по одной ложечке джема. По одной чайной ложечке, не больше. Приберегите джем для себя. Ахоньке такой джем ни к чему.

— Я буду есть каждый день по ложечке, — ответила госпожа Чистотюлина. — Я обещаю. А сейчас давайте приготовим много всего вкусенького!

И день превратился в весёлый праздник. Они играли в самые разные игры, пока все не устали и не захотели спать. Топотушкины отправились к себе домой, господин Ручка пошёл в свой магазинчик, а Плюк — в комнатку в башне.

На следующее утро к нему в гости пришла Ахонька.

— Как дела у твоей мамы? — спросил Плюк.

— Очень хорошо, — сказала Ахонька. — Плюк, она так изменилась! Она ведь всегда была очень строгой. И такой аккуратной. И ничего нельзя было пачкать... И мне никогда ничего не разрешалось. И теперь всё по-другому. Она играет вместе со мной.

— Но ведь не целыми днями? Не всё время? — спросил Плюк.

— Нет, она делает и другие обычные дела, пылесосит и моет посуду. Но когда она заканчивает, мы вместе играем в куклы. Или выдуваем мыльные пузыри. А комната стала такой красивой с нашими рисунками.

— Главное, чтобы она каждый день ела по ложечке джема, — сказал Плюк. — Тогда всё так и будет.

— Я позабочусь, чтобы она про него не забывала, — пообещала Ахонька. — Но я немного боюсь... Что нам делать, когда джем кончится?

— Там же пятьдесят четыре банки, — успокоил её Плюк. — Каждый день по маленькой чайной ложечке, — когда джем закончится, ты уже вырастешь.

— Правда! — обрадовалась Ахонька. — А там мы посмотрим, что будем делать?

— А там посмотрим, — сказал Плюк.

Кудряист

Тараканиха Заза была не очень разговорчивой. Чаще всего она просто тихо сидела в уголке и грызла яблочную кожуру. Но однажды она сказала:

— Послушай, Плюк, а кто же вылупился из того яйца?

— Из какого яйца? — спросил Плюк.

— Когда ты вернулся из Приморска, ты привёз большое оранжевое яйцо, — напомнила Заза. — Ты забыл?

— Точно! — воскликнул Плюк. — Так и есть. Я про него забыл. Я отдал его господину и госпоже Стуже, чтобы его высидеть. Хорошо, что напомнила, Заза. Сейчас же пойду спрошу, что у них получилось.

Когда Плюк позвонил в дверь, ему открыла госпожа Стужа. Она увидела Плюка и сильно побледнела.

— Я знаю, зачем ты пришёл. Ты хочешь спросить про кудряиста, — тут же сказала она.

— Я хотел спросить про яйцо, — сказал Плюк.

— Именно так, — кивнула она. — Об этом я и говорю. Мы высидели его в нашей постели, ты помнишь? Под нашим электрическим одеялом. С ним было столько возни, нам приходилось несколько недель спать совсем с краю, чтобы не раздавить яйцо. Но в конце концов из него вылупился птенчик. Кудряист.

— Что такое кудряист? — не понял Плюк.

— Это очень редкая птица, — объяснила госпожа Стужа. — Вместо перьев у него волосы. И он вырастает до невероятных размеров. Сначала мы держали его в клетке, но он из неё вырос. Тогда мы выпустили его гулять по комнате, но он стал биться головой о потолок. И тогда мы пустили его на балкон. И сказали: «Лети, бедная птичка!»

— И он улетел? — спросил Плюк.

— Если бы, — вздохнула госпожа Стужа. — Нет, летать он не умел. Может, из-за того, что у него не было перьев, а были лишь волосы и кудряшки. Мы тогда даже не знали, как он называется. Но однажды к нам пришёл один господин. Он спросил, нельзя ли увидеть нашу странную птицу. И тут же сказал: «Так это же кудряист!» А потом попросил нас отдать птицу ему. Он сказал, у него большая коллекция птиц.

— И что потом? — спросил Плюк.

Госпоже Стуже стало трудно говорить. Она взяла носовой платок и всхлипнула.

— Да расскажите же, что случилось?

— Мы думали, — продолжила госпожа Стужа глухим голосом, — что нашей птице будет хорошо там с другими птицами. И через несколько дней мы отправились посмотреть, как поживает наш кудряист. Но там... — И она заплакала ещё сильнее.

Плюк терпеливо ждал.

— Там мы увидели, что это музей, — сказала госпожа Стужа. — Тот господин был директором музея. Музея птиц. Где выставлены только чучела.

— Чучела птиц? — закричал Плюк. — То есть, они все были мёртвые? И из кудряиста тоже сделали чучело?

— Да, — вздохнула госпожа Стужа. — Все птицы там были неживые. Набитые опилками. И вместо глаз у них стеклянные бусины. Мы увидели там нашего кудряиста и немедленно убежали оттуда. Вот и всё. Мы так жалеем, что отдали ему нашу птичку, но тот господин казался таким приличным. Его зовут господин Шмяк, и мы так злы на него! Мы просто в ярости! Но теперь уже ничего не поделаешь...

— А где этот музей? — спросил Плюк. — Я хочу сходить посмотреть.

— На Зелёной площади, — сказала госпожа Стужа. — Ах, Плюк. Он был такой милый. Он не пел, а только кричал всё время: «Пр-р-р... Та-ли-лу!» Такой приятный звук. А теперь его больше нет.

Плюк попрощался и поехал на Зелёную площадь. На одном большом старинном здании было написано: «Музей птиц».

Внутри царили полумрак и мёртвая тишина. И стоял затхлый запах. В конторе за стеклянными стенами сидел какой-то господин в белом халате. Возможно, это и был директор музея, господин

Шмяк. Плюк прошёл в зал. Повсюду в витринах были выставлены чучела птиц, неподвижно застывшие, со стеклянными глазами. То там, то тут виднелись птичьи скелеты. В одном углу стояла огромная клетка, а в ней — очень крупная птица. На табличке было написано: «Кудряист».

Сначала Плюк как следует его рассмотрел.

— Как ужасно, — пробормотал он. — Убить такую красивую птицу, чтобы сделать чучело. И вставить ей стеклянные глазки.

Плюк стал разглядывать глаза кудряиста. И, к своему огромному удивлению, он обнаружил, что они вовсе не стеклянные. Они смотрели на него и блестели. Они были живые!

— Эй, — тихонько позвал Плюк. — Я думаю, ты вовсе не мёртвый.

Птица не издала ни звука и не пошевелилась. Кудряист стоял так же неподвижно, как и другие птицы, но только его глаза смотрели на Плюка немного печально.

— Бедняга кудряист, — сказал Плюк. — Хочешь, мы придём и освободим тебя? У меня очень много друзей, ты только подожди, мы обязательно за тобой придём!

И тут птица зашевелилась. Кудряист расправил крылья, разинул клюв и закричал:

— Пр-р-р! Та-ли-лу!

Крик эхом разнёсся по всему музею. Плюк ужасно испугался и отошёл в сторонку, в тёмный уголок, потому что из своей конторы тут же выбежал директор. За ним бежал его помощник, тоже в белом халате.

Возле клетки они остановились.

— Господин Питерсен! — строго сказал директор. — Из кудряиста до сих пор не сделали чучело! А вы сами только что слышали, эта птица вопит не своим голосом! Подобное тут у нас недопустимо. Почему вы до сих пор его не выпотрошили?

— Я собирался сделать это сегодня утром, — ответил помощник. — Но у меня было так много дел. И я подумал: да ладно, эта птица такая тихая, никто и не заметит, что она ещё живая.

— Вы должны сделать это немедленно, — велел директор. — Запомните это, господин Питерсен!

— Будет сделано, господин Шмяк, — ответил господин Питерсен. — Я займусь им завтра же с утра, у меня как раз будет время.

Они вернулись в контору, а Плюк вышел из своего укрытия. Он больше не решался заговорить с бедным кудряистом, потому что боялся, как бы тот не закричал снова. Быстро и незаметно Плюк выбежал из музея, сел в свою машинку и уехал.

Весь красный от негодования, Плюк примчался в магазинчик господина Ручки.

Когда он рассказал всё, что произошло, господин Ручка заметил:

— Ты прав, мы должны что-то предпринять.

— И как можно скорее! — закричал Плюк. — Надо пробраться в музей сегодня ночью!

— А если они сделают из кудряиста чучело уже сегодня? — предположил господин Ручка. — Тогда мы опоздаем. Надо спокойно всё обдумать.

Господин Ручка закрыл глаза и задумался. Наконец он сказал:

— У меня есть идея. Ведь Топотушкины согласятся нам помочь, как ты считаешь?

— Конечно! — воскликнул Плюк.

— И Ахонька тоже?

— Даже не сомневайтесь!

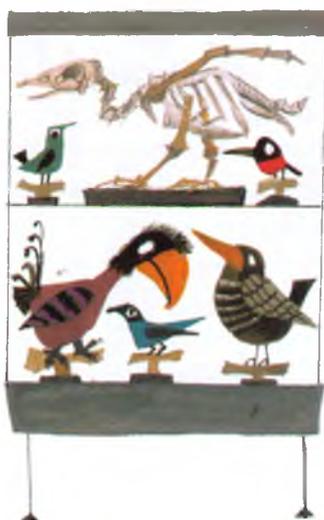
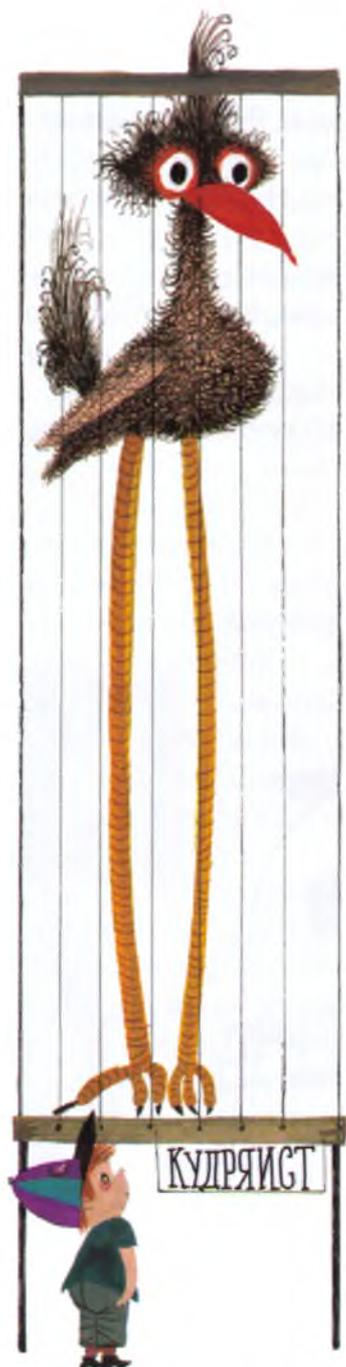
— А мне нужно арендовать небольшой фургончик, — добавил господин Ручка. — Попрошу у соседей в цветочном магазине, они наверняка дадут мне машину на часок-другой.

— Но что мы будем делать? — закричал Плюк от нетерпения.

— Ещё мне понадобится парик, — задумчиво добавил господин Ручка. — И усы. И большие солнцезащитные очки. Пойдём, Плюк, нужно немедленно приниматься за дело.

— Но что же мы будем делать? — завопил Плюк.

— Увидишь, — только и ответил господин Ручка.

Хитрый план

Музей птиц стоял на Зелёной площади. Он весь был забит чучелами, но среди них была одна-единственная живая птица. Это был кудряист. Только и ему оставалось жить совсем недолго... Скоро из него тоже собирались сделать чучело.

На площади перед музеем стояло много машин. Они выстроились целыми рядами. Среди них был фургончик из цветочного магазина.

В здание музея зашёл какой-то человек. Судя по всему, это был фотограф. У него были длинные волосы, большие усы и огромные солнцезащитные очки. Держа в руке фотоаппарат, он постучал в стеклянную стенку кабинета директора музея.

— Здравствуйте, господин Шмяк! — сказал фотограф. — Я корреспондент «Глянцевого журнала для дам». Это такой популярный журнал, вы наверняка его знаете. Мне бы хотелось сделать несколько фотографий.

— Конечно-конечно, — сказал директор. — У нас есть великолепные чучела. Прошу вас, пожалуйста!

— Я слышал, у вас есть настоящий кудряист, — сказал фотограф. — Можно мне сфотографировать его?

— Разумеется. Пойдёмте со мной.

И господин Шмяк повёл фотографа к высокой клетке.

— Какое прекрасное чучело, — сказал фотограф. — Выглядит прямо как живой.

— А он на самом деле живой, — признался директор. — Его давно надо было выпотрошить, но у нас тут... совсем нет времени... и так не хватает персонала!

— Если бы вы встали у клетки, — попросил фотограф, — тогда я смог бы сфотографировать вас с птицей.

— С удовольствием! — довольно сказал директор и встал у клетки.

— Ой, как здесь темно! — поморщился фотограф. — Лучше бы нам сделать снимок на улице. Представьте, вы с кудряистом на ступеньках музея.

— Ну... — засомневался директор. — Это немного сложно... Придётся тащить эту здоровенную клетку.

— А если мы поставим птицу на ступеньки просто так, без клетки? Она ведь не улетит?

— Нет, не улетит, кудряисты не умеют летать. Но вот убежать он может...

— А мы проследим, чтобы он не убежал, — заверил его фотограф.

Директор открыл клетку. Несчастный кудряист смотрел очень испуганно и даже не пошевелился. На улицу его пришлось нести на руках.

Но вот наконец его поставили на ступеньку, а директор встал рядом.

— Великолепно! — воскликнул фотограф. — Так и стойте! Какой свет! А какой цвет!

На площади остановились дети и стали смотреть, как делают фотографию. Хорошенько присмотревшись, можно было увидеть, что это были Топотунчики. Где-то среди них был и Плюк, а чуть подальше стояла Ахонька. Но со стороны они были похожи на случайных прохожих.

— Вот-вот, хорошо! — радостно кричал фотограф. — Это будет блестящий снимок! А теперь мне бы хотелось сфотографировать вас одного, господин Шмяк. Вы ведь так популярны и даже знамениты! Если бы вы могли встать во-он там... Да-да, и посмотреть наверх!

Господин Шмяк встал туда, куда показал фотограф. И послушно усталился наверх.

— А теперь улыбочку! — крикнул фотограф. — Да-да! Прекрасно! И ещё разок! Я сделаю серию снимков! Вас напечатают в «Глянцевом журнале для дам»!

Директор терпеливо позировал и улыбался, пока фотограф не сделал последний снимок и не сказал:

— Большое вам спасибо, господин директор, это всё!

И в этот момент все дети вдруг начали кричать и визжать.

Директор немедленно обернулся, но кудряист уже исчез. На ступеньке никого больше не было.

— Туда! Он побежал в тот переулок! — закричал маленький мальчик и показал пальцем.

— Да, мы видели, он побежал туда! — подхватили другие дети и все показали в одну сторону.

Директор не стал медлить ни секунды. Он сорвался с места, протиснулся между машинами и помчался в переулок. Там тоже стояло очень много припаркованных машин и грузовиков. Господин Шмяк споткнулся об урну с мусором и полетел на мостовую. Ба-бамс, прямо носом в ошмётки и очистки.

Директор музея птиц со стоном поднялся и побежал дальше. На бегу он спрашивал всех прохожих:

— Вы не видели птицу? В тот дом не забегала птица? Вы не видели очень большую птицу?

Люди смотрели на него удивлённо и все качали головой. И нигде, нигде не было видно кудряиста.

Господин Шмяк стал звонить в двери, но кудряиста никто не видел. В конце концов он отчаялся и вернулся в музей.

Фотографа уже не было. Дети тоже разбежались. И фургончик из цветочного магазина уехал. Но директору было всё равно. Он вбежал в здание музея и, тяжело дыша, стал набирать в своём кабинете номер полиции.

— У вас сбежала птица? — переспросил полицейский на том конце провода.

— Редкий кудряист! — закричал господин Шмяк. — Сбежал!

А в это время фургончик был уже далеко. За рулём сидел папа Топотушкин, а в кузове были фотограф, Плюк и кудряист. Бедной птице пришлось сложиться почти пополам. Фотограф снял парик, отклеил усы и сказал:

— Ну что? Здорово мы всё провернули?

— Просто замечательно, господин Ручка! — воскликнул Плюк.

У Петтэфлета они остановились, чтобы дожидаться Топотунчиков и Ахоньку, которые уже бежали с площади у музея.

— Вот они! — закричал Плюк.

Все ликовали.

— Классно получилось, да? — вопили маленькие Топотунчики.

— Он ни о чём не догадался! — смеялась Ахонька.

— Т-с-с-с... — прижал к губам палец господин Ручка. — Не так громко. Вдруг кто услышит. Ребята, нам надо решить, что делать с кудряистом.

— Возьмём к нам домой! — завопили Топотунчики.

— Нет, — сказал господин Ручка. — Это слишком опасно. Он так кричит! Я думаю, нам надо на время отвезти его ко мне на склад за магазином. Там его никто не увидит и не услышит.

— А почему мы просто не отпустим его лететь, куда ему захочется? — спросил папа Топотушкин.

— Бедолага не умеет летать, в этом всё и дело. А если мы просто отпустим его бродить по городу, его немедленно схватят и отправят обратно в музей.

— Вытащим его из фургона и отнесём на склад, — сказал Плюк. — Но надо выбрать момент, когда рядом никого не будет.

Такого момента пришлось дожидаться довольно долго. То и дело мимо проходили прохожие, и Плюк ужасно боялся, что они увидят хохолок и ноги кудряиста, торчащие из фургончика. Но, к счастью, все быстро проходили мимо, не глядя по сторонам. Наконец Плюк скомандовал:

— Можно! Давайте!

Молниеносно шестеро Топотунчиков вытащили кудряиста из фургона и занесли в магазин. Их никто не увидел. Кудряиста разместили на складе, где ему поставили мисочку с едой и воду.

Когда позже в этот день Плюк включил радио, он услышал полицейское сообщение:

— Из музея птиц сбежал так называемый кудряист. У птицы волосы вместо перьев, и она громко кричит: «Пр-р-р! Та-ли-лу!» Нашедшему птицу обещано большое вознаграждение.

— Ой-ой-ой! — воскликнул Плюк. — Ты слышала? — спросил он тараканиху Зазу.

— Слышала, — ответила Заза. — Я бы на вашем месте отвезла эту птицу подальше за город и выпустила где-нибудь на лугу. Иначе его наверняка кто-нибудь найдёт!

— Ты опять думаешь о грустном, — сказал Плюк, хотя и сам он в тот момент очень беспокоился.

Пр-р-р! Та-ли-лу!

Кудряист жил на складе у господина Ручки. Время от времени он издавал пронзительный крик. Если дверь на складе была плотно закрыта, его никто не слышал. Поэтому все старались как следует её закрывать.

Как-то раз в магазин зашла маленькая девочка.

Её звали Лизавета, и она пришла купить коробку цветных мелков.

И именно в тот момент, когда она заплатила за мелки и уже собиралась уходить из магазина, со склада вышел Плюк, который кормил там кудряиста. Дверь была открыта всего несколько секунд, но именно в это время кудряист крикнул: «Прр-р-р! Та-ли-лу!»

Плюк быстро закрыл дверь у себя за спиной. Лизавета вышла из магазина, а господин Ручка сердито сказал:

— Ты поступил ужасно глупо, Плюк! Надо же было сначала послушать, нет ли кого в магазине. Теперь эта девочка наверняка всё услышала.

— Да, я очень сглупил... — сказал Плюк. — Но она ведь совсем маленькая и не сделает ничего плохого. Ну почему бы кудряисту не поддержать ключ на замке! Я всё время говорю ему: «Молчи!» Но он так рад, что его вызволили из музея, и то и дело вопит.

— Теперь этот ребёнок запросто нас выдаст, — волновался господин Ручка. — К нам придёт с обыском полиция, и что тогда? Нет, так дальше продолжаться не может. Но у меня есть одна идея.

Господин Ручка достал какой-то маленький аппарат.

— Диктофон? — удивился Плюк. — Что вы хотите с ним делать?

— Увидишь, — ответил господин Ручка. — Сходи на улицу, посмотри, не видно ли Толстой Долли. И если получится, разыщи ещё и чайку Карла.

Плюк выбежал на улицу. Долли он нашёл очень быстро, а вот Карла нигде не было.

— Сейчас я его найду, — сказала Долли.

Она улетела и вернулась минут через десять с Карлом, чайкой с деревянной ногой.

— Морской привет! — крикнул Карл. — Что тут у нас? Какие-нибудь интересные приключения?

— Вас зовёт господин Ручка, — сказал Плюк и впустил обеих птиц в магазин.

А сам вышел на тротуар, потому что там как раз проходила Лизавета с куклой в руках.

— Какая красивая у тебя кукла, — сказал Плюк.

— Мне купят ещё лучше, — ответила Лизавета. — Как только моя мама получит деньги за птицу.

Плюк даже побледнел от страха.

— Ты это о чём? — спросил он. — Что ещё за птица?

— Да тут сбежала одна птица, — сказала Лизавета. — И кто найдёт её, получит целую кучу денег. А я знаю, где эта птица. Там! — И она показала пальчиком на магазин господина Ручки.

— Да ладно, — сказал Плюк. — В том книжном магазине нет никаких птиц.

— Есть, — сказала Лизавета. — Я её слышала. Она кричит: «Пр-р-р! Та-ли-лу!» Я только что рассказала маме. А мама позвонила в полицию. И полиция теперь приедет обыскивать этот магазин.

Плюк чуть было не крикнул: «Ябеда-корябеда!» Но сдержался. И когда Лизавета поскакала дальше со своей куклой, он помчался в магазин господина Ручки и выпалил:

— Она нас выдала! Сюда едет полиция!

— Я так и знал! — закричал господин Ручка. — Ну конечно, та девочка! Вылетайте на улицу, — сказал он Долли и Карлу. — И спасибо за помощь.

Птицы улетели, а господин Ручка взял большой моток клейкой ленты и потащил Плюка за собой на склад.

— Надо замотать ему клюв, скорей, скорей! — сказал господин Ручка.

Они быстро обмотали клюв кудряиста клейкой лентой так плотно, чтобы он не смог издать ни звука.

Потом господин Ручка взял кудряиста и переставил его в тёмную нишу между двумя книжными полками.

— А теперь подай мне вон те два больших плаката, — велел он Плюку.

Плюк принёс плакаты. Они были просто огромные. Господин Ручка повесил их друг над другом перед нишей с кудряистом так, чтобы его совсем не было видно.

Теперь ничего нельзя было заподозрить. Только снизу торчали две большие лапы.

— С ними нам тоже надо что-то сделать, — задумался господин Ручка.

Но в этот момент они услышали, что в магазине открылась дверь.

Господин Ручка совершенно спокойно вышел в магазин. Там оказался полицейский.

— Вы господин Ручка? — спросил он. — До нас дошли сведения, что вы скрываете здесь сбежавшую птицу.

— Здесь? — удивился господин Ручка. — В этом магазине? Ну вы же сами видите, что это не так. Как люди до такого додумались?

— Кое-кто услышал, как эта птица кричала, — объяснил полицейский. — У этой птицы очень необычный крик, знаете ли. Звучит примерно так: «Пр-р-р! Та-ли-лу!» Сюда приходила одна маленькая девочка и услышала его. В связи с этим мне бы хотелось осмотреть помещение за магазином.

— Пожалуйста, сколько угодно, — с улыбкой ответил господин Ручка. — Но то, что слышала та девочка, — это всего-навсего запись на кассете.

— Что вы имеете в виду? — спросил полицейский.

— Это была кассета. Видите ли, я коллекционирую голоса птиц. Записываю их на диктофон. Не хотите прослушать?

Он включил диктофон. Кассета завертелась, и сначала раздались резкие крики чайки.

— Это была чайка, — пояснил господин Ручка. — Послушайте дальше.

— Курлы-курлы...

— Это голубь, — умильно сказал полицейский.

— Совершенно верно, — кивнул господин Ручка. — А теперь слушайте внимательно.

— Пр-р-р! Та-ли-лу! — раздался в магазине резкий крик.

— Вы слышали? — вежливо переспросил господин Ручка. — Вот то, что услышала девочка.

— Да, но... — сказал полицейский. — А где вы сделали эту запись? Вам же для этого нужна была сама птица!

— Так ведь он же был выставлен в музей! — сказал господин Ручка. — Я ходил туда на прошлой неделе. Я подумал, раз это музей птиц, там можно записать их голоса. Но, к сожалению, там оказались только чучела, а они, как вы сами понимаете, не издают ни звука. Только эта птица была живая. И я записал её крик на кассету.

— Ах, вот в чём дело, — сказал полицейский. — Значит, юная леди слышала только эту запись?

— Только запись, — подтвердил господин Ручка.

— Но я для порядка всё же взглянул бы на помещение, — сказал полицейский.

— Разумеется, — согласился господин Ручка и открыл дверь на склад.

За столиком перед плакатами что-то писал Плюк. Полицейский взглянул по сторонам. Потом он сказал:

— Всё в порядке, господин Ручка. Извините за беспокойство.

— Ничего страшного, — сказал господин Ручка и проводил полицейского до двери.

— Какая замечательная идея! — закричал Плюк, выбежав со склада. — Вы записали голоса Долли и Карла, а потом крик кудряиста!

— Да-да, — кивнул господин Ручка. — И вся история звучала очень правдиво, да? Но я боюсь теперь оставлять кудряиста здесь. Надо перевезти его в другое место, более безопасное. Туда, где его никто не услышит. Придумай что-нибудь, Плюк.

— А что вы скажете насчёт Голубинового леса? — задумчиво предложил Плюк.

— Совсем неплохо! — сказал господин Ручка. — Голубиный лес довольно далеко, за парком. Сегодня вечером, как стемнеет, мы отвезём туда кудряиста.

Вымершая птица

Плюк сидел у себя дома в башенке. Он ел бутерброд с шоколадной крошкой, а тараканиха Заза сидела рядом с ним на скатерти и всё время клянчила:

— Ну расскажи, Плюк, ну расскажи, что было потом...

— Рассказать тебе про кудряиста? — спросил Плюк. — Но тут и рассказывать нечего. Он теперь в Голубином лесу. Сегодня ночью мы его туда отвезли. Сейчас, наверное, цапля учит его летать.

— А если его найдут? — заволновалась Заза. — Если в Голубиный лес придут дети? Чужие дети? И увидят его? Или услышат?

— Он пообещал держать клюв на замке, — сказал Плюк. — Мы сказали ему: «Имей в виду, если ты только пикнешь, мы снова замотаем тебе клюв клейкой лентой». И он сразу замолчал, потому что не выносит клейкую ленту.

Тут кто-то громко стукнул в стекло.

— Чайка Карл! — закричала Заза. — Спрячь меня, Плюк! Скорей, я его боюсь!

Плюк накрыл Зазу стеклянным колпаком для сыра и впустил в комнату Карла на деревянной ноге.

— Морской привет! — сказал Карл. — Я прилетел за тобой, Плюк. Что-то у них там не ладится с уроками.

— Кудряист не может научиться летать? — спросил Плюк.

— Думаю, скорей не хочет, — сказал Карл. — Он стоит на пригорке, а цапля всё ему показывает. Все птицы собрались вокруг и кричат: «Давай-давай, кудряист!» И знаешь, что он им отвечает?

— Что же?

— Он говорит: «Если я и научусь летать, то куда мне лететь?»

— Но он может просто улететь. Куда угодно.

— Так мы ему и говорим. «Не будь слабаком! Как только научишься летать, можешь лететь куда угодно». А он снова твердит: «А куда это — куда угодно?» А мы ему отвечаем: «Это куда угодно!» А он опять говорит: «Но куда же это?»

— Да уж, так ничего не выйдет, — вздохнул Плюк.

— Вот именно, — сказал Карл. — Знаешь, что мне кажется? Кудряист ведь был в музее птиц. И на его клетке висела табличка: «Вымершая птица». И директор музея всё время повторял: «Кудряист — это вымершая птица». Ты понимаешь, Плюк, он и сам в это поверил. Он постоянно твердит: «Я вымершая птица».

— Но он ведь живой, — возразил Плюк.

— И мы ему об этом говорим. «Ты никакой не вымерший!» — кричим мы. Но он так упёрся: «Конечно, я вымерший, ведь во всём мире нет больше ни одного кудряиста».

— В самом деле? — спросил Плюк. — Думаешь, во всём мире и правда больше не существует кудряистов? Он последний?

— Я в это не верю, — сказал Карл. — Он ведь вылупился из яйца? Значит, у него, как и у всех, должны быть мама и папа. И возможно, у него были братики и сестрички. У меня есть идея, Плюк. Ну-ка, выпусти меня.

Плюк поспешил распахнуть для Карла окно, но успел спросить:

— Что за идея, Карл? Куда ты так заторопился?

— Возможно, меня не будет некоторое время, — сказал Карл. — Я полечу на поиски других кудряистов. Очень далеко! Пока, Плюк!

И с пронзительным криком Карл вылетел в окошко.

Плюк выпустил Зазу из заточения.

— Какое счастье, что он улетел, — вздохнула Заза. — Я так его боюсь. У него вечно такой голодный взгляд. Дай-ка мне яблочную кожуру, Плюк, мне надо успокоиться.

— Держи, — сказал Плюк. — А мне надо бежать. Поеду навещать кудряиста.

Он сел за руль подъёмного крана и поехал в Голубиный лес. По дороге, в парке, ему встретилась голубка Долли. И слово в слово повторила рассказ Карла. У кудряиста ничего не случилось.

— Я думаю, это из-за того, что у него волосы вместо перьев, — решила Долли. — А попробуй-ка, полетай без перьев!

— Я поеду посмотрю, — сказал Плюк.

На пригорке в Голубином лесу он сразу увидел беднягу кудряиста, окружённого множеством птиц.

Цапля снова и снова показывала ему, как нужно летать, но всё, что у него получалось, — только немножко махать крыльями.

— Может, посадить его повыше на дерево? — предложил Плюк. — Поднять моим краном? Тогда ему — хочешь не хочешь — придётся лететь.

Ох, нелёгким делом оказалось втащить кудряиста на дуб и усадить на ветку. Но когда всё получилось и бедолага стоял, покачиваясь из стороны в сторону, почти на самом верху, цапля строго крикнула:

— А теперь прыгай! Давай!

— Ты сможешь! — закричал Плюк. — Ну давай же!

Кудряист распрямылся, взмахнул своими большими волосатыми крыльями и громко закричал:

— Пр-р-р... Та-ли-лу!

После этого раздался хлопающий звук, а за ним глухой удар. Бух! Кудряист камнем свалился вниз.

Плюк помог ему подняться. К счастью, кудряист ничего себе не сломал.

— Ты ведь пообещал не издавать ни единого звука! — рассердился Плюк. — А сам снова закричал! Ужасно глупо! Ты должен держать клюв на замке. Ну давай попробуем ещё разок.

И снова кудряиста подняли на подъёмном кране и усадили на дерево. К этому времени слетелось ещё больше птиц, которым было любопытно посмотреть, что здесь происходит. Не только птицы, но и звери, живущие в Голубином лесу, собрались под дубом. Все были так увлечены, что никто не заметил маленькую девочку, которая пряталась за кустом. Это была Лизавета. Она видела, как Плюк на своей машинке поехал в Голубиный лес, и незаметно

прокралась за ним. В какой-то момент она потеряла его из виду, ведь Голубиный лес был очень большой, в нём было полно извилистых тропинок, и Лизавета даже испугалась, что может заблудиться. Но тут вдруг она услышала крик кудряиста.

— Этот слабак не хочет постараться! — язвила цапля. — Он всё может, просто не хочет!

— Попробуем ещё разок? — спросил Плюк.

Но кудряист посмотрел на него грустным взглядом и сказал:

— Да ладно. Всё равно я вымершая птица.

— Думаю, мне надо поговорить с господином Ручкой, — сказал Плюк. — Ты пока отдохни. Я быстро вернусь.

Он снова поехал через парк к магазину господина Ручки. Но девочки Лизаветы в тот момент в парке уже не было. Она уже примчалась к своей маме, чтобы рассказать о том, что она увидела и услышала.

Лизавета

Господин Шмяк, директор музея птиц, взволнованно кричал в телефонную трубку:

— Как вы сказали, мадам? Ваша дочь видела кудряиста? И где же?

Ему звонила мама Лизаветы.

— Ваш кудряист в Голубином лесу, — сказала она.

— А где это? — спросил господин Шмяк.

— Моя доченька покажет вам, как туда проехать. Приходите к парку. Она будет ждать вас там.

— Мы едем! — во всё горло завопил господин Шмяк.

Он позвал своего помощника и сказал:

— Господин Питерсен, кудряист нашёлся. Возьмите самую большую сетку. И заводите джип.

В Голубином лесу на пригорке кудряист по-прежнему пытался научиться летать. Цапля терпеливо показывала ему, что надо делать, но у него так ничего и не получалось. И каждый раз он растерянно повторял:

— Зачем мне это? Если я научусь летать, то куда мне лететь?

Остальные птицы уже теряли терпение и начинали злиться.

— Куда угодно! — кричали они. — Ты просто улетишь!

В это же время в магазинчике канцтоваров Плюк разговаривал с господином Ручкой.

— Мы должны перевезти кудряиста в безопасное место, — сказал Плюк. — В Голубином лесу слишком опасно. Не сегодня завтра его услышат какие-нибудь дети. А представьте себе, если его услышит эта противная Лизавета? Она ведь знает, что получит большое вознаграждение за поимку кудряиста.

— Ты прав, его нельзя оставлять там, — согласился господин Ручка. — Мы отвезём его на луг — сегодня, как только стемнеет. Далеко-далеко отсюда.

— Но ему там будет одиноко, — сказал Плюк. — И как он будет добывать себе еду...

Плюк не успел закончить фразу, как в магазин влетела взволнованная голубка Долли и закричала:

— Скорей! Кудряиста выдали! Они едут в Голубиный лес!

— Кто? — закричал господин Ручка.

— Те люди из музея и эта гадкая девчонка Лизавета! Едут на джипе!

Плюк уже выскочил на улицу и прыгнул за руль подъёмного крана. Никогда ещё он не ездил так быстро. В мгновение ока он оказался у пруда... Но было слишком поздно!

Со стороны Голубинового леса показался джип. Впереди сидели директор музея и его помощник, а на заднем сиденье в сетке лежал связанный кудряист. Рядом с ним сидела Лизавета. Задрав нос, она важно смотрела по сторонам и сделала вид, что не заметила Плюка.

Побагровев от злости, Плюк едва сдержался, чтобы не сказать очень плохое слово. Он развернул машину и поехал за джипом по всем улицам до самого музея. Когда они приехали, джип заехал в большие музейные ворота. Плюк быстро вышел из машины, но сторож музея закрыл ворота прямо у него перед носом.

— Пропустите меня! — потребовал Плюк.

— Музей сегодня закрыт, — сказал сторож. — Сегодня понедельник. Мы закрыты. У нас очень много работы с чучелами.

Плюк застонал. Они схватили бедного кудряиста! И теперь его убьют! И сделают из него чучело. И он ничем не мог помочь.

Тут на плечо к нему села птица. Это была Долли.

— Что нам делать, Долли? — всхлипнул Плюк. — Где они сейчас?

— Во дворе музея, — сказала Долли. — Я только что там пролетала. И видела его, нашего несчастного кудряиста, а рядом с ним двоих убийц.

— То есть они сейчас на улице? — спросил Плюк.

— Да, они во дворе, — сказала Долли. — Там нет крыши. Если бы кудряист умел летать, ему бы ничего не стоило улететь от них.

Тут ворота снова открылись, и на улицу вышла Лизавета с огромным леденцом. Она получила его в награду. Но крупное

вознаграждение ещё непременно выплатят, пообещал господин Шмяк. Завтра Лизаветиной маме отдадут деньги.

Плюк молча посмотрел на Лизавету, когда она проходила мимо. Она вдруг покраснела и быстро убежала, как будто испугалась.

— Пролети-ка ещё раз над двором, — попросил Плюк Долли. — Посмотри...

— Я боюсь, — сказала Долли. — Это очень страшно. Ох, Плюк, может, его уже убили...

Но кудряист был ещё жив. Он стоял в тёмном музейном дворе, сжавшись от страха, с перепутанными кудряшками и согнутым клювом. Рядом стоял директор и снимал с него сетку.

— Осторожней, — предупредил помощник. — Как бы он не улетел.

— Он не умеет летать, — сказал господин Шмяк. — Этот балбес? Да ни за что! Древний кудряист? Полетать ему уже не удастся.

Кудряист сжался ещё больше и весь задрожал.

— Так-так, — сказал директор. — Теперь нам нужно как можно скорее сделать из этой великолепной птицы чучело. Несите инструменты, господин Питерсен.

Помощник помчался в музей. Он вернулся с какими-то пузырьками и большим шприцем.

— Я его подержу, — сказал господин Шмяк.

Но в тот момент, когда он хотел схватить кудряиста за шею, над двориком раздался пронзительный крик:

— Эге-гей!

— Прогоните эту чайку! — велел директор. — Она нам мешает. Ай!

Он получил сильный удар по лицу. Крылья у Карла были жёсткие и крепкие.

Господин Шмяк замахал руками.

— Пошла прочь, мерзкая птица! — закричал он. — А не то сама станешь чучелом!

Он снова попытался ухватить кудряиста. Господин Питерсен уже приготовил шприц, но Карл кричал так пронзительно и так сильно бил крыльями, что директор с помощником вновь отступили.

— Послушай! — закричал Карл кудряисту. — Послушай, я нашёл их! Других кудряистов! Ты не один! Ты не вымершая птица! Твои мама и папа живут на Ленивом острове, далеко в море!

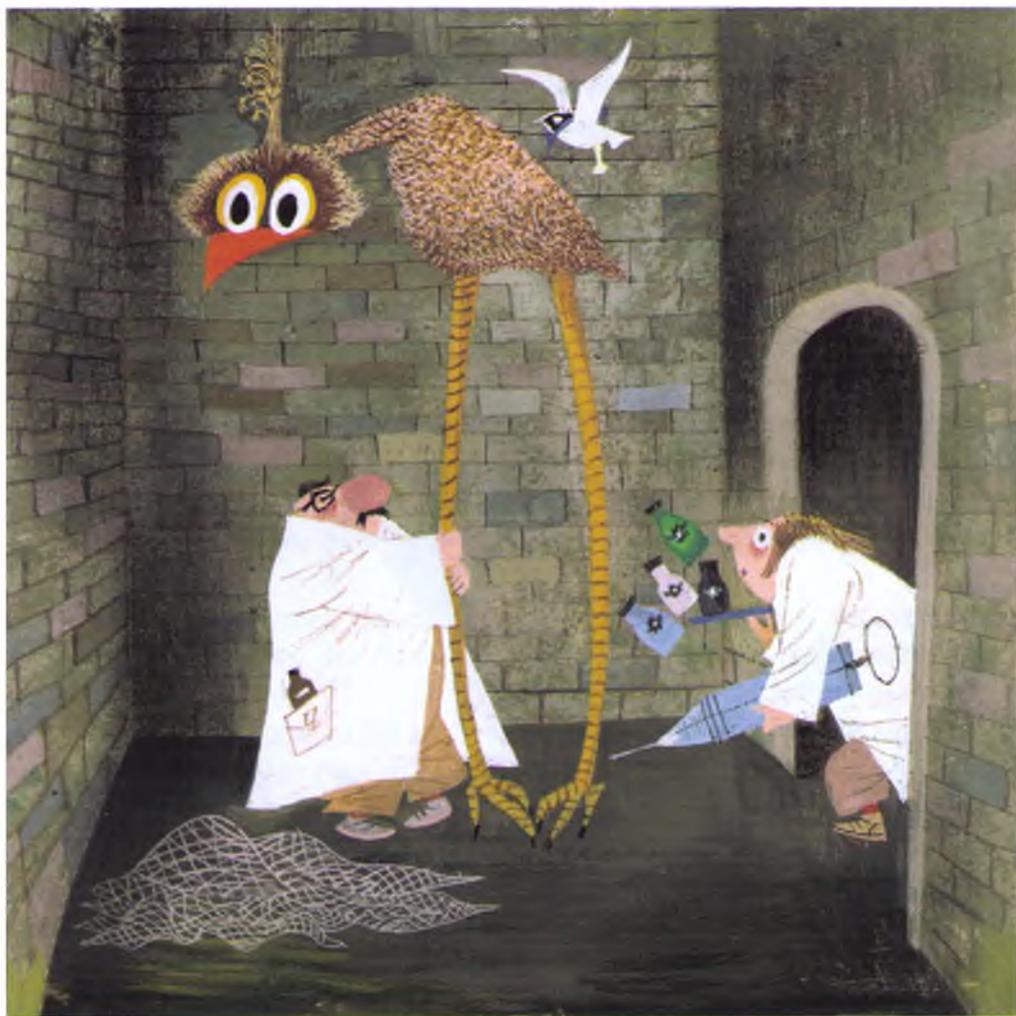
— Да прогоните же эту чайку! И держите кудряиста! — вопил господин Шмяк.

Господин Питерсен сделал ещё одну попытку, но получил от Карла такую оплеуху, что даже вскрикнул от боли.

— Полетели, полетели со мной, — звал Карл. — Через море, через всё глубокое море к Ленивому острову, где живут кудряисты! Твои братья и сёстры, вся твоя семья! Полетели!

— Вот я тебе задам, мерзавец! — крикнул господин Шмяк.

Он протянул обе руки вверх, чтобы схватить кудряиста. Но в этот момент кудряист сделал шаг в сторону. Он вдруг взмахнул крыльями и взлетел. Он чуть было не упал, но, когда Карл ещё раз

крикнул ему: «Полетели!» — кудряист поднялся в воздух. Точь-в-точь как показывала цапля, широко взмахнув крыльями. Он пролетел небольшой круг над головами изумлённого директора и его помощника.

— Смотри! — закричала голубка Долли с другой стороны ворот.

Плюк поднял голову.

— Пр-р-р... та-ли-лу! — раздалось с неба.

А потом:

— Морской привет!

Плюк прыгал и скакал как сумасшедший.

— У него получилось! — кричал он. — Я всё понял: Карл нашёл других кудряистов. И теперь наш кудряист знает, куда ему лететь!

В тот момент ещё два человека увидели пролетающего мимо кудряиста. Это были Лизавета и её мама.

— Это улетело наше вознаграждение, — со злостью сказала Лизаветина мама.

До свидания!

Плюк проснулся очень рано и подумал: «Что сегодня за день? Ах да! У меня ведь день рождения! И никто об этом не знает, потому что я никому не рассказывал. Так что день будет очень скучный...»

Плюку стало немного грустно, и он пошёл умываться. Тут он посмотрел по сторонам. А где же тараканиха Заза? В своём уголке её не было. И в шкафу её тоже не оказалось. Заза как будто исчезла.

— Ты где? Куда ты спряталась? — забеспокоился Плюк.

Вдруг до него донёсся тихий, приглушённый голосок:

— Помогите!

Звук доносился со стороны стола. Вчера вечером Плюк оставил открытой банку джема.

— Батюшки, ты в джеме! — перепугался Плюк. — Я сейчас!

Он сунул в банку ложку, и Заза с трудом выкарабкалась по ней наверх.

— Какая ты глупая, Заза, ты ведь могла завязнуть в джеме и задохнуться! На кого ты похожа! Ты вся липкая! Я вымою тебя под краном.

— Нет! — завопила Заза. — Для тараканов очутиться под краном — смертельно опасно.

— Ну, тогда я аккуратно вытру тебя салфеткой.

Когда Зазу удалось почти полностью отчистить от джема, она сказала:

— Я тебя поздравляю!

— Ой, ты знаешь, что у меня день рождения! — обрадовался Плюк. — Как приятно, спасибо тебе.

— У меня была такая прекрасная идея, — призналась Заза. — Я хотела украсить для тебя стол. Сначала опустить лапки в джем, а потом пройтись по скатерти, по кругу, и тогда бы у меня получились чудесные красные узоры. Но я увязла в джеме!

— Очень мило с твоей стороны, что ты всё это придумала, — сказал Плюк. — Но никогда больше так не делай! Вот тебе яблочная кожа.

Они вместе позавтракали, а Плюк всё время думал: «Какой же скучный будет у меня день рождения... Никто о нём не знает».

В этот момент что-то ударило в окно. Это был Карл. Плюк быстро накрыл Зазу колпаком для сыра и открыл окно.

Карл влетел в комнату и положил Плюку на бутерброд мёртвую рыбку.

— Это тебе! Поздравляю! — сказал он.

— О, спасибо, — пробормотал Плюк и покраснел. — Откуда ты узнал, что у меня день рождения?

— Случайно услышал, — сказал Карл. — Съешь её скорее! Она только что из моря!

— Я э-э-э... я лучше съем её вечером, — ответил Плюк. — Расскажи, как дела у кудряиста?

— Отлично! — сказал Карл. — Он на Ленивом острове с другими кудряистами. Там его мама и папа, и у него целая куча сестрёнок! Он передавал тебе привет. Ну, а мне пора. Весёлого тебе дня рождения! Морской привет!

Карл улетел.

Плюк выпустил Зазу. Но в этот момент в окно опять кто-то влетел. Это оказалась Толстушка Долли. В клюве она держала конверт и, прежде чем сесть, немного полетала над столом.

— Эй! — закричал на неё Плюк. — Ты что это делаешь! Что ты опять наделала! И прямо на мою скатерть! Фу, как противно!

— Сердечно поздравляю тебя с днём рождения, — очень вежливо сказала Долли. — И ты неблагодарный мальчик. То, что я сделала, приносит счастье, это такая примета. А это письмо от твоих друзей, читай скорее.

Плюк открыл конверт. В письме было написано:

«Дорогой Плюк, у тебя сегодня день рождения! Но в твою комнату мы все не поместимся. Лучше спускайся к нам вниз».

Плюк даже покраснел.

— А кто там, внизу? — спросил он.

— Поторопись и сам всё увидишь, — сказала Долли и вылетела в окно.

— Мне нужно вниз, Заза, — сказал Плюк. — Пойдём со мной? Я посажу тебя в коробочку.

— Нет, я лучше побуду дома, — сказала Заза. — Но буду тебя дожидаться.

Плюк спустился на лифте на первый этаж. Когда он открыл дверь на улицу, то увидел свой подъёмный кран, весь украшенный флажками и цветами. В нём сидел господин Ручка. И Ахонька. А сзади стоял старый автомобиль семейства Топотушкиных. Папа Топотушкин и шестеро маленьких Топотунчиков все сидели в машине. При виде Плюка все стали кричать и свистеть. И петь песню про день рождения.

— Спасибо вам, — смутился Плюк.

Каждый вручил ему свёрток с подарком. И теперь Плюк сидел на ступеньке и разворачивал подарки. Книжки с комиксами, ковбойский ремень, цветные карандаши и даже малюсенький фотоаппарат. И много всего ещё.

— Откуда вы узнали про мой день рождения? — постарался перекричать восторженные крики Плюк. — Я думал, про него никто не знает.

Но все только смеялись. А потом папа Топотушкин сказал:

— Мы кое-что придумали. Давайте все вместе уедем куда-нибудь на целый день. Наша машина снова в полном порядке. Поедем на двух машинах. Что скажешь, Плюк?

— Как здорово! — воскликнул Плюк. — А куда же мы поедем?

— Это решать тебе, — сказал господин Ручка. — Ведь это твой день рождения. Так что говори.

Плюк на минуту задумался. А все остальные ждали, когда же он что-нибудь решит.

В наступившей тишине Плюк вдруг услышал тихий звук из своего кармана:

— Ту-у-у-у... Ту-у-у-у...

Шептуля! Плюк быстро вытащил из кармана красивую розовую раковину и приложил к уху.

— К Фуманной феке, — сказал голосок Шептули.

— Куда?

— К феке.

— А, я понял, о чём ты говоришь! К Туманной реке! Ты хочешь, чтобы мы поехали к волку-оборотню?

— Было бы отлифно, — сказала Шептуля.

— Мы так и сделаем, — решил Плюк.

— С дфём фофденя, — прошелестела напоследок раковина и затихла.

Плюк снова убрал её в карман и сказал:

— Я знаю. Я однажды пообещал паромщику на Туманной реке, что непременно вернусь. Это будет чудесная поездка!

— Поехали! — кричали все.

Все Топотунчики полезли в свою старую машину, а Плюк направился к подъёмному крану вместе с господином Ручкой и Ахонькой.

— Подожди-ка, давай пока сложим все подарки у меня в магазине, — предложил господин Ручка.

Когда они наконец собрались ехать, подоспел ещё один друг Плюка. Это был Майор на своём Длинно-коне. И он тоже привёз для Плюка подарок. Барабан и палочки.

— Счастливого пути! И скорей возвращайтесь! — крикнул Майор.

— Там ещё моя мама, — воскликнула Ахонька.

И в самом деле, к ним со всех ног бежала госпожа Чистотюлина. Она ужасно запыхалась и тяжело дышала. Она подарила Плюку картину, которую нарисовала сама. К счастью, госпожа Чистотюлина так и не перестала играть и рисовать. Каждый день она съедала по ложечке ежевичного джема, и это прекрасно на неё действовало.

— До свидания! — прокричала она. — Будьте осторожны и счастливого пути!

— Спасибо! — крикнул в ответ Плюк.

И наконец-то две машины отправились в дорогу.

Все жители Петтэфлета стояли на своих балконах и махали им.

— До свидания, Плюк! — кричали они. — Возвращайся поскорей!

А потом они свернули за угол. И поехали на юг.

А в небе над ними летели Карл и Долли.

**Анни М.Г. Шмидт
ПЛЮК ИЗ ПЕТТЭФЛЕТА**

В переводе с нидерландского Ирины Трофимовой
Для младшего и среднего школьного возраста

Корректор
Анна Танчарова

Вёрстка
Татьяна Васильцова

Выпускающий редактор
Вероника Рямова

Издатель Ирина Евг. Богат
Свидетельство о регистрации
77 № 006722212 от 12.10.2004

121069, Москва, Столовый переулок, 4, офис 9
*(рядом с Никитскими воротами,
отдельный вход в арке)*

Тел.: 691-12-17, 258-69-10. Факс: 258-69-09
Наш сайт: www.zakharov.ru
E-mail: info@zakharov.ru

Подписано в печать 17.03.2011. Формат 70x100¹/₁₆.
Бумага мелованная. Уч. печ. л. 18,7.
Тираж 5000 экз. Заказ № 216.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru> e-mail: book@uralprint.ru

В издательстве «Захаров»
уже вышли пять замечательных книжек
Анни М.Г.Шмидт «Саша и Маша»
и «Плюк из Петтэфлета»!

А скоро вас ждет встреча с героями новой книги
«Сказки, только сказки»...

Дорогие мальчики и девочки, мамы и папы!

Мы знаем, что очень многие из вас успели полюбить истории про Сашу и Машу замечательной сказочницы Анни М.Г.Шмидт и даже писали нам письма, в которых спрашивали: когда же будут новые истории?

И вот сегодня мы хотим познакомить вас с маленьким мальчиком, которого зовут Плюк. Он живёт в башенке очень высокого дома, ездит на маленьком красном подъёмном кране и всегда спешит на помощь своим друзьям. С ним вас ждут очень много разных историй и приключений. Вы узнаете, кто такой господин Ручка, почему все боятся госпожу Чистотюлину и как бороться с топотом, если прямо над вами живёт семья Топотушкиных. Вместе с Плюком вы поедете на море, научитесь выращивать волшебную ежевику, а ещё вам придётся придумать много хитростей, чтобы спасти добрую птицу Кудряиста от коварного господина Шмяка.

А нарисовала все эти приключения Фип Вестендорп, та самая, которая иллюстрировала книги о Саше и Маше.

Книгу про Плюка знают очень много детей из разных стран, и по популярности Плюк запросто может поспорить с самим Карлсоном!

9 785815 910676

1000577702